КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

1
1993

Общество изучения Сахалина и Курильских островов

●

Сахалинский областной краеведческий музей

●

Сахалинский фонд культуры

●

Сахалинский центр документации новейшей истории

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

1

1993

СОДЕРЖАНИЕ

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Крюков Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945—1948 гг. (Воспоминания) 7

Статьи и сообщения

Ищенко М. И. Формирование русского населения Сахалина (конец XIX — начало XX вв.) . . . 45

Акидзуки Т. Японцы и айны на Сахалине (по русским источникам середины XIX века). Перевод с японского Лим С. Ч. 85

Подпечников В. Л. Репатриация . 102

Исторические портреты

Сорокина И. П. Открытие сахалинской нефти. История одной семьи 119

Колесников Н. И. Он был первым. К политическому портрету Дмитрия Никаноровича Мельника . . . 127

Юбилей

Лопачев А. М. К 70-летию Л. М. Демина 141

Археологические исследования в Сахалинской области в 1992 г.

Шубин В. О. Международные экспедиции Сахалинского областного краеведческого музея в 1992 году . 142

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — М. С. Высоков

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов, О. П. Кузнецов, В. М. Латышев, Г. В. Матюшков, О. А. Шубина

Оформление художника А. Я. Мезиса

Адрес редакции: Россия, 693000, Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, 33, каб. 5, Сахалинский центр документации новейшей истории.

Телефон редакции 2-21-36.

© **Общество изучения Сахалина и Курильских островов**

В. М. Латышев

САХАЛИН В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. Н. КРЮКОВА

Читатели «Краеведческого бюллетеня» впервые получают возможность познакомиться с мемуарами, посвященными истории Южного Сахалина и Курильских островов в 1945—1948 гг., написанными человеком, много видевшим и знавшим, бывшим непосредственным участником событий, определявших саму историю области. Достаточно только отметить, что автор воспоминаний Дмитрий Николаевич Крюков в 1945—1948 гг., являясь начальником Гражданского управления Южного Сахалина и Курильских островов, занимал должность уникальную, единственную в своем роде, никогда прежде не существовавшую и вряд ли возможную в будущем в областном административном управлении.

Публикация мемуаров — всегда дело достаточно сложное; рукопись Д. Н. Крюкова ждала своего часа восемнадцать лет. В апреле 1975 г. меня пригласил к себе секретарь Сахалинского обкома КПСС Т. П. Селявский и передал два объемистых пакета. Один из них был вскрыт, на втором сургучные печати оставались целыми. «Разберитесь с ними. Думаю, что место этим трудам в музее; видимо, автор живет уже в другом времени», — заметил он иронично, передавая пакеты. Реакция секретаря обкома стала понятной, когда я увидел адрес на пакетах: «Сахалинский обком ВКП(б). Секретарю Губанову В. П.». Возможно, машинально, отправляя рукопись, и погруженный в то, прошлое время, Дмитрий Николаевич вместо КПСС вывел ВКП(б). В результате рукопись, не читая, передали в музей. Уверен, что если бы в обкоме воспоминания потрудились прочитать, место им было бы определено в партийном архиве, куда доступ исследователям был не так-то прост.

Удивительно, но все совпало с пожеланием автора. В сопроводительном письме к рукописи, которое было в нераспечатанном пакете, Д. Н. Крюков отмечал, что воспоминания

написаны им к 30-летию разгрома японских милитаристов и при соответствующей редакции, исключив главы, касающиеся личной жизни, могут быть опубликованы. В этом случае автор просил передать гонорар на нужды музея. Если же не представится возможным использовать материал в печати, он просил передать рукопись и большой альбом фотографий в областной краеведческий музей.

В том же 1975 г. музеем была сделана попытка опубликовать мемуары. Рукопись передали на рецензирование в Сахалинское отделение Дальневосточного книжного издательства, откуда последовал отрицательный отзыв. Откровенный взгляд автора на многие стороны сахалинской жизни смутил рецензента. Хрущевская «оттепель» давно закончилась, стояла пора замалчивания и искажения истории. Но прошли годы, и поневоле вспоминается бессмертное булгаковское: «Рукописи не горят».

Мемуары и как литературный жанр, и как разновидность исторического источника имеют свою специфику и законы. Значение их прежде всего в том, что они могут дополнить свидетельства других источников, а нередко и восполнить недостающие в них звенья. Мемуары доносят не только восприятие событий в том виде, в каком автор или наблюдал их, или принимал в них участие, но и позволяют восстановить колорит времени, тот неуловимый «аромат эпохи», без которого нет истории. Особое место при этом, конечно, занимает личность автора, его кругозор, широта восприятия событий, умение в них ориентироваться, образование, навыки, его биография, место, занимаемое в описываемых им событиях, его осведомленность о них и т. д.

Дмитрий Николаевич Крюков родился 2 октября 1899 г. в небольшой деревушке Харитонцево, на реке Нерль в Ильинском районе Ивановской области. В этом месте сейчас сходятся границы трех областей — Ивановской, Ярославской и Владимирской, и до Москвы всего 193 километра. Семья была крестьянская; чтобы как-то прожить, отец зимой уходил на отхожие промыслы в Москву или Юрьевец. Дмитрий Николаевич был девятым ребенком в семье, но все братья и сестры почти сразу после рождения умирали. Вскоре умирает мать, вместо нее появляется мачеха. Недолгая учеба в школе и все время тяжелый крестьянский труд. Когда читаешь автобиографические заметки Д. Н. Крюкова в последующих письмах в музей, кажется, что все это уже читал где-то раньше, настолько все типично и знакомо по рассказам Н. В. Ус-

пенского и А. П. Чехова. «С десяти лет я выполнял уже все полевые и домашние работы, даже пахал, — вспоминает Дмитрий Николаевич, — ездил зимой на лошади с извозом, а в свободные минуты приходилось нянчиться уже с родившимися двумя братишками». В одиннадцать лет он был отправлен «в люди» в Ярославль, и все заработанное отправлял домой в деревню. Затем тяжелая работа на дикстриновом заводе.

Жизнь резко изменилась после 1917 года. В 1919 г. Д. Н. Крюкова призывают в Красную Армию. После краткой учебы на курсах связистов — бои на Украине с деникинцами и петлюровцами, несколько ранений, болезнь тифом. И опять все кажется знакомым, настолько типична биография уже для советского времени.

После демобилизации из армии в 1921 г. Д. Н. Крюков на советской работе. Избирался председателем волостного исполкома, затем работал в уездном Ростовском. В 1924 г. по ленинскому призыву вступает во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). Несмотря на полную нехватку времени, старается учиться, заканчивает два курса сельхозтехникума. С 1931 г. Д. Н. Крюков уже в Москве, работает инспектором-контролером в Наркомземе, а через год по направлению ЦК ВКП(б) выезжает в Хабаровский край директором Дальневосточной сельскохозяйственной опытной станции. Осенью 1934 г. по ходатайству Сахалинского обкома партии его направляют на Сахалин для организации опытной сельскохозяйственной станции.

За этими несколько суховатыми строками — бурное переломное время, изменившее облик страны. Время невероятно сложное, иногда неоправданно жестокое, где мощное созидание неотделимо от национальных трагедий, а за безусловные успехи в строительстве социалистического государства заплачено слишком дорогой ценой. Но ясным это становится сейчас, тогда же время рождало талантливые, самобытные и сильные характеры. К ним, на мой взгляд, принадлежит и автор воспоминаний Д. Н. Крюков.

Сахалин в описываемое Д. Н. Крюковым время довольно мало известен по существующей литературе. Издания 40—60-х годов, где многое читалось между строк, сейчас стали редкостью. Последующие научные труды, как правило, отражали скорее принятые идеологические и методологические схемы, чем реальную жизнь. Поэтому такими важными становятся свидетельства очевидцев. Но много ли мы зна-

ем таких свидетельств? К сожалению (это тоже повод для раздумий), почти никто из областных руководителей не оставил своих воспоминаний, и это, конечно, выделяет также Д. Н. Крюкова из их числа.

Уважительное отношение к истории, ответственность перед ней прослеживаются по всем главам воспоминаний. Хорошо знавший Крюкова известный сахалинский краевед А. Н. Рыжков вспоминал, что Дмитрий Николаевич делал подборки различных документов для себя и затем увез их, видимо, уже тогда задумав писать воспоминания о работе на Сахалине. Поэтому многое из упоминаемого в воспоминаниях для читателей будет новым, многое увидится под иным углом зрения.

Впервые, пожалуй, в таком объеме публикуются материалы о Южном Сахалине и Курильских островах 1945—1948 гг. Несмотря на относительную близость этого времени, оно окутано странной пеленой умолчания. Особенно все, что касается совместного проживания трехсоттысячного японского населения с советскими переселенцами. И, конечно, воспоминания насыщены реальными людьми, так или иначе причастными к истории области. Для сахалинской истории это тоже еще не совсем привычно. Так что читатели встретятся с прекрасной, неординарной работой, которая, я уверен в этом, будет долго использоваться и неоднократно цитироваться исследователями истории края.

После Сахалина жизнь Д. Н. Крюкова была такой же энергичной и насыщенной. Он закончил полуторагодичные курсы при Академии общественных наук ЦК КПСС и двенадцать лет проработал председателем Тюменского облисполкома. Трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР, был делегатом XIX, XX и XXI съездов КПСС. Отмечен четырнадцатью правительственными наградами. После двух инфарктов «был отпущен» на пенсию и поселился в г. Звенигороде Московской области. Активно занимался общественной работой, много времени уделял мемуарам, работая в секции ветеранов революции при Институте марксизма-ленинизма.

В Южно-Сахалинске именем Д. Н. Крюкова названа улица. Доброй памятью о человеке, много сделавшем для Сахалина и сахалинцев, станет и настоящая публикация его воспоминаний.

Сахалинская и Курильская
историческая библиотека

Д. Н. Крюков

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ В 1945—1948 гг.

(ВОСПОМИНАНИЯ)*

НАЧАЛО НОВОЙ РАБОТЫ

У жены после пятнадцатилетнего пребывания на Дальнем Востоке было большое стремление выехать в центр России, ближе к родным местам. Я родился и вырос в Ярославской, а она в Брянской области.

Да и дети, сахалинцы, подрастали. Надо было показать им нашу Родину. Возникал вопрос и о продолжении их учебы.

Жене Хабаровск казался лишь пересадкой на этом пути. Я же основательно влезал в дела края, забыв старую пословицу: «Не живи, как хочется, а живи, как бог велит». В новом ее толковании: «Живи, как ЦК велит».

И вот я уже лечу в г. Тойохару, бывший центр японского генерал-губернаторства, расположенный на месте русского села Владимировка. Готовясь к отлету, я не спал три ночи и едва держался на ногах. Генерал Пуркаев, видя мою неспособность вести беседу, посоветовал хоть немного отдохнуть (1).

© Сахалинский областной краеведческий музей

Второй пилот устроил мне подвесную постель, и я, попросив его разбудить меня на подходе к берегам Сахалина, тут же заснул. Через два часа меня подняли. Самолет пересек самый узкий перешеек острова и пошел над восточным побережьем на юг. Часто встречались поселки, тянулась узкой лентой железная дорога, возле нее — шоссе. На многих горах выгорел лес. Ландшафт печальный. Поворачиваем от берега в широкую долину. Направо — большие заболоченные поля с речушками, налево — сравнительно крутые горы. Пролетаем над военным аэродромом. Далее у подножия гор, в зелени — красивые здания. Это научно-исследовательский центр. И вот сахарным заводом и бумкомбинатом начинается город Тойохара. Делаем над ним круг, чтобы посмотреть сверху. Выглядит он с высоты неплохо.

Приземлились на большом аэродроме в южной части города. Двухэтажное каменное здание аэропорта раскрашено в разные цвета. Это камуфляж. Самолеты подруливают на цементированную площадку. Жарко не по-осеннему.

На площадке построен почетный караул. Впереди него — с десяток генералов. Играет оркестр. К генералам и караулу направляются Василевский, Пуркаев, Леонов; позади них иду я. Василевский выслушивает рапорт коменданта, затем с Пуркаевым и Леоновым садится в машину, и они уезжают в подготовленное помещение штаба фронта. Для нас (со мной прибыло десять работников Гражданского управления) никакого здания нет. Обращаюсь к коменданту генералу Алимову и узнаю, где размещается комендатура. Мы едем туда. Это — двухэтажное, в несколько комнат, деревянное здание. Заявляю Алимову: «Здесь мы пока и разместимся». Алимов спрашивает: «А как же комендатура?» Я отвечаю: «На днях ее упразднят. Дела сдадите советскому мэру города, начальнику городского управления, а пока вы как комендант сумеете разместиться в другом здании». Алимов пытается вступить в спор. Он — генерал, а я — полковник. Говорю ему: «Обращайтесь к Пуркаеву». Пуркаев дал ему нагоняй за то, что по телеграмме не подготовил здание для Гражданского управления. После я спрашиваю Алимова: «Есть ли тут приличные гостиницы?» Оказалось, приличных две. Одна подготовлена для командования и Микояна, другая — в резерве. (2).

Садимся опять в машины и едем в резервную. Остановились на узкой улице у домика с раздвижной дверью. Говорю своим работникам: «Здесь пока будем жить коммуной, устраивайтесь и мне уголок подготовьте». И уезжаю в штаб

фронта. В штабе Василевский собрал весь генералитет. Докладывают обстановку и положение дел на Южном Сахалине и Курилах. Я слушаю. В перерыве Пуркаев представляет меня генералам как своего заместителя и начальника Гражданского управления Южного Сахалина и Курил. Черемисов смотрит на меня и произносит: «Товарищ командующий, мы с ним знакомы, несколько лет работали на Северном Сахалине». «И я его знаю», — произносит генерал Батуров. Эта встреча меня обрадовала. (3).

В штабе фронта мы просидели почти до часу ночи. Обсуждали дислокацию воинских соединений, их материальное обеспечение. Решили вывести из городов все войска, оставить на квартирах лишь командный состав с семьями. Василевский поручил генералам подготовиться для более подробного доклада Микояну о военной операции по освобождению Южного Сахалина и Курил (4).

Тут у меня впервые произошел крепкий разговор с Пуркаевым, в котором Василевский и Леонов поддержали меня. Я просил как можно быстрее подчинить Гражданскому управлению комендантов городов, как можно быстрее организовать городские гражданские управления, а комендатуры ликвидировать.

Вместе с войсками на Южный Сахалин прибыл представитель Сахалинского облисполкома Емельянов. Он присутствовал на этом совещании и в перерыве сообщил мне, что начальники по тылу воинских соединений, некоторые командиры частей и коменданты городов прибирают к рукам материальные ценности, которые нужны для восстановления и работы предприятия. Так, в Отиай (Долинске) было забито на мясо около сотни племенных коров. На многих предприятиях взяты лошади, транспортные средства, сырье, различное оборудование, моторы и т. д. Я, сославшись на заявление И. Сталина, что «Южный Сахалин и Курилы, отойдя к Советскому Союзу, стали... служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток..., а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии», сказал Пуркаеву, что никаких «трофеев» на своей земле быть не может, ничто нельзя растаскивать, надо все передать советским органам, задача которых, в первую очередь, организованно обеспечить армию материалами и продовольствием и одновременно создать нормальные условия для существования оставшегося здесь четырехсоттысячного

японского населения. При его участии необходимо восстановить промышленность и сельское хозяйство, поскольку русского гражданского населения здесь пока всего лишь несколько сот человек. И никуда не годится, добавил я, что генерал Алимов начал распоряжаться ценностями. В частности, обнаружил склад мехов и принялся раздавать шкурки в виде подарков.

Чтобы дальше не спорить по ряду важнейших вопросов устройства экономической жизни на возвращенных землях, решили согласовать их с тов. Микояном, прибывающим завтра в Тойохару. На этом совещание закончили.

Мне дали провожатого, и мы в темноте отправились к гостинице. Еще недавно здесь на втором этаже жили девушки к услугам мужчин. Это был дом терпимости, гостиница и ресторан. Девушек выселили, устроили на работу, дали им общежитие. Когда мы входили, нас, кланяясь чуть не до земли, встретил хозяин. Оказывается, он весь вечер ждал нас у двери. Кто-то из наших работников пошутил: мол, скоро сюда явится самый главный начальник острова, он сердитый.

Хозяин не потребовал от нас снять обувь и надеть туфли, а сам надел их прямо на наши сапоги и провел нас в довольно чистую, хорошо убранную комнату. Через несколько минут принес нам ужин и теплое сакэ. Мы немного поели, пить не стали, разделись и легли на пышную постель, положенную посреди комнаты на чистые циновки, и сразу уснули. Без всякой охраны.

Утром проснулись чуть свет. Я договорился с Емельяновым, что он будет у меня первым заместителем. На Военном совете его оформил и тотчас послал к приехавшим сотрудникам организовывать их работу в управлении. В это время явился ко мне переводчик в чине капитана и заявил: откомандирован штабом в ваше распоряжение. Жуйков оказался неплохим переводчиком и старательным работником.

Утро было солнечное, теплое, и я решил часа полтора-два походить с Жуйковым по городу. Многоэтажных каменных домов нет. Выделяются лишь трехэтажное серое здание гимназии, занятое под госпиталь, возле вокзала красиво оформленное под камень деревянное здание почты, затем каменное губернское управление, два особняка военного командования, музей и три трехэтажные каркасные штукатуренные школы. Есть еще несколько железобетонных производственных зданий.

В основном, город деревянный. Дома стоят, примыкая

друг к другу, тесово-каркасные, штукатуренные. Многие из них выглядят неплохо, кажутся каменными, но они холодные. Везде по стенам вверх пристроены высокие гончарные трубы, к ним из помещения подведены железные трубы от чугунных печей, вроде наших буржуек, которые стоят в углублении комнаты. Те, кто побогаче, имеют электропечи и даже красиво оформленные электрокамины. Многие круглый год отапливают свои комнаты. Все это позднее мы испытывали на себе. Зимой в трескучий мороз по комнате ветер гуляет, температура ниже нуля, из-под одеяла носа не высунешь.

В городе есть аристократические кварталы. Они — ближе к горам. Здесь все в зелени. Постройки огорожены изгородью. Вокруг них — кустарники, цветы, даже садики с плодовыми деревьями. И внешняя, и внутренняя отделка домов более чистая; дерево — полировано, резьба, лак, картины, красивые шторы, пол покрыт лаком, но потолки, как и у всего населения, запылены, не протираются. Уборные и ванные отделаны кафелем. В этих домах — буржуазия, чиновники, интеллигенция. Рабочие в большинстве живут в бараках, принадлежащих владельцам предприятий и фирм. Эти бараки разделены на маленькие с одним окном комнатки, выход из них прямо на улицу.

Побывав с Жуйковым в ряде жилищ и побеседовав с жителями, мы поняли: наш советский народ так жить не будет. Нужно все города и поселки перестраивать заново. И первые поселенцы, прибывая с материка и занимая такие свободные домики и квартиры, уже начали перестраивать их, класть кирпичные печи. От них возникали пожары, и поскольку никаких разрывов между домами не было, то сгорало сразу несколько. Мы вынуждены были не тушить горящий дом (он сгорал за несколько минут), а ломать два соседних и таким образом ликвидировать пожар, иначе выгорали бы целые кварталы.

Непривычным было и то, что улицы очень узкие, что на них не только в губернском городе, но и во всех городах и поселках нет ни деревьев, ни кустарников. Это, как потом сказал мне генерал-губернатор, объясняется тем, что улицы и площадь принадлежат городской мэрии, а вся земля под домовладениями — частная. За эту землю постоянно идет борьба между предприятиями. Цена на нее из года в год растет, особенно в центре города. Размеры участков разные, в зависимости от состояния владельцев. Пройдя ряд улиц,

мы увидели: даже на центральных замощены или асфальтированы лишь узкие полоски посредине, по которым движутся пешеходы и транспорт. Тротуаров нет. Там, где они должны бы быть, земля занята дровами, углем, хозпредметами, мусором. Здесь же домохозяйки стирают белье, чистят овощи, моют посуду, колют дрова, оправляются дети. Проходы к входным дверям с улицы узкие. Кругом грязь, вонь и миллиарды мух.

Транспорт — преимущественно конный. И велосипеды. Мужчины, женщины, подростки виртуозно выкручивают на них, и приходится удивляться, как они ухитряются не зацепить друг друга. Даже здесь, в губернском центре, ни трамвая, ни автобусов, ни такси нет; автомашин более десятка у знати.

У каждого дома — парадный выход во двор. Сам двор чистый, благоустроенный, превращен в священное место для отдыха. Две-три сакуры, рододендроны, карликовые хвойные и другие деревца, дорожки выстланы мелким камнем или плитками, в центре — маленький бассейн; хотя и из водопровода, но журчит по желобу или переливается по камушкам маленький ручеек; тут же беседки, скамеечки. Чем богаче владелец, тем больше и красивее внутренний дворик. Какой-то чудесный замкнутый мирок чистоты для отдыха хозяина и семьи.

При всем этом в голову лезет мысль: нельзя оставлять улицы в таком состоянии. В военных соединениях, а в дальнейшем и в гражданских организациях будут сотни легковых и грузовых машин, они быстро размесят эти легкие покрытия. Вот едет на легковой машине наш офицер (каждому офицеру от полковника до генерала положена личная машина) по центру улицы среди людей, невольно обдает их грязью, они возмущаются. Впереди идут два японца, беседуя, не обращают внимания на гудки. Шофер, подъехав к ним вплотную, тихонечко толкает одного из них буфером. Они, испуганные, разбегаются в стороны, явно недовольны.

Вскоре мне пришлось запретить быструю езду и вместе с Военным советом начать делать по главной улице настоящую дорогу и тротуары, а на второстепенных улицах — тротуар с одной стороны.

Одежда у большинства населения сильно поношенная, часть японцев, очевидно, еще боится надевать хорошую. Почти все женщины ходят в шароварах и фуфайках из синей материи; хотя они разных фасонов, выглядят однообраз-

но и некрасиво. Редко увидишь женщину в кимоно, но все-таки встречаются и модницы. На них, как правило, три кимоно. Из-под них выглядывают легкие шаровары. На голове копна волос в завитушках.

Почти все женщины ходят на деревянных колодочках, прикрепленных к ступне ремешком, при этом они очень стучат. Ноги у многих босые, чистые, красные, поскольку утром уже свежо. Мужчины, особенно рабочие, ходят в синих полотняных или брезентовых куртках с огромными, во всю спину, иероглифами той фирмы, где они работают или служат. Это уродует человека и вызывает неприятное чувство как бы закрепощения его за владельцем.

Я знал, где размещаются члены Военного совета и ряд учреждений. Пуркаев, например, занял особняк генерал-губернатора, а находящийся под домашним арестом губернатор переселен в другой домик. Нач. штаба Казаковцев занял особняк вице-губернатора, зам. командующего генерал-лейтенант Леонов — какой-то скромный особнячок. В составе фронта насчитывалось несколько десятков генералов. Все они были размещены в особняках при содействии коменданта города генерала Алимова.

На центральной улице и на параллельной с ней — десятки небольших магазинчиков. Все они закрыты, но не заперты: в задних комнатах живут владельцы. Позовешь, выйдет хозяин, отпустит товар. Но товаров сейчас почти нет, кроме хозяйственных предметов домашнего обихода, деревянной обуви и детских игрушек. Из продукции лишь подсушенные овощи, травы, стебли лопуха, лук и мелкая сушеная и вяленая рыбешка. Владельцы магазинов говорят, что уже третий год товары и продукты не завозятся. Население живет впроголодь. Лишь по карточкам для детей немножко выдают риса, бобов, картофеля. Буржуазия живет еще за счет старых запасов, к тому же ей удается кое-что привозить из внутренней Японии.

На нескольких магазинах оказались запоры. Выяснилось: кое-кто из наших солдат, заходя в открытые магазины, начал перекладывать с прилавка в карман ручные часы, интересные игрушки (брать-то было больше нечего) и сакэ. Японских денег у наших солдат не было, а русские — японцы не принимали. Командование быстро среагировало: запретило заходить в жилища японцев, в их храмы, в магазины, строжайше наказывая за факты мародерства. Нам пришлось по карточкам предоставлять населению в самых минималь-

ных размерах гаолян, сою, рыбу, картофель и овощи. О молочных и мясных продуктах, даже о растительных жирах, не могло быть и речи.

Плохо жили и крестьяне. Они под строжайшим контролем обязаны были сдавать весь урожай на склады торговых фирм, вплоть до семян, которые возвращались им весной с наценкой за хранение. Сдавалось на небольшие молокозаводы молоко и мясо. Базаров и рынков не было. Вообще свободная торговля продуктами была запрещена, кроме морской капусты и мелкой рыбы. Цены на продовольствие были очень высокие, а заработки, несмотря на 12-часовой рабочий день, весьма низкие.

На другой день я осмотрел несколько храмов и прошел за город, в парк. Здесь на площадках собрано много памятников — трофеи победной войны над русскими 1904—1905 годов. Вот русская пушка, вот труба с крейсера «Новик». Здесь же галерея надгробий воинам-самураям, отличившимся в боях. Среди парка большой красивый пруд, но плотина разрушена, воды нет. Игровые площадки, детская плескалка, незаконченный стадион, лыжная станция с домиком вверху.

Так два утра до приезда А. И. Микояна я знакомился с городом и возвращался в свое «оригинальное жилище» с тяжелыми думами.

Генерал Алимов освободил здание комендатуры на Южно-Сахалинской улице — так мы ее назвали, и кабинет коменданта почти на два года стал моим. Здесь мы провели первое заседание Гражданского управления, обсудили вопрос укомплектования его кадрами в недельный срок, поручили всем начальникам отделов в три дня изучить организацию японской системы управления по своей отрасли, а главное — учесть все ценности на Южном Сахалине и Курилах. Было решено: восстановить работы в том порядке, какой был раньше. Во главе всех предприятий, фирм, учреждений оставить бывших руководителей — японцев, если те согласятся. Гражданское советское управление пока состояло из восемнадцати человек.

В период военных действий некоторые командующие и подчиненные им части смотрели на Южный Сахалин не как на освобожденную русскую землю, а как на оккупированную территорию: разрушали связь, дороги, забирали авто- и конный транспорт, на фабриках, заводах и у населения — материалы, сырье, продукцию и имущество. Глядя на них, японское население тоже расхищало продукты, уничтожало скот.

В течение какого-то времени была полная анархия. Все бралось, пилось и елось японцами и русскими, а отсюда — пьяный разгул. Поэтому очень трудно было восстанавливать гражданский порядок.

За ночь мы написали положение о функциях Гражданского управления, о подчинении ему народного хозяйства по всем отраслям промышленности, сельского хозяйства, банков, сберкасс, связи, народного образования, здравоохранения, других учреждений. Когда приехал Микоян, я ознакомил его с положением. Он написал: «Согласен». 24 сентября 1945 г. после совещания с секретарями крайкома Военный совет оформил это положение постановлением, а Гражданское управление — приказами № 1, 2, 3.

Тут же начали прибывать из Москвы, Хабаровска и других городов представители разных ведомств, журналисты, лекторы, профсоюзники. Их оказалось более сорока человек. Шестеро приехали по собственной инициативе — поднажиться и спекульнуть. А у нас еще милиции нет. Сами немедленно вернули их обратно. Вскоре установили строгий контроль за прибывающим населением с регистрацией в гражданских управлениях на местах. Возник еще отдел административный, который регистрировал и акты гражданского состояния. Об этом объявили по радио, в портах и аэропорту, где поставили военный контроль. Как и на границе с Северным Сахалином, откуда тоже многие стали самовольно переходить. Не признавали гражданской власти и некоторые командиры.

Со стороны японского населения, напуганного пропагандой своей военщины о зверствах русских, нарушений общественного порядка не было. Политотдел фронта быстро выпустил удобный русско-японский разговорник, и он оказался в руках у многих, а через короткое время стала выходить на японском языке газета «Новая жизнь». Это очень помогло пониманию друг друга. И вообще газета сыграла исключительную роль в организации всего хозяйства на Южном Сахалине и Курилах...

ПРИЕЗД МИКОЯНА

На третий день я должен был встретить прибывающего в Тойохару члена правительства А. И. Микояна. Утром зашел в «Краб» бумажной фабрики — одно из лучших одноэтажных зданий в небольшом парке: не то клуб, не то гостиница

для приема высокопоставленных лиц японского правительства. Здесь и были приготовлены для Микояна спальня, рабочий кабинет, небольшая столовая. Обслуживать его поручили трем девушкам-японкам и поварам штаба фронта с соответствующей охраной. Здесь же наметили разместить и всю группу работников, прибывающих с ним. Еще раз осмотрел комнаты: как будто все в порядке. Штаб фронта постарался. Зашел к Леонову, и мы поехали на аэродром. Самолет подруливает к самому аэровокзалу. Выходит Микоян, за ним — маршал Малиновский, Пигалев (из аппарата ЦК), министры Макаров, Меньшиков, Ишков и другие. Под марш военного оркестра Пуркаев представляет Микояну и Малиновскому весь генералитет, и мы отправляемся в «Краб» (5).

Было проведено узкое совещание. Пуркаев коротко сообщил о военных и общих делах, о положении дел с хозяйством на Южном Сахалине и Курилах. Немного я мог сказать. Ночью Микоян позвонил И. Сталину. Было решено: через два дня — после более детального ознакомления на месте с обстановкой — созвать совещание с участием первых секретарей Приморского, Хабаровского крайкомов, Северо-Сахалинского обкома, а затем выехать, попутно посетив Камчатку, на Курильские острова. Всю ночь мы сидели в управлении с начальниками отделов, составили краткую характеристику дел по всем отраслям хозяйства, внесли свои предложения. Закончили в семь утра.

Почти два дня Микоян и я договаривались о срочных восстановительных работах в городах и на всех предприятиях, о сырье для них, о немедленном возвращении японского населения, скопившегося в портах, к местам их постоянного жительства, о введении денежного обращения — советского рубля и японской иены на паритетных началах, об использовании военнопленных на восстановительных работах во главе с офицерами, о создании промышленных трестов, о кадрах — словом, о многих неотложных вопросах.

За это время мы успели побывать в Отомари (Корсакове), Маока (Холмске), Сикука (Поронайске). Микоян не отпускал меня ни на час, особенно мне доставалось при поездках. Он худоват, легок на подъем, всюду почти бегал, делал замечания и предложения, мой переводчик капитан Жуйков едва успевал записывать. А я, затянутый в китель и брюки полковника, в сапогах, едва поспевал за Микояном, был мокр от пота. А осень была изумительно теплая и сухая. Вечером же, а подчас и ночью, торопился в управление. Здесь у

ребят — оперативность небольшая. Ни переводчиков, ни транспорта, а без этого работать невозможно. Мы знали, что где-то недалеко от Отомари есть резервация русских, собранных перед войной в двух поселках, преимущественно бывших кулаков и торговцев.

Я направил туда Яковлева. Оказалось, они не забыли русский язык, и почти все говорят по-японски. У них японский комендант, без его разрешения ни в один город, даже в ближайшее село, выехать не могут. Живут очень плохо, занимаются лишь сельским хозяйством, земли — глинистые, лес кругом вырублен. Яковлев набрал их как переводчиков на каждый отдел и для районных управлений. Установили им зарплату. Выдали удостоверения. Они были рады. Работали добросовестно, говоря, какое счастье им подвалило: теперь у нас есть «глаза, уши и язык».

Через день договорились со штабом фронта и о транспорте. У каждого отдела стало по «виллису». У меня три машины: легковая, «виллис» и «додж». Оперативность Гражданского управления быстро усилилась, и я располагал более подробными данными о положении дел на местах, чем штаб фронта; через несколько дней военные коменданты городов и районов были подчинены по гражданским делам мне, как начальнику управления и заместителю командующего фронтом. Тут у нас с Пуркаевым опять произошел небольшой спор. Он попросил Микояна и Василевского разрешить ликвидировать комендатуры в городах и поселках, передать все дела районным гражданским управлениям. Я, в свою очередь, сказал, что гражданские управления «пока на бумаге». Прошу оставить комендантов, пока не укомплектуем управления гражданскими начальниками из прибывающих коммунистов, а на это потребуется месяца три. Со мной Микоян согласился, и их оставили.

Руководители фронта Пуркаев и Леонов оказали нам большую помощь в восстановлении народного хозяйства. Японцы постарались разрушить его основательно. Увязнув в войне в Юго-Восточной Азии, они запустили хозяйство Южного Сахалина и Курил. Капитальное строительство и ремонт предприятий, дорог, портов были приостановлены. В течение пяти лет электростанции на бумфабриках, обеспечивающие города и поселки электроэнергией, не ремонтировались, многие железнодорожные мосты, порты и цементные портоубежища находились в полуразрушенном состоянии, 17 угольных шахт, 15 рыбоконсервных заводов, бумфабрика в Тома-

ри, ряд других предприятий были закрыты. Значительная часть оборудования была вывезена в Японию. Пока военные оказывали ярое сопротивление нашим войскам, трудовое население в некоторых местах разрушило и дезорганизовало транспорт, связь. Из многих городов и сел, особенно из крупных — Сикука, Эсутору, Отиай, Маока, Торо, Отомари, Тойохара, под влиянием агитации, что русские — это не люди, а звери, захватывают в плен всех солдат и мирных жителей, мучают и убивают, женщин насилуют и режут, имущество забирают, дома жгут, — в страхе от таких слухов население бежало в порты в надежде уплыть в Японию, бежало в леса и горы, поджигая дома. В этих городах было сожжено от 30 до 80 процентов домов, уничтожено и угнано более 4 000 лошадей, до 80 процентов рогатого скота, почти все свиньи, овцы, птица. В начале военных действий на о. Хоккайдо был переправлен весь самоходный флот от пароходов до катеров, на нем вывезено около 124 тысяч женщин и детей, семей буржуазии и чиновников. С ними увезены валютные ценности, золото, много имущества. Оставшееся население растаскивало последние запасы продовольствия, хоронило, закапывая в землю, в угольные отвалы и под воду оборудование, машины и материалы предприятий. Денежное обращение и торговля прекратились.

Нам предстояло быстро навести порядок в городах, сохранить предприятия и материальные ценности, водворить японцев на места их жительства, дать им работу и питание. Трудно было все это сдвинуть с места. Трудность была и в том, что вся промышленность, торговля и коммунальное хозяйство были в частных руках, а для управления существовал многочисленный административный японский аппарат. Только в штате губернаторства и четырех окружных префектурах насчитывалось свыше двух тысяч чиновников.

С чего мы начали? Прежде всего буквально за несколько дней была восстановлена телефонная связь со всеми городами и крупными предприятиями. Восстановили железнодорожное сообщение. Ремонт мостов, насыпей, полотна производили силами военнопленных. Немедленно решили и финансовые вопросы. Для учета всех банков (а их было до семидесяти), акционерных обществ, сберегательных касс, страховых обществ, почтовых отделений и других организаций, проверки в них денежной наличности и ценных бумаг создали комиссию под руководством начальника финансового отдела управления Дмитриева. После тщательной проверки счетов

все банки, акционерные общества и сберегательные кассы были оставлены до официальной национализации в управлении японцев, но с подчинением и под контролем единого сахалинского Госбанка. Была сохранена и неприкосновенность всех счетов и сбережений предприятий, учреждений, организаций и японских граждан. Полная же национализация и ликвидация японских банков, изменение сети сберкасс были проведены после постановления Совета Министров Союза 2 февраля 1946 года.

Тяжелую обстановку создало население, бежавшее с севера на юг, в порты. Но в портах никакого флота для перевозки не оказалось. Продовольствия тоже, жилищ нет. На берегу моря образовался огромный лагерь взрослых, детей и стариков в количестве более шестидесяти тысяч человек. Хорошо, еще была сухая и теплая погода. Но все же питаться было нечем, даже для детей ничего не могли достать. Ели все, что могли найти: всякую траву, сырые овощи, плохую рыбу. Возникли дизентерия, тиф, другие заболевания. Нам пришлось направить сюда санчасти фронта, организовать полевой лазарет и оказывать помощь больным, прежде всего детям. Тут же организовали два раза в день горячее питание за счет ресурсов фронта, направив на берег до десятка полевых кухонь. Затем разъяснили населению: японские суда за ними не придут, граница уже закрыта, немедленно выезжайте туда, где жили. Срочно стали группировать людей по городам и селам и на поездах и автотранспорте фронта развозить на старые места жительства, подкармливая их в пути. Все это было сделано в течение недели, и, таким образом, мы избежали массовых заболеваний, гибели части населения.

СОВЕЩАНИЕ. ПОЕЗДКА НА КУРИЛЫ

23 сентября было созвано важное совещание. На нем присутствовали: Микоян с министрами, члены Военного совета, маршал Василевский, секретари Приморского и Хабаровского крайкомов партии, Северо-Сахалинского обкома, Малиновский и я. Тов. Василевский информировал об оборонных мероприятиях и участии в них краев и области. Микоян сообщил о положении дел на Южном Сахалине и Курилах. После обмена мнениями решили сохранить пока японское административное управление во главе с генерал-губернатором Оцу Тосио, находящимся под домашним арестом и ждавшим

своей судьбы. Подчинили его Гражданскому управлению. Установили единственный исполнительный документ во всей деятельности политической, административной и экономической — «Приказ начальника Гражданского управления», который не рассылается и не выдается на руки, а объявляется лично начальником под расписку исполнителю и губернатору. Совещание шло в столовой, отведенной Микояну; после совещания был устроен обед с императорским сакэ и рисовым пивом, которые очень понравились Анастасу Ивановичу. Ночью Микоян по «ВЧ» связался с Москвой, и Сталин утвердил все наши предложения.

Мероприятия, одобренные секретарями без особых возражений (постеснялись возражать Микояну, тем более тот ссылался на Сталина), в действительности выполнялись трудно. Больше всех помог нам Пегов, быстро направив ряд партийных работников на должности начальников гражданских управлений районов, а также работников рыбной промышленности, порядочную часть рыболовецкого флота и оснащения рыбозаводов, организовал немедленно отправку пароходов с грузами, прибывающими во Владивосток для Южного Сахалина. Мой сосед Мельник тоже быстро направил кадры, продовольствие, оборудование, товары, например, даже кровати, мебель, посуду. Как ни странно, меньше всего нам помогал Хабаровск, хотя мы непосредственно были подчинены ему. Единственное, что сделал Назаров, это быстро прислал нам зам. начальника политотдела, бывшего секретаря Амурского обкома партии Богачева, и бывшего зам. предрайисполкома Джепаридзе на должность начальника Сахалинрыбпрома (6).

25 сентября — день солнечный и теплый. Готовимся завтра утром выехать на Курильские острова через Камчатку. Я пытался избежать этой поездки, спросил Анастаса Ивановича: может, я попозже съезжу на Курилы, сейчас дел невпроворот. Он немного сердито ответил: у тебя есть заместитель, поездка обязательна. Вскоре ему доложили: военное судно для поездки готово, ждет в Отомари. Это американский тральщик, полученный по ленд-лизу, оборудован прекрасно.

С Микояном едут все три министра, Назаров, я и Джепаридзе. В течение дня я написал несколько приказов по управлению, как то: о введении денежного обращения по Южному Сахалину и Курилам, приравняв японскую иену к советскому рублю, и безоговорочном приеме обоих денежных

знаков всем населением; сохранении имеющихся сберегательных касс и праве вкладов; об организации свободной торговли; о продаже по карточкам продовольствия в минимально допустимых количествах, исходя из наличия учтенных продуктов на складах и завезенных нам уже в сентябре. Проведя заседание управления, дав поручение Емельянову, я поздно вечером выехал в Корсаковский порт. Город пока в темноте. Утром чуть свет выходим в море. Погода хорошая, хотя тянет с севера свежий ветерок. С палубы смотрим, как постепенно исчезает берег Сахалина. В открытом море нас встретил шторм. Все убрались в каюты. Мой сосед Джепаридзе забрался на верхнюю койку. Лег и не вставал двое суток. Назаров буквально заболел. Министры тоже чувствуют себя плохо. Я прошел в небольшую офицерскую столовую, там капитан рассказывал Микояну о коварстве моря. Затем распорядился подать чай с лимоном. Анастас Иванович достал бутылку коньяку. Капитан попросил у него разрешения приблизиться к северо-западному берегу. Он согласился. Через несколько часов, которые мы просидели в столовой, волны действительно стали меньше. Ночью я под шум волн спал хорошо. Утром зашел в столовую: Микоян сидит на своем месте в конце стола. Мрачный. Попили чаю с коньяком. К полудню волна начала спадать. Вышли на палубу с биноклем. Микоян увидел несколько сереющих больших скирд и замечает: «О, молодцы! Сколько сена заготовили!» Позади него Ишков переминается с ноги на ногу и говорит: «Анастас Иванович, это не сено». — «А что же это?» — «Это кета в стоповом посоле!» — «Как кета? Такое огромное количество рыбы лежит и гниет?» — «Она не гниет, здесь мух нет, холодно, и она укладывается в стопы-скирды на волю головой».

Все мы знаем, что это происходит на рыбокомбинате им. Микояна. «Как же это? — опять возмущается Микоян. — Страна страдает от недостатка продуктов, а тут горы рыбы, да еще кеты! Почему ее не вывезли?» Ишков оправдывается: «Я докладывал вам, транспорта нет!» Микоян говорит зло: «Врешь! Как это нет? Где у тебя голова была? Министр! У тебя не голова с мозгами, а верюжка с мохом!»

Я удивляюсь: все время Микоян был спокойным в обращении, а тут просто оскорбляет Ишкова: «Я вас с директором с работы сниму, так накажу, что всю жизнь помнить будете!» Подходим к причалу комбината. Встречают нас директор, инженер, секретарь парткома. Микоян, не здорова-

ясь, сразу начал распекать их: «Почему накопили столько рыбы и портите ее?» Директор привел его в контору, достал пачку телеграмм в министерство и три самому Микояну с сообщением о трехлетней залежи рыбы и требованием пароходов для ее вывоза. Микоян остыл, пошел чуть не бегом на мыс, а это больше километра, министры — за ним. Микоян на месте убедился, что кета пригодна для пищи, только посол крепкий. Вечер испорчен, шуток нет. В течение 1946 года рыба была обработана и вывезена на материк.

С Камчатки мы должны были выехать на Курилы. Назаров совсем заболел. Микоян решил лететь на самолете со мной и взять еще четырех работников. Через полчаса мы сели на Парамушире. Нас встретил командир воинского подразделения. До темноты мы успели побывать на рыбокомбинате, осмотреть по пути консервный завод. Проехали по городку, поднялись выше, на террасу, где разместились школа, военный поселок. Покушали у командира, побеседовали с комсоставом и бойцами. Ночевали здесь.

На следующий день мы — в Курильске. По существу, это большой поселок. Задерживаться не стали: устроили здесь начальника гражданского управления района и директора рыбокомбината. Микояну хотелось побывать на крупнейшем рыбокомбинате и в поселке Славное, но самолет там посадить невозможно. Есть дорога, но неважная, на езду по ней надо затратить до десяти часов, а срок нашей поездки уже истек, и мы вылетели с Итурупа прямо на Тойохару, минуя самый интересный южный остров Кунашир.

Микоян спешил в Маньчжурию. Утром пятого октября был проведен совет фронта, где мы договорились по всем вопросам. Затем Микоян выехал в Корсаков, пригласив меня, руководителей трестов, работников бумажной и лесной промышленности, только что приехавших из Москвы. До позднего вечера он просматривал и утверждал выработанные ими временные положения об организации производства, забирал с собой письма в министерства.

Было уже темно, когда мы с Пуркаевым за чаем подарили сыну Микояна, бывшему с ним в поездке, красивую японскую саблю.

Так за десять дней пребывания на Сахалине Микоян проделал большую организаторскую работу, время от времени связываясь непосредственно со Сталиным по «ВЧ». Микоян решил такие вопросы: сохранил для дальнейшего использования японскую администрацию, оставил во главе предприя-

тий японских управляющих и инженеров, узаконил сдачу выработанной продукции нашим трестам, оплату продукции по оптово-производственным ценам. Договорился о кредите на приобретение сырья, материалов и зарплату рабочим, об обращении на паритетных началах иены и рубля. Позднее я узнал: хотя и поговаривали в высоких кругах о хитрости Микояна, но работник он был оперативный.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ. ЕГО ПРИКАЗ

После отъезда Микояна был проведен Военный совет, на котором мы приняли секретный приказ для исполнения всеми воинскими соединениями о том, что временно сохраняется административно-хозяйственное управление японских органов губернаторства, но под контролем нашего Гражданского управления. В приказе говорилось, что Южный Сахалин и Курилы — исконно русские земли, возвращенные Родине. Все, что есть на них: фабрики, заводы, городское и сельское хозяйство, дороги, а также природные богатства, принадлежат государству, и за порчу, хищение их виновные лица несут уголовную ответственность. Предлагалось не допускать никаких оскорблений японского населения (это не пленные, а свободные граждане), не вмешиваться в их национальные обряды и обычаи, соблюдать все правила посещения их жилищ, не трогать их имущество и продовольствие, при покупке оплачивать все по установленным ценам, не допускать связей, даже по согласию, с женщинами, не посещать храмов и не разрушать их.

Виновных в нарушении указанного приказа предусматривалось привлекать к строжайшей ответственности. В основном, такой же приказ был издан и мной, начальником Гражданского управления. Вначале это вызвало неприязнь со стороны ряда командиров, все еще пытавшихся допускать самовольные действия и распоряжаться материальными ценностями в своей зоне. Например, по пути в Рутаку я встретил две машины, везущие тес с лесопильного завода. С ними ехал командир, полковник. Я остановил их, спрашиваю: «Где взяли?» Он отвечает: «На лесопильном заводе у японца». Я попросил наряд. Он: «Никакого у меня наряда нет». Я говорю: «Надо получить в штабе у начтыла, они имеют фонды». Он: «Так разве у них добьешься? А нам тес нужен, устраиваем часть на зиму». Я спрашиваю: «А деньги

японцу заплатили?» Он: «Почему это я буду платить? Это же все наше». Я заявляю: «Э, друг, это уже анархия». Советую ему отвезти тес обратно и купить у владельца лесопилки. Он возмущен, кричит: «Я подчиняюсь только командующему!» Я отвечаю: «А я его заместитель, — и показываю удостоверение, хотя он знает меня, и спрашиваю: — А с приказом Военного совета вы знакомы?» Он уже ответил по-другому: «Так точно, знаком!» Мы вернулись на лесопилку. Японец, видимо, не желая обострять с полковником отношения, заявил, что отпустил тес за счет перевыполнения плана. Но деньги ему были уплачены.

Таких случаев было немало. Поэтому с Леоновым пригласили командиров всех воинских частей. Выяснили обстановку по охране предприятий и ценностей на них, дали указания, как должны взаимодействовать коменданты с прибывающими начальниками районных гражданских управлений.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ТЕРРИТОРИИ

После освобождения Южного Сахалина и Курил здесь осталось более четырехсот тысяч японцев и до сорока тысяч корейцев и китайцев. Ясно, что все они будут жить до конца репатриации, а это не менее двух лет. Для управления ими, как я уже писал, мы оставили японскую администрацию во главе с губернатором. Губернаторство имело четыре округа, десять уездов, двадцать семь волостей, без Курил, там — восемь. В крупных рабочих поселках — районные мэрии, а в селах — сельские. Аппарат их достигал более двух с половиной тысяч чиновников.

Изучив географическую и экономическую карту, мы решили создать одиннадцать районов на Южном Сахалине и три на Курилах. Шесть крупных городов подчинить области, а 15 городов — районным управлениям. Укрупнили сельские мэрии, включив в них по 2—4 поселка с учетом их величины и расстояния друг от друга; сократили японский аппарат почти в три раза.

После споров в управлении, тем более, что это имело значение и для расположения войск, мы обсудили вопрос и на Военном совете фронта. Затем Гражданское управление опубликовало приказ о новом районировании. Провели его удачно, и оно существовало почти пятнадцать лет. Контроль, а по сути, все управление на местах, осуществляли районные

гражданские управления в течение более двух лет с аппаратом от 3 до 18 сотрудников. Были переименованы все города и рабочие поселки, а улицы в городах переименовали комендатуры и райуправления. На Военном совете договорились и о порядке управления японской администрацией через генерал-губернатора. Вызывать его к себе предоставили право только двум лицам: командующему и начальнику Гражданского управления. Начальник, то есть я, объявлял ему приказ управления под расписку. Губернатор записывал его суть и отдавал приказ от своего имени на японском языке; организовывал его исполнение.

Первый раз я пригласил к себе губернатора Оцу Тосио в конце сентября. Это оказался высокий плотный, немного седеющий, лет пятидесяти мужчина. Его сопровождали два бойца; группа охранников в шесть человек во главе с командиром беспрерывно находилась при нем, чтобы исключить всякую тайную связь его с японцами. По существу, он был под арестом, ему же сказали, что это в целях охраны его жизни. Оцу Тосио имел ранг 1-го советника, имел право посещать микадо и быть на его приемах высших сановников. Он знал английский и немецкий языки. Пришел он в коричневом костюме и желтых ботинках, без знаков отличия умышленно, извинившись, что явился не по форме, т. е. не в генеральском мундире. Я был в кителе полковника. Немного улыбаясь, он еще в дверях начал кланяться мне. Я вышел из-за стола, назвав свое имя, отчество и фамилию, попросил впредь не кланяться и, поздоровавшись за руку, как бы шутя сказал, что этой церемонии достаточно. Когда капитан Ушуйков перевел ему это, он заулыбался, закивал головой, назвал себя и, присев к столу, что-то записал в свою изящную книжечку. Я пригласил его сесть против меня с переводчиком и сказал: «Теперь нам придеться часто встречаться. Вы будете управлять японцами от имени военной администрации, как ваш микадо от имени Макартура». Он поклонился. Спрашиваю: «Вы добровольно согласились на это?» Он раза три произнес: «Да, да, да. Честь и уважение к народу обязывают!» Я продолжил: «Тогда перейдемте к нашим делам. Мы решили изменить административное деление Южного Сахалина и Курил и немного сократить подчиненный вам аппарат». Минут двадцать он рассматривал карту, сделал несколько замечаний по границам районов и согласился. Затем я ознакомил его с приказом о контроле над банками, сберкассами и страховыми обществами, о введении денеж-

ного обращения — советского рубля и японской иены, считая иену равной рублю, а также о восстановлении и немедленном пуске всех промышленных и коммунальных предприятий. И добавил: «Вам необходимо разъяснить это населению и организовать выполнение всех приказов». Он выслушал и заявил: «Губернаторство не вмешивается в дела фирм». Я ответил: «Многие предприятия могут уже сегодня работать, но стоят. Рабочие без заработка, живут плохо. Мы начнем выдавать им продукты питания, но за плату, иначе купить их будет не на что. Со стороны фирм это похоже на саботаж...».

После этого прошу капитана Жуйкова медленно зачитать приказы по-японски. Переводчик губернатора быстро записывает, а сам он внимательно слушает. Я смотрю на его лицо: оно то и дело меняется. Глаза то расширяются, то сужаются. Я подумал: «А говорили, что они невозмутимы при любом положении». Когда встреча закончилась, он поспешно вскочил, тряся мне руку и благодаря. Я спросил: «Какие будут пожелания?» Он немного помолчал и заявил: «Никаких, кроме благодарности. Будем стараться выполнять». Тогда я попросил его подписать все приказы. Он размашисто столбиком подписал. Я спросил его: «Как у вас с жилищем, с питанием?» Он заявил: «Прекрасно, благодарю за заботу». Я знал: им занимается штаб фронта, и числится он за ним, как находящийся под домашним арестом. Ему предоставлены автомашина с шофером, другие привилегии.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И УБОРКА УРОЖАЯ

Первым хозяйственным вопросом для нас была организация уборки урожая. Кончался сентябрь. На совещании в управлении начальник отдела Бутовский заверил, что уборка идет полным ходом и будет закончена к 20 октября. У меня были сомнения. В недавней поездке я видел неубранные желтые массивы пшеницы, овса и ячменя, зеленые поля картофеля, овощей. Никакого «полного хода уборки» не видно. Остановились, спросили встретившихся крестьян, почему не убирают урожай. У них — разные отговорки. В действительности думают: убирай не убирай — все заберут русские. Я решил: нужен не только приказ, но и стимул. Обеспечить картофелем и овощами армию, самих японцев и организовать продажу излишков для городского населения.

У японцев сельским хозяйством занимались около тридцати тысяч хозяйств и более трех десятков помещиков. Посевная площадь составляла более 17 тысяч гектаров, поголовье рогатого скота — около тридцати тысяч, но оно на две трети было уничтожено японскими войсками, населением при отступлении и нашими тыловиками.

Земледелие было примитивным. На участке, обычно не больше гектара, выращивались десятки различных культур: рожь, ячмень, овес, просо, горох. Тут же картофель, всякие овощи и обязательно, по заданию, — сахарная свекла. Все обрабатывалось вручную, скрупулезно. Даже зерновые сеялись рядками под колышек, а не сеялись. Для обработки культур применялись плуг, соха, борона, цеп, серп, коса. С утра до ночи не уходили с полей японцы, ковыряясь в земле. Редко у кого была лошадь. Но добивались они неплохих урожаев.

Все крестьяне были в долгу у частных фирм, снабжавших их в кредит сельхозинвентарем, удобрениями, а также предоставлявших деньги на приобретение лошадей и коров; крестьяне обязаны были сдавать весь урожай только этим фирмам, включая и семена, которые хранились у них и выдавались весной. Таких фирм было, кажется, четыре. Были и относительно зажиточные крестьяне, имевшие по несколько гектаров земли и голов скота, но их всего 8—10 процентов. Помещичьи фермы имели от 50 до 200 гектаров земли, но и у них высокой механизации не было. Мы обнаружили лишь несколько маленьких тракторов, тянувших один-два плуга или конные косилки и грабли.

Целый день мы обсуждали приказ о сельском хозяйстве. Главное в нем было — это уборка урожая. Дальше же нам ясно: приезжают переселенцы, организуем колхоз, МТС, получим кредиты. Все просто. А вот как быть с японцами? Договорились: пока каждой японской семье установить норму владения землей до гектара на трудоспособного члена, предоставлять семена. Сельхозотделу поручили разработать меры помощи семьям, пожелавшим осваивать новые земли. Весь урожай любых культур (кроме сахарной свеклы, которую надо сдавать на сахарный завод по заключенным договорам и установленным ценам) должен быть убран к 25 октября. Сорок процентов урожая передать непосредственно на местах (по установленным ценам) представителям воинских частей; 20 процентов зерновых, крупяных, гороха, фасоли, сои и картофеля сдать на семена на склады фирм под ответ-

ственность сельских мэров. Оставшиеся 40 процентов урожая крестьяне могут использовать по своему усмотрению для питания или свободной продажи.

Одновременно с этим на всей территории Южного Сахалина и Курил мы установили свободную торговлю продуктами и личным имуществом. В городах и рабочих поселках организовали для этой цели рынки. Вне рынков любую торговлю запретили.

Тут я во второй раз вызвал губернатора с переводчиком. Он быстро явился, уже чувствуя себя свободнее; поздоровавшись, сел за стол. Я задал вопрос: «Почему крестьяне не убирают урожай? Время-то уходит». Он как-то торопливо ответил: «Уберем! Уберем! В октябре». Я попросил Жуйкова зачитать приказ. Губернатор слушал, а я по лицу его видел: явно удивлен. Затем поспешно вскочил, говоря: «Я очень благодарен, очень благодарен за высокое великодушие Советского правительства». Я думаю: «Еще бы! Драли крестьян, как сидоровых коз, а теперь никуда не денетесь». Спросил: «Ну как, возражения есть?» Он: «Что вы?» Я заявил: «Прошу подписать. И нажмите на мэров». Он быстро подписал и ушел.

Точно 25 октября Оцу Тосио явился ко мне с переводчиком и доложил: уборка урожая закончена, сообщил цифры намолоченного зерна, собранного картофеля и овощей. Осталась лишь сахарная свекла. Она была убрана и перевезена на завод позднее. Оцу Тосио поблагодарил за помощь командование фронта. Действительно, почти весь урожай был перевезен транспортом воинских частей.

Гражданское управление в 1946 году должно было удержать на земле крестьян-японцев, увеличить их посевы и объем продукции, в какой-то мере восстановить животноводство, сохранить и национализировать помещичьи фермы, организовав на их базе советские подсобные хозяйства, и развить индивидуальное огородничество. Надо сказать, районные гражданские управления с этой задачей справились. План сева крестьянам на 1946 год был увеличен на 20 процентов и был выполнен на 111 процентов. Объем заготовок увеличился почти на одну треть. Было создано более 40 подсобных хозяйств, засеявших 3 323 гектара картофелем и овощами. Почти все они создали животноводческие фермы, частью уже за счет завозимого с материка скота. Два совхоза и шесть подсобных хозяйств создал тыл фронта. У рыбпрома — три хозяйства. Даже Гражданское управление недалеко от города еще

в декабре 1945 года создало свое подсобное хозяйство: более 200 гектаров земли и ферма в 60 коров; рекордистки давали до 40—60 кг молока в сутки. Создали свиноферму, овцеферму и птицеферму. Первое молоко, зелень из парников, яйца начали поступать с осени в первый наш советский магазин для советского населения, преимущественно детей. Быстро росли подсобные хозяйства, при трестах появились магазины. Любые свободные клочки земли в городах и рабочих поселках, вокруг них мы отводили под огороды всем советским и японским гражданам, разрешали разводить скот и птиц. Забой маточного поголовья, телочек, овец и свиноматок был категорически запрещен.

СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Когда мы закончили уборку урожая и покупку воинскими частями 40 процентов его у крестьян, вопрос о том, как прокормиться до нового урожая и завоза продуктов с материка, остался практически открытым. Заготовленных овощей и картофеля едва-едва — для армии и то по минимальным нормам. А как проживут зиму японское население и постоянно прибывающие наши переселенцы? У японцев на складах фирм почти никаких запасов продовольствия не было. Они почти не завозились более трех лет.

Губернатор, когда я спросил его, чем же будем кормить японское население, только развел руками.

Да, что же делать? Положение тяжелое. Ввели строжайший режим расхода и охрану продовольствия. Обнаружили, что кое-кто из командиров самовольно увеличил норму выдачи продуктов японцам, чтобы показать себя «добрыми дядюшками». ТОФ, заняв Корсаков, не подчинялся командованию фронта, тем более Гражданскому управлению, забрал все склады, часть продовольствия начал вывозить во Владивосток. Ясно, что это неумная затея встречных перевозок. Пуркаев и командующий флотилии Байков не стали вступать в конфликт. Нач. штаба 16-й армии Миронов начал свозить в занятые им склады из магазинов не только продукты, а и шкуры лис, хром, другие товары. Часть их, правда, возвратил. Были и такие случаи. На Сахалин с Западного фронта перебросили отдельные штрафные (из бывших заключенных) воинские части. Они считали, что земля эта не наша. Бери, что можно как трофеи. Одна из них, прибыв из Бер-

лина, следовала из порта Маока в Отнай. По пути остановилась в Симидзу. Солдаты решили «покушать» виски, сакэ, разбили склад, напились. Пьяные, заходя в дома, брали, что хотели, для устрашения стрельнули несколько раз. Население разбежалось. Начальник станции позвонил к нам в управление: нас грабят военные. Мы с командиром штаба немедленно взяли паровоз с двумя вагонами, в один сели сами с охраной, в другой — взвод бойцов. Через два часа подъехали к станции. Тут горел костер. Часть бойцов возле него выпивала, другая окружила какого-то рассказчика. Спрашиваю: «Где командир?» Один боец развязно отвечает: «Не знаем!» Другой говорит: «Ушел в город ребят собрать». На перроне лежат несколько узлов барахла. В стороне присели на корточки японки и плачут, два японца что-то кричат, возмущаются. Через несколько минут появился командир. Пригласили его в вагон, спрашиваем: «Кто вам позволил творить такое бесчинство?» Он ответил, что бойцы второй день без пищи. Начальник гарнизона сказал: «Вы же пьянствуете и занимаетесь мародерством». Приказал собрать сейчас же всех в вагоны, взятые вещи у населения возвратить. Послали за старостой. Тут же передали ему все взятые вещи. Бойцов посадили в вагоны, отправили обратно с нашим отрядом в Маоку, а через два дня — во Владивосток. Больше штрафных частей на Сахалин не допускали. Как не допускали ни одного судившегося переселенца.

Командира увезли с собой в Тойохару, где Военный совет решил отдать его под суд. Оказалось, что бойцы этой части были виновны в поджоге храма в Маоке, в поселке два бойца изнасиловали японку. Под дела этой части подстраивались и некоторые японцы. За два дня были взорваны гранатами керамические заводы. Усиленно распространялись провокационные слухи, что русские грабят, жгут и насилуют женщин.

Через день мы с Леоновым пригласили всех командиров воинских соединений и строжайше предупредили об их ответственности за сохранение любого продовольствия, о передаче всех гражданских запасов в распоряжение начальника торгового отдела управления Яковлева. Он сумел быстро обеспечить учет всех продовольственных ресурсов и организовать торговлю с введением карточек среди японского населения.

Вместе с учетом была проведена переоценка всех товаров. Установлены розничные цены применительно к ценам

на Северном Сахалине, и открыта частная торговля японцев. Закупка Микояном в Корее и Маньчжурии трех пароходов гаоляна, чумизы, сои и немного риса разрядила тяжелую обстановку с питанием японского населения. Этих продуктов хватало до весны. Мы начали выдавать для детей и рис. Японцы были удивлены и обрадованы, но полностью продовольственный вопрос еще не решался.

Мы использовали также внутренние ресурсы, такие, как заготовку морских продуктов и рыбы, кроме кеты. Организовали разумный отстрел диких оленей. Летом заготавливали мясо котиков, делали из него колбасы. Заготавливали яйца кайр, бакланов, чаек на птичьих базарах островов Тюлений и Монерон, мыса Анива, хотя эти места были малодоступны. Особенно весной 1946 года нас выручали яйца кайры.

Разрешили свободную торговлю. На рынках появились разные овощи, картофель, морская капуста, яйца, птица, мясо и даже рис, свежая рыба, осьминоги, гребешки, трепанги, разные дикоросы. Наши спекулянты как-то ухитрились пробраться на самолетах и пароходах с материка. Появилась водка, вина, папиросы, фрукты. Спекулянты взвинчивали цены: мясо — 50 р. кило, яйца — 40 р. десяток, молоко — 5 р. литр и т. д. Постепенно росла торговля и различными товарами, всякими кустарными изделиями. Особенно большой рынок был в Тойохаре. Почти в центре города.

На месте болота с грудами мусора был построен неплохой рынок. Это труды мэра города Егорова и нач. торготдела Яковлева. Здесь ежедневно скапливались тысячи людей. Как-то рано утром, уже весной 1946 года, я решил побывать на рынке. У ворот меня встретил мэр Егоров. Я удивился: «Ты что, дежуришь тут?» Он ответил: «Я позвонил вам, а Евдокия Кузьминична сказала, что на рынок пошел». Идем с ним по рынку. Шум, крики, говор на японском и русском языках. Кто с разговорником в руках, а кто всякими жестами объясняется. Но торг идет. Много бродит любопытных, особенно хорошо одетых женщин. Надо сказать, женщины более общительны и приветливы. Немало среди них настоящих красавиц. Говорю Егорову: «Здесь не только торговля, но, видимо, и выбор невест». А вот девушка продает три хороших кимоно, сидит на скамеечке и, улыбаясь, жестом показывает на них. К ней подошел какой-то субъект в одежде летчика, выбрал лучшее кимоно, сунул в сумку и подался прочь. Японка закричала: «Иены! Иены!» Он даже не обернулся и исчез в толпе. Она заплакала. Бегать по рынку и ис-

кать его мы не стали. Егоров дал ей записку с просьбой зайти в мэрию, где ей заплатят стоимость кимоно. Я, вернувшись в управление, позвонил начальнику НКГБ Елисееву, попросил найти во что бы то ни стало этого летчика. Оказалось, в городе появилась группа мародеров, одетых в одежду военных летчиков. Вскоре они были арестованы. На рынке на русском и японском языках были вывешены объявления о том, что за неуплату за товары лица несут уголовную ответственность.

Первое время мы питались японской кухней. Затем Яковлев восстановил небольшую пекарню. С Северного Сахалина с хлебозавода пригласили комсомолку Катю Воронину. Она обучила нескольких японок и организовала выпечку прекрасного хлеба и других хлебобулочных и кондитерских изделий. Позднее организовали пищекомбинаты.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Перед нами стояла задача: как можно быстрее восстановить и пустить в работу всю имеющуюся промышленность силами самих японцев. В промышленности было занято более двух третей населения. К нашему приходу она представляла собой: девять целлюлозно-бумажных комбинатов с производственной мощностью более 200 тысяч тонн в год, 25 электростанций мощностью в 118 тысяч киловатт, 33 угольные шахты, сахарный завод, 13 рыбоконсервных заводов, три порта, два химзавода, десятки других мелких предприятий. Много было мастерских. Идешь по улице, видишь лавчонку с дверью и двумя окнами. Войдешь в помещение и дальше во двор, а там — целый заводик. Производят или сыр из сои, или масло, есть мастерские обуви, одежды, зонтиков, игрушек, глиняных изделий и т. д. Тут же, в задних или верхних комнатах, живут хозяева, а порой и рабочие — девушки, подростки и пожилые люди. Широко было развито надомничество в производстве товаров широкого потребления и бытовом обслуживании. Здесь были заняты старики и дети, но делалось все добротно, красиво. Профсоюзов не было, отпуска не предоставлялись, пенсии тоже. Лишь за продолжительную работу на одном предприятии или мастерской немного увеличивалась зарплата.

Несмотря на значительную энергетическую базу, кроме бумкомбинатов и нескольких механизированных шахт, ос-

тальное производство базировалось на дешевом рабочем труде. На добычу и переработку рыбы, например, завозилось до семидесяти тысяч сезонных рабочих с семьями. Жили они в дощатых бараках, палатках. Питались плохо. Самоходный и несамоходный флот был изношен до крайности, невода мелкие, выловленная рыба в тысячах чугунных котлов прямо на берегу перерабатывалась на туки, а жир отжимался на деревянных прессах руками. В отдельные годы они вылавливали до трех миллионов центнеров рыбы, и около 70 процентов ее перерабатывалось на туки. Около 25 процентов шло на посол. Заготовлялось до 2 миллионов кубометров леса. Все лесозаготовки велись ручным и конным способами. Древесина сплавлялась по ручьям и рекам с устройством весной временных плотин для подъема воды.

Уголь добывался лишь в самых мощных пластах и горизонтах, мелкие пласты безжалостно засыпались. Крепление треков игнорировалось, было много травм и смертных случаев. Сама организация труда рабочих базировалась на суровой дисциплине и телесном наказании. Приведу пример: задерживался пуск Долинского бумкомбината. Я приехал туда и пошел по цехам с переводчиком. Заходим в один цех и смотрим: стоит, согнувшись в поклоне, рабочий, а мастер молотит по его пояснице здоровенной палкой и что-то кричит. Мы остановились. Я спрашиваю рабочего, за что его бьют? Он еще больше согнулся и молчит. Тогда я попросил Жуйкова поговорить с рабочим один на один, а сам с мастером пошел к бумажной машине. Поговорив с рабочим, Жуйков сказал мне, что били японца за то, что не успел убрать бумагу и мусор до нашего прихода. Узнав, что мы пойдем по цехам, управляющий дал указание — всюду навести порядок. Надо заметить: на бумажных предприятиях невообразимая грязь, все завалено отходами, сырьем, разбросаны по полу материалы. Охраны труда нет. Саннадзора тоже. Мы спросили инженера: может, такой беспорядок потому, что с приходом русских рабочие растерялись. Он махнул рукой и сказал: такие порядки были и раньше.

Многие предприятия стояли уже более месяца без охраны. Хозяева куда-то скрылись. Сырье, материалы, продукция расхищались. Работали лишь электростанции, взятые под охрану войсками фронта. Коменданты городов лишь наводили общественный порядок и не допускали растаскивания продовольствия.

Для руководства всей промышленностью были созданы,

хотя и с большими трудностями, два главка, тринадцать трестов, управлений и ведомств. Были они очень малочисленными. И пока под их контролем работали предприятия во главе своих хозяев, управляющих и инженерного состава, велся учет всех ресурсов производства, восстановительные работы, организация пуска предприятий, приема и вывоз товарной продукции на материк. При крайне трудных, необычайных условиях, при аппарате, состоящем до 90 процентов из японцев, наши товарищи проделали исключительно большую работу.

Сложности были и в размещении прибывающих работников. Помещения в большинстве своем были без отопления, мало пригодные для работы и жилья в условиях суровой зимы. Перестройка зданий и жилищ проходила силами сотрудников вне рабочего времени. Даже в начале января 1946 г. советские граждане в аппарате составляли лишь 25 процентов, и все же мы не имели жалоб от наших работников на холод, лишения, недостаток продовольствия. Для нас было ясно: это время надо пережить, и пока без японской администрации мало что сделаем. В октябре был созван съезд всех владельцев, руководителей и главных инженеров предприятий, на котором договорились о их взаимоотношениях с трестами по снабжению сырьем, материалами, о порядке сдачи выработанной продукции, о ценах и расчетах за продукцию через банки.

На съезде присутствовали мы с Леоновым, министр рыбной промышленности, присутствовал и губернатор с рядом чиновников. После съезда мы устроили обед. Мы наблюдали, с каким удовольствием японцы кушали наш белый хлеб, колбасные изделия, кондитерские и другие русские кушанья. После традиционной чашечки сакэ и нашей водочки они быстро хмелели. Тут уж было высказано ими немало откровенных признаний о нашем обращении с ними и со всем населением. Под конец японцы пели с нами «Катюшу», «Ревела буря» и были очень довольны приемом.

Этот съезд нам очень помог ускорить пуск большинства предприятий и мастерских, увеличить выпуск продукции для нужд японского населения и нашей страны. Нашлось немало сырья, материалов и оборудования. По существу, Гражданское управление и тресты при активной помощи фронта за полтора-два месяца восстановили предприятия, вернули на них рабочих, и к 28-й годовщине Октября все взрослое население работало и давало продукцию. За три месяца 1945

года было произведено продукции (в ценах 1926—27 года) более чем на 20 миллионов рублей, и отгружено на материк 400 тысяч тонн рыбопродукции, угля, бумаги, агара, других продуктов и изделий.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И МЕДИЦИНЫ

Обычно японские школы начинали работать с первого октября. Сегодня третье октября, а в Тойохаре они не работают. Пригласил губернатора, спросил: «Почему не начались занятия в ваших школах?» Он объяснил: «Из Тойохары большинство детей вывезено в Японию. По области школы работают». Наутро выехал в Аниву, осмотрел город, подошел к школе, смотрю: дверь заперта. Здесь тоже мне сказали, что большинство детей вывезено в Японию. Позвонил в управление Емельянову, дал команду проверить, работают ли по области школы. Оказалось, губернатор не решил вопроса оплаты труда и снабжения продовольствием учителей, не дал указания по изменению учебных программ. В некоторых селах, даже городах был пущен слух: соберут детей в школы и отвезут на Северный Сахалин.

Через неделю уже работали все японские школы по скорректированной программе.

В Александровск я написал письмо А. В. Кудрявцевой — предложил ей стать директором первой русской школы в Тойохаре. К нашей радости, она приехала. На другой день мы поехали с ней осматривать пустующие здания школ. Одно ей понравилось, спросила: «Можно ли отремонтировать?» Мы мобилизовали все японские строительные силы и за две недели сделали ремонт. В октябре начались занятия, набралось более шестидесяти учеников. Однажды утром я глянул из окна управления на школу и увидел: из пристройки валит дым. Позвонил в штаб, вызвал военную пожарную команду бойцов. Подъехали пожарники наши и японские, тушат школу, но бесполезно. Свежий сухой материал горит, как порох. Я, Емельянов и Яковлев, забравшись на крышу управления, едва успевали сбрасывать горящие куски плит и досок и заливать места загорания. Пожарники обливали из брандспойтов здание управления и нас; каким-то чудом мы отстояли его, а школа почти вся сгорела, остались лишь два первых класса. Я боялся, что Анна Васильевна бросит и уедет, но она пришла ко мне и сказала: «Я не отступлю. Надо вос-

становить здание». Мы собрали всех строителей, помог и фронт, и к Октябрьскому празднику школа была восстановлена, проведен водопровод, и приняты меры противопожарной охраны.

Это была первая школа на Южном Сахалине. На следующий год, с массовым приездом советского населения, капитально отремонтировали большую школу рядом с Домом офицеров. Директором в нее перешла Кудрявцева. Училось в ней уже около тысячи учеников. Кружки шитья, рукоделия, домашних дел (у девочек), столярно-плотничий, слесарный и другие (у мальчиков) работали отлично. Но и дети, и родители были разные. Генеральских сынков подвозили к школе на машинах. 8—12-летний пацан с важностью выходил в открытую ординарцем дверь. Ординарец приводил его в порядок, подавал портфель, а то и провожал до раздевалки, помогал раздеться, а после уроков встречал и одевал. И таких было до полусотни.

На очередном заседании Военного совета я поставил вопрос о прекращении подвоза детей к школе на служебных машинах, кроме как в дни буранов и сильного дождя. Чтобы не вызвать возмущения у населения и не делать из своих детей «барчуков», командующий и члены совета согласились со мной. Подвоз детей на служебных машинах был запрещен.

Наши культурно-пропагандистские мероприятия проводил политотдел фронта, подчинив себе японскую типографию и радиоузел со штатом переводчиков. Уже в сентябре были выпущены два русско-японских разговорника; один из самых необходимых слов в обращении друг с другом, другой — более подробный. Все японцы и русские носили в карманах эти разговорники. Затем начала издаваться на японском языке газета «Новая жизнь». В составе редакции работали знающие дело японцы и наши переводчики. Газета была хорошо иллюстрированной, с короткими статьями, ее читали почти все японцы. Она сыграла очень большую роль в освещении жизни японского населения на Южном Сахалине и Курилах до конца репатриации. На второй месяц начали издавать советскую газету «Красное знамя». Периодически выпускали на обоих языках плакаты. Программа радиовещания также строилась на двух языках.

Проводились собрания и митинги в праздничные дни и в особых случаях. В Доме офицеров с первых же дней давали спектакли и концерты специально для японского населения, часто демонстрировали советские кинофильмы. Сперва япон-

цы или боялись, или стеснялись ходить на них, а потом стали заполнять зал до отказа. Пользуясь этим, перед началом сеанса через переводчика объясняли содержание картины, а иногда и какой-то злободневный вопрос нашей хозяйственной жизни.

До нашего прихода культурное обслуживание японского населения заключалось в посещении кино, музея и маленькой библиотеки. В Тойохаре, например, было до десятка частных кинозалов, четыре из них побогаче, но и оплата за вход в них дороже. Кинопоказ шел беспрерывно. Никаких фойе нет. Зрители входят и уходят во время демонстрации. Двери с улицы ведут прямо в зал, сидений нет, смотрят стоя. Мы удивились: стоят десятки женщин в кинозале до двух часов с детьми за спиной, и ни один из них не только не заплачет, а даже не вскрикнет. Мы показывали и японские, и советские фильмы. На советские образовались очереди. Видимо, свои присмотрелись. Тем более мы цены снизили раза в три.

Советское население вначале обслуживал Дом офицеров фронта. Здесь шли кинофильмы, концерты, постановки приезжавших с материка и с Северного Сахалина артистов. Здесь же проходили торжественные собрания, лекции, совещания. Приглашалось и японское население. Вскоре встал вопрос о городском театре. Совет Министров федерации разрешил израсходовать на его строительство полмиллиона рублей. Под театр мы решили приспособить самый большой кинотеатр на Торговой улице, напротив величественного храма Синто. За два с небольшим месяца сделали прекрасный театр с залом в три яруса, ложами, двумя фойе, большой сценой, с комнатами для артистов, а рядом — общежитие для труппы. Все были восхищены новым театром. Открытие состоялось на Новый год, поставили «Любовь Яровую», артисты играли хорошо, зрители были довольны. Наутро во всем городе только и разговоров о новом театре. Начались гастроли Хабаровского драмтеатра. Билеты советскими и японскими гражданами были раскуплены на всю неделю.

В воскресенье спектакль прошел блестяще. А в час ночи мне позвонили: горит театр. Я вскочил, вызвал машину. Подъехал — весь театр охвачен огнем. Прибыли три пожарные команды, но потушили лишь одни обломки. Состояние у нас было ужасное. Органы взяли человек двенадцать истопников. Нашли одного японца, забравшегося еще днем в котельную (охране запрещалось пускать японцев в помеще-

ние театра, особенно в котельную и за сцену, где возник пожар). Следствие тянулось с полгода. Начали строить театр на улице Ленина. К весне его закончили, но это уже был не тот театр.

Во всех городах начали приспосабливать здания под дома культуры, где организовывали и библиотеки. Из японской и советской молодежи создали спортивные команды, которые почти каждое воскресенье выступали на стадионе и площадках в парке. На них собиралось много зрителей. Восстановили весной большой пруд (озеро в парке) и цементированный бассейн для прыжков и плавания.

Разрешили японской молодежи их национальные игры: бейсбол, регби и вольную борьбу. На борьбу собирались целые толпы японских и советских граждан. Мы с женой тоже приходили посмотреть. Вот по войлочному ковру расхаживает силач. Подходят к нему любители борьбы, раздеваются по пояс, и он одного за другим кладет на лопатки. Но вот находится борец сильнее его, уже он расхаживает, вызывая, кто следующий. И так с утра до вечера. Однажды вышла против одного силача женщина. Не стесняясь, она разделась до пояса, развязала головной убор, распустив черные волосы, и положила силача на ковер. Толпа одобрительно загудела. При нас она больше десятка мужчин положила на ковер. Толпа ликовала: вот это тетенька! Я не утерпел и послал ей коробку конфет.

В парке никаких происшествий между японцами и советскими гражданами не происходило, а позднее, познакомившись, уже раскланивались друг с другом.

Медицинское обслуживание на Южном Сахалине было частное и за высокую плату, японцы к врачам обращались лишь в случае крайней необходимости. За Тойохарой, правда, была небольшая больница, которая в небольшом количестве принимала больных, неспособных платить за лечение. А обычно врач имел свой дом, и в нем две-три комнаты для больных, кабинет для приема клиентов, аптеку. Таких больничек были десятки. Врач считался крупной фигурой и часто назначался мэром города.

С переходом на остров медсанчасти фронта сразу же был организован военный госпиталь, и создана целая сеть медсанобслуживания. Медицинскому осмотру были подвергнуты около 60 тысяч японцев. Это те, что долгое время находились в портах, в лесах и горах. Тысячи людей были госпита-

лизированы. Оказывалась бесплатная медицинская помощь населению на местах с предоставлением медикаментов. Первое время советские граждане пользовались услугами медицинских учреждений фронта, а кое-кто обращался к японским врачам.

Но вскоре встал вопрос об организации областной больницы и поликлиники. Возглавить ее мы пригласили известного хирурга, заслуженного врача федерации Феоктистову, уже более десяти лет проработавшую на Северном Сахалине и завоевавшую там огромный авторитет среди населения. Она с большим желанием взялась за дело. После капитального ремонта зданий она создала образцовую больницу и поликлинику в Тойохаре, небольшие больницы во всех городах и амбулатории на крупных предприятиях, где бесплатно обслуживалось и японское население, но в значительной части оно пользовалось услугами частных врачей. Через два года уже была создана широкая сеть медицинских учреждений.

КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И БЛАГОУСТРОЙСТВО

Вопреки нашим предположениям, что в двенадцати городах создано неплохое коммунальное хозяйство, на самом деле оказалось: мы получили его полуразрушенным. Состояло оно из 15 тысяч частных и государственных зданий. Из них — до десятка каменных, до тысячи — рубленых деревянных, остальные — каркасные дощатые, многие с бумажными окнами. Все это надо было перестраивать или создавать заново. У нас в первое время средств не было, и мы возложили значительную часть работ на наши промышленные объединения. Они немного привели в порядок это хозяйство. Работу по строительству дорог, тротуаров, озеленению, саночистке пришлось проводить силами общественности. Здесь мы пошли на некоторые правовые нарушения: два дня в неделю служащие учреждений кончали свою работу на час раньше и затем мостили улицы, строили тротуары, вели посадку деревьев. Во всех городах и селах создавали парки и скверы. Своими силами производили цемент, известь, делали искусственную олифу из канифоли, соды, отработанного масла и скипидара, даже асбест для противопожарных целей — из каолина, шлака, сульфатного клея, паклевых очесов и свинцового глета. Делали клей, строительные плиты из торфа.

Как говорится, голь на выдумку хитра. Но это было латание дырявого кафтана. А капитальная перестройка и жилищное строительство начались с 1947—48 годов.

ОТНОШЕНИЕ ЯПОНЦЕВ К НАШИМ МЕРОПРИЯТИЯМ

Как же относилось японское население ко всем нашим мероприятиям? С полным основанием можно сказать: большинство населения было доброжелательным. Если задать другой вопрос: велась ли подрывная и диверсионная работа японской буржуазией и скрывавшимися под маской мирного населения офицерами? Ответ один: несомненно.

Так, 28 сентября в трех местах был подожжен город Отомари. Затем в Тойохаре была сожжена русская школа рядом с Гражданским управлением в надежде, что сгорит и оно. Сожжена трехэтажная школа рядом с деловым клубом; в это время была попытка убить начальника Гражданского управления. На химическом заводе была разобрана и спрятана в отвалы угля часть машин и оборудования. Об этом сообщили нам два рабочих этого завода, так как остановка завода лишила их заработков. Сожжены лучшая школа и храм в Маоке. Здесь же распространялись враждебные листовки. Были случаи и убийств. От руки бандита погиб комсомолец Иванцев, приехавший в Углегорск начальником ТЭЦ. Погибли Виктор Гужев и Саша Малышев. Японцы-убийцы скрылись. В тот период было разоблачено и ликвидировано несколько диверсионных групп. В 1946 году со стороны японского населения почти никаких диверсий не было, кроме фактов небрежного отношения к делу.

Простой народ почти два года жил под одной крышей с прибывающими русскими переселенцами. Помню случай: в Хонто зашел с переводчиком к японцу, в доме которого жила семья нашего командира, спросил: «Не обижают ли вас жильцы?» Жена хозяина ответила: «У них дети, и у нас дети. Его жена Отся (видимо, Оля) приносит сахар или конфеты. Отся помогает, а в праздник приглашает нас к себе в комнату пить чай, а дети играют вместе». Таких фактов были тысячи.

Как-то мы с Емельяновым и капитаном Жуйковым зашли в главный храм в Тойохаре, что рядом с парком. Смотрим, на полу валяется бумага, статуэтки Будды. Разыскали священников, представились, спросили, почему к ним не захо-

дят люди. Они удивились. Старший заявил: «Нам известно, что в Советской стране религия запрещена, священников сажают в тюрьму!» Емельянов с возмущением ответил: «Да, у нас церковь отделена от государства. Выполнение религиозных обрядов необязательно, но кто хочет веровать в бога, тот верует. И у вас, вы знаете, в селах и городах храмы действуют, мы не запрещаем». Священник ответил: «Мы там не были и считали, что это ложные слухи». Емельянов вспылил: «Не будьте так наивны. Эти слухи для того, чтобы восстановить японское население против нас. Это называется провокацией! Так что наведите порядок в храме и отправляйте в нем свою службу и религиозные обряды для тех, кто будет посещать храм». Один из священников спросил: «А на что мы будем жить? Раньше получали зарплату от государства и плату за обряды, теперь нам никто не хочет платить».

Этот разговор заставил нас задуматься. Ведь священнослужителей очень много. У населения они пользуются большим авторитетом. Не имея средств к существованию, могут вести провокационную работу против нас. Установили им заработную плату от губернаторства, дали продовольственный паек.

Так мы отнеслись к религиозным чувствам японцев. Взяли под охрану все храмы и хранилища праха умерших, запретили всем советским гражданам нарушать их религиозные обычаи. Плату за хранение праха отменили. При репатриации урны с прахом разрешили увозить в Японию. От священнослужителей стали поступать к нам благодарственные письма. Например, священник Хираи по поручению коллег писал: «Когда кончилась война, мы, японцы, волновались за нашу жизнь, как будет с религией. И были удивлены: японцам была предоставлена работа, свобода религии. Советские органы нам не чинили никаких помех в совершении религиозных обрядов, наоборот, оказывали нам всяческую помощь. Священнослужители наравне с рабочими и служащими получали паек и зарплату».

Как мы ни запрещали солдатам и офицерам, да и гражданскому населению не вступать в интимные связи с японскими девушками, все же сила любви сильнее приказа. Както под вечер мы с Пуркаевым и Леоновым ехали на машине в Отани. Смотрим, на скамеечке под окном японского домика сидит наш боец с японской девушкой, тесно прижавшись друг к другу. Она так мило обняла его, а он гладит ее руки. Максим Алексеевич сказал шоферу: «Ну-ка останови маши-

ну. Я так женю его, век не забудет. Да командир будет помнить, как распускать своих солдат». Я попросил Пуркаева: «Поедем! Будто бы не видел. Ведь для них это будет такое потрясение, а еще неизвестно, что между ними... Вернешься, разошли командирам указание о нарушении приказа и приведи этот факт, а их не трогай!» Он немного отошел и ответил: «Ну, ладно! Черт с вами!»

Иной случай был на Углегорской шахте. Приехал туда из Донбасса замечательный парень, коммунист. Вскоре он стал стахановцем, одним из лучших шахтеров. Затем бригада выдвинула его бригадиром. Он не сходил с Доски почета. И вот он, как говорится, по уши влюбился в очень красивую девушку-японку, работавшую на этой же шахте, и они негласно поженились. Узнав, что японка перебралась к нему, местная парторганизация предложила ему прекратить связь и разойтись. Он и она заявили: умрем, но не расстанемся. Тогда его исключили из партии. Мне надо было утвердить это решение и отобрать у него партбилет. Я вызвал его и секретаря. Узнал, что он работает еще лучше, девушка тоже стала одной из передовых работниц. Он учит ее русскому, а она его японскому языку. Он заявил: «Что хотите, то и делайте, но не расстанется с нею. Вся его радость жизни — в ней, она в доску наш человек, а знали бы, какая трудолюбивая, какая хорошая хозяйка!» Я смотрю на него и думаю: «Ведь у них и дети будут красивые». Но объясняю, почему запрещены встречи и браки с японскими девушками. Все же мы не стали исключать его из партии, посоветовали: пусть она напишет ходатайство о приеме в советское подданство, а он приложит свое заявление. Мы понимали: надежд мало. Прощаясь, я сказал: «Ну что же, пока живите и лучше работайте». Как решился их вопрос при репатриации японцев, я не узнал, но ответа из Москвы не было.

Почти такая же история была с одним офицером. Но его приказом перевели в другую часть, в Белоруссию. Девушке с японским паспортом выехать на материк было невозможно, хотя офицер добивался этого.

Еще хочется сказать о таком случае. Началась репатриация японского населения. Ночью нашему соседу Голубу (партработнику) на крыльцо положили ребенка. Он был завернутый в три одеяла и одет в три пары шелкового белья, с золотым медальоном на груди, другими ценностями и письмом от матери. Она писала: «Ребенок — вся моя жизнь, и я здесь никогда бы не рассталась с сыном. Я — японка, отец

— русский офицер». Их семья по репатриации уезжает в Японию, должна ехать и она. По японским законам с ребенком ехать нельзя. «Нам обоим не дадут там жить. Я не могу причинить ему такие страдания, оставаться мне тоже нельзя, прошу, спасите его».

Ребеночка тут же взяла в больницу врач Феоктистова. Японские врачи стали усиленно добиваться, чтобы ребенка отдали им, они его воспитают. Мальчик был хорош, в облике его было больше русского, и мы его японцам не отдали, переправили в хабаровский детдом. Там его усыновил один наш командир, и он с женой души в нем не чаяли. Что произошло с матерью и отцом, я не узнал.

(Продолжение в следующем номере).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пуркаев Максим Алексеевич (1894—1953), советский военачальник, генерал армии. В Великую Отечественную войну командовал армией, войсками Калининского, Дальневосточного, 2-го Дальневосточного фронтов.

2. Василевский Александр Михайлович (1895—1977), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну заместитель начальника, с июня 1942 г. начальник Генштаба. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования в 1942—1944 гг. координировал действия ряда фронтов в крупных операциях. В 1945 году командовал 3-м Белорусским фронтом, затем главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке при разгроме японской Квантунской армии.

3. Леонов Дмитрий Сергеевич (1899—1981), генерал-лейтенант. В 1945 г. член Военного совета Дальневосточного и 2-го Дальневосточного фронтов. После войны член Военного совета и зам. командующего войсками по политчасти ряда военных округов; Батуров Иван Павлович, генерал-майор. Командир 79-й стрелковой дивизии, освобождавшей Южный Сахалин; Черемисов Л. П., генерал-лейтенант, в 1945 г. командующий 16-й армией 2-го Дальневосточного фронта, войска которого вели бои за освобождение Южного Сахалина.

4. Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советкий, государственный, партийный деятель, Герой Социалистического Труда. В 1926—1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли; одновременно с 1937 г. заместитель председателя СНК СССР. В 1942—1945 гг. член ГКО. С 1946 г. заместитель председателя, с 1955 г. 1-й заместитель председателя СМ СССР; одновременно в 1946—1949 министр внешней торговли, в 1953—1955 гг. министр торговли СССР. В 1964—1965 гг. председатель (в 1965—1974 гг. член) Президиума ВС СССР. Член ЦК партии в 1923—1976 (кандидат с 1922), член Политбюро (Президиума) в 1935—1966 (кандидат с 1926). Член ВЦИК, ЦИК СССР. Депутат ВС СССР в 1937—1974 гг.

5. Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну командовал войсками ряда армий, Южного, Юго-Западного, 3-го Украинского и 2-го Украинского фронтов. Летом 1945 командовал войсками Забайкальского фронта при разгроме Квантунской армии. В 1947—1956 гг. главнокомандующий войсками Дальнего Востока и командующий войсками Дальневосточного ВО. В 1956—1957 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками. С 1957 г. министр обороны СССР.

6. Мельник Дмитрий Никанорович (1912—1969 гг.), член партии с 1937 г. На Сахалин прибыл по направлению Хабаровского крайкома ВКП(б) и в октябре 1945 года был избран первым секретарем Сахалинского обкома партии. В 1951 г. направлен на учебу. После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС был избран секретарем Липецкого обкома КПСС, где и работал до последних дней своей жизни.

Статьи и сообщения

Данная статья открывает серию публикаций М. И. Ищенко, посвященных русскоязычному населению Сахалина конца XIX — начала XX в. Читателям будет предложен материал, раскрывающий особенности заселения острова и результаты этого процесса, главным из которых является формирование постоянного русского населения. Архивные и литературные источники, полевые материалы автора помогут проследить за складыванием сети сельских поселений, охарактеризовать их типы и формы, проанализировать типологические особенности крестьянских усадеб, рассмотреть характер и формы хозяйственного освоения края, проследить процесс адаптации поселенцев к островной жизни.

М. И. Ищенко

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

(конец XIX — начало XX вв.)

В конце тридцатых годов XVII в. волна российского колонизационного потока «встречь солнцу» докатилась до волн Тихого океана, было положено начало освоению дальневосточных земель, также и русской истории Сахалина. Но для интересующего нас постоянного контингента русских жителей далекого острова время еще не пришло. Вслед за небольшими отрядами казаков, немногочисленными купцами не потекла волна стихийной народной колонизации, не случилось массового проникновения россиян в почти не заселенный край, как это было в Сибири. Громадные расстояния донесли до восточных окраин российской Азии не мощный поток, а немногочисленные ручейки, тем не менее являвшиеся частью общерусского колонизационного процесса. Прошло несколько более двух веков, когда политические, экономические интересы России заставили правительство пристально взглянуть на свои восточные окраины. С середины XIX в., со времен Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского, происходит реальное проникновение россиян на остров.

История распорядилась так, что примерно в то же время Япония переходит от изоляционизма и пассивного отношения

к своему северному соседу к проведению активной внешней политики. Может показаться, что мы далеко ушли от занимающего нас вопроса, каким путем, когда, из каких источников происходило формирование постоянного русского населения Сахалина, но это не совсем так. Краткое обращение к начальному периоду колонизации острова показывает, что исторические условия, в которых происходило его заселение, обусловили специфичность форм и методов процесса. Необходимость быстрого по времени заселения Сахалина диктовалась, в первую очередь, государственными интересами, и это определило особую судьбу острова и его жителей.

В 1860—70 гг. население острова было немногочисленным. В 1861 г. сюда была завезена небольшая партия каторжан для добычи каменного угля для нужд морского флота. Они работали на устройстве поста Дуэ, добывали уголь в Дуйских копях. Это была «урочная выработка». Осужденные, отработав 1—2 года, возвращались на материк. Некоторые из них не покидали Сахалин, а оставались на жительство. Решение было добровольным, никакого принуждения со стороны властей не было. Поселенцы строили дома, обзаводились хозяйствами.

Приезжали на Сахалин на короткое время или жили там торговые люди, промышленники. Их привлекали разнообразные природные богатства, а также торговые связи с местным населением. В архиве Географического общества России хранится описание жизни острова, относящееся к 1860-м гг., где отмечается: «... в последнее время и русские (казаки) стали разъезжать по Северному Сахалину для закупки пушных зверей, и около постов устраиваются лавки от русских и иностранных купцов для торговых сношений с коренными жителями и местными русскими». (1).

На острове дислоцировались две роты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, выходившие в запас солдаты которого иногда оставались на жительство. В феврале 1870 г. командующий отрядом на о. Сахалине в рапорте заведующему ссыльнокаторжными командами отмечал: «Некоторые из нижних чинов вверенного мне отряда изъявили желание по истечении сроков службы поселиться на острове, имея при этом в виду заняться сельским хозяйством и хлебопашеством». (2).

В конце 1860-х гг. правительство предприняло попытку переселения на остров вольных крестьян. В докладе «Комитета, учрежденного для обсуждения вопросов по устройству

острова Сахалина», генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову в 1868 г. отмечалось, что «для безотлагательного положения основания прочнаго земледельческого населения на острове Сахалине, как меры, вызываемой не только экономическими, но и политическими соображениями в Сахалинском вопросе, необходимо в будущем же 1869 году переселить и водворить на остров Сахалин ...по крайней мере на первый раз не менее 25 русских семейств». (3). Предполагалось, что это могли быть следующие на Амур переселенцы или крестьяне Забайкальской и Амурской областей. Для успеха переселения семьям предоставлялись льготы: 1) на них распространялись все права и льготы переселенцев Амурского края; 2) они получали денежные средства для полного хозяйственного обзаведения, покупки скота, семенного хлеба с возвратом долга по истечении 5 лет. Каждая семья получала заимообразно земледельческих орудий на 40 рублей, по 4 головы скота на 100 рублей, 40 пудов семенного хлеба, 40 рублей на экстраординарные расходы; 3) обеспечивались на первую зиму сеном, заготовленным Сахалинской командой.

В том же 1868 г. в центр южного Сахалина — Муравьевский пост — пришли два крестьянина-переселенца для осмотра и выбора места будущего поселения. По воспоминаниям одного из офицеров поста: «...один из них был малоросс... Черниговской или Полтавской губернии, а другой чуть ли не из Томской губернии». Более трех недель они осматривали местность и решили «посоветовать своим товарищам селиться на реке Такой». (4). Переехать на Сахалин вызвалось восемь семейств, следующих в Амурскую область. В литературных и архивных источниках они именуются «тобольскими крестьянами». Другая группа переселенцев — выходцы из пяти селений Черемховской волости Балаганского округа Иркутской губернии. Сохранились прошения крестьян о переселении. Крестьянин Голуметского селения Черемховской волости Никита Максимов, сорока девяти лет, получивший увольнение от сельского общества, просил: «Вследствие объявленного распоряжения о вызове переселения на остров Сахалин, я желаю переселиться с женою своею Хавроньей Адриановой и сыном Тимофеем, а потому имею честь всепокорнейше просить сделать распоряжение о переселении нас на остров Сахалин, на общем положении и выдаче мне по этому случаю денег пятидесяти рублей серебром в пособие». (5). В дороге произошли некоторые изме-

нения в составе переселяющихся. К крестьянам Тобольской губернии добавились две семьи, а одна семья из Иркутской губернии от переселения отказалась. Всего в сентябре 1869 г на транспорте «Маньчжур» прибыл 101 человек.

Таким образом, немногочисленное пришлое население острова 1860—70-х гг. состояло преимущественно из военных, вольных крестьян, поселенцев, добровольно оставшихся на жительство. Всего числом около 3 тысяч человек. (6). В этот период численно преобладало коренное население острова (нивхи, ороки, айны), которых было, очевидно, около или немногим более 4 тысяч человек. Начало добровольному переселению на Сахалин было положено, время и опыт могли показать результаты этого процесса, однако по этому пути острову идти не пришлось. Колонизационная судьба его была определена в апреле 1869 г., когда он был объявлен местом каторги и ссылки.

Решение это, очевидно, не всеми было принято как безусловно верное. Этим можно объяснить факт оживленной переписки во второй половине 1869 г. между председателем правительственной комиссии по колонизации Приамурского края И. Н. Сколковым и генерал-губернатором Восточной Сибири М. Корсаковым о путях заселения Сахалина. Оба сходились на необходимости в интересах государства быстрейшего заселения острова. М. Корсаков писал «...при настоящем положении вопроса об острове Сахалин, занятие на нем возможно большаго числа пунктов составляет одну из важнейших целей, ведущих к упрочению за нами обладания им». (7). И. Н. Сколков был также уверен, что «водворение каторжных на Сахалине и в особенности сельскохозяйственное заселение ими этого острова упрочит обладание нами этого важного по географическому положению района». Он представлял правительственную позицию, оправдывая и объясняя идею пенитенциарной земледельческой колонии. Аргументы, кроме уже указанного, были следующие: 1. «Что отдаленность и уединенное положение острова ...делает ссылку на оный преступников безвозвратною и тем освобождает государство от вредных и опасных членов его. 2. Что разработка местных каменноугольных копей обезпечит на долгое время производительный труд для значительной массы ссыльнокаторжных». Климатические условия местности, «...судя по произведенному мною осмотру существующего в Дуэ поселения и основываясь на отзывах местного начальства», не представляли препятствий для сельскохо-

зяйственного заселения. «На сем основании я полагал бы безотлагательно приступить к сельскохозяйственному водворению части отправленных на Сахалин каторжных в прилежащей к Дуйскому поселению местности и одновременно произвести изследования удобных для сего мест во внутренней части острова». (8).

Среди сторонников принудительной колонизации были и промышленники, заинтересованные в быстром развитии угледобычи. Каторжане рассматривались как источник дешевой рабочей силы. В этом плане характерно следующее рассуждение: «Укрепить его пушками и дорого, и неудобно, гораздо прочнее укрепится он за нами, если он будет заселен русским элементом, нужды нет ежели первоначальный элемент его населения будет ссыльнокаторжный, на глазах наших Сидней, Мельбурн. превратились из мест ссылки в цветущие колонии...» (9).

М. Корсаков, не поддерживая идеи принудительной колонизации, был убежден, что «...было бы естественнее... самый же Сахалин заселять русскими семействами, которые занимались бы хлебопашеством без всякого принуждения собственно из личного своего интереса, чему уже и положено ныне основание переселением в южную часть Сахалина 22 семейств с должным пособием из ассигнуемых правительством для сей цели средств». Ссыльнокаторжные должны были работать на добыче каменного угля, а по истечении срока работ поселяться в Приморской области или других районах Восточной Сибири. На острове могли оставаться только «желающие хорошего поведения». Он осмотрительно предупреждал, что «...должно предоставить и времени и опыту определить, в какой степени для сего полезно будет допустить на нем вообще водворение ссыльнокаторжных, а также насколько будет полезно и удобоисполнимо сельскохозяйственное заселение ими острова». (10). К серьезным аргументам противников принудительного заселения нельзя не отнести и то, что «колонизация новой страны ссыльными... есть едва ли не худший способ и, особенно при туземном населении, может иметь самые губительные последствия». (11).

В 1871 г. Министерство государственных имуществ командировало на остров специальную комиссию для анализа первых опытов колонизации, исследования климата, полезных ископаемых, возможности развития сельского хозяйства. В состав ее входили: представитель главного тюремно-

го управления, горный инженер, агроном и врач. В результате работы было дано заключение о пригодности острова для сельскохозяйственной колонизации. Присылка значительных партий каторжан виделась как единственное средство заселения острова. Сахалин был признан самым подходящим в Приамурском крае местом для организации каторги. Каторжане должны были стать проводниками культуры на «бедном и диком» острове. Им предстояло выполнить все трудоемкие работы — расчистить и подготовить местность, провести дороги — для последующего освоения острова. «...Вопрос о подыскании места, подходящего к понятию о каторге и вместе с тем полезнопроизводительного труда, ныне почти неразрешимый в Забайкалье, на Сахалине решается сам собой, и если каторга здесь не будет тотчас же давать прямо денежных для казны выгод, то принесет со временем ценный вклад в государство, превратив пустынную его окраину в местность обработанную и поселенную», — писал в программе деятельности администрации Приамурского края его губернатор Корф. (12).

Этап принудительного заселения острова начался... Каторжане прибывали сюда в рассматриваемый период небольшими партиями. В 1870 г. — 250 человек, в 1871 г. — 165 человек и т. д. (13). Это можно объяснить тем, что не была подготовлена почва для широкой колонизации, да и статус острова того периода несколько сдерживал. Угольные богатства не были исследованы настолько хорошо, чтобы определить необходимое количество рабочих рук на копях. Не было достоверных сведений о составе почв, количестве годной для обработки земли. Доставка осужденных на Сахалин сухопутным путем была слишком длительна и сложна.

Летом 1879 г. морским путем из Одессы на Сахалин была доставлена первая крупная партия каторжан в 600 человек «...с поселением их притом навсегда на острове». Это был первый рейс на Дальний Восток нового торгового флота России — Добровольного флота. Пароход «Нижний Новгород», кроме пассажиров, за 54 дня доставил 730 тонн груза Министерства внутренних дел для постов Дуэ и Корсаковского. Восточная линия Добровольного флота помогла наладить регулярную связь Европейской России с Дальним Востоком. В деле же заселения Сахалина регулярная перевозка каторжан морем стала играть решающую роль. Численность преступников на острове стала возрастать. В 1876 г. их было немногим более 1,5 тыс. человек, в 1882 г. чис-

ленность удвоилась и достигла 3,5 тыс. человек. (14).

Первые опыты доставки каторжан морем были расценены правительством как «практичные», было принято решение увеличить ежегодную высылку. С 1884 г. стали осуществляться весенние и осенние рейсы для перевозки мужчин; отдельным рейсом перевозились ссыльнокаторжные женщины с детьми и добровольно следующие за осужденными семьи. Таким путем на остров попадало около полутора тысяч человек ежегодно. Могло быть и больше, как, например, в 1893 г. было за три рейса перевезено 2307 человек. (15).

Ситуация с сахалинским населением резко меняется. Численность аборигенов имеет тенденцию к сокращению, когда высокий уровень смертности перечеркивает естественный прирост. Несколько растет число военных и служащих по гражданскому управлению. Самым же многочисленным разрядом сахалинцев становится неполноправное население, делившееся на три группы. Ссыльнокаторжные отрядов «испытуемых» и «исправляющихся» содержались, как правило, в тюрьмах. По окончании срока работ каторжане переводились в разряд ссыльнопоселенцев. Они получали право жить в селениях, должны были вести хозяйство. Через несколько лет ссыльнопоселенцы причислялись к «крестьянам из ссыльных», которые имели право покинуть остров, поселиться на Дальнем Востоке или в Восточной Сибири. С разрешения высшей инстанции они могли выехать в европейскую часть России.

Если рассматривать эти группы под углом зрения формирования постоянного населения, то они неравнозначны. Менее всего нас интересуют ссыльнокаторжные. Тем не менее важно рассмотреть состояние этой группы населения на протяжении двух последних десятилетий XIX века — в начале XX в.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, общее число каторжан в 1880 — 1890 гг. неуклонно росло. К середине 1890-х гг. их численность достигла 6,5 тыс. человек. (16). Нас интересует не простой арифметический рост этой группы населения, а доля ее в общей численности. Она менялась, и очень существенно. В 1882 г. каторжане составляли более 62 процентов от всего остального населения, через 10 лет — уже только 27,4 процента. В 90-е гг. процесс продолжал углубляться. К началу XX в. доля каторжан уменьшилась до 16,2 процента. Если рассматривать по отдельным окру-

гам острова, то в 80-е гг. каторжане сосредоточивались в Александровском округе, являющемся административным центром. Здесь их было в четыре-пять раз больше, чем в Тымовском и Корсаковском округах. В начале XX в. в Александровском округе их было столько же, сколько в других двух вместе взятых. На протяжении всего рассматриваемого периода наименьшее число их было в Корсаковском округе.

Ссыльнопоселенцы представляют для нас больший интерес. Данные таблицы 1 показывают, что в количественном выражении численность этой категории неполноправного населения неуклонно росла. Доля же среди остальных категорий жителей как росла, так и снижалась.

Более всего среди неполноправного населения нас интересуют крестьяне из ссыльных. Вся дореволюционная литература по Сахалину пронизана теорией «всеобщего бегства». Суть ее — тезис о единственном, безудержном стремлении сахалинцев вырваться на материк. Если согласиться с тем, что «нет, кажется, на Сахалине человека, который бы не тяготился этой жизнью, не смотрел бы на нее, как на что-то временное, и не надеялся рано или поздно уехать с Сахалина» (18), то крестьян из ссыльных должно было быть минимум, ведь они имели право покинуть остров. В действительности же их было не так мало.

Интересно, что в официальных сведениях о населенных местах острова в 1880-е гг. эта категория населения не выделялась вообще. Отмечались 3 категории сельских жителей — служащие и лица свободного состояния, поселенцы, ссыльнокаторжные. Очевидно, что ссыльные крестьяне были отнесены к лицам свободного состояния. Это можно проследить в результате скрупулезного поименного сличения списков жителей старых сельских поселений (Корсаковское, Михайловское, Александровская слобода). В них «крестьянами» именуются те люди, о которых нам точно известно, что незадолго до этого они являлись поселенцами. В момент, к которому относятся эти списки, они могли быть только крестьянами из ссыльных, а рассматривались как свободные крестьяне.

В 1880-е гг. в крестьянство переводилась незначительная часть поселенцев. Судя по рапортам окружного начальника, в Александровском округе в июне 1885 г. 5 поселенцев было перечислено в крестьяне, в июле — 1 человек, в августе — 3, в сентябре — 6, а в октябре и декабре — по 7 человек. Всего за вторую половину 1885 г. — 29 человек. (19).

В начале 1890-х гг. крестьянами становятся осужденные, прибывшие на остров в 70-е гг. и в 80-е. Это уже не десятки, а сотни человек. К началу 1892 г. численность этой категории населения впервые превысила 1 тыс. человек. Наибольшее число ссыльных крестьян было в благоприятном для ведения сельского хозяйства округе — Тымовском, это было характерно для всего рассматриваемого периода.

Среди свободного населения самой многочисленной группой являлись семейства ссыльных. Эта группа сыграла важнейшую роль в формировании постоянного населения, поскольку степень стабильности этой категории жителей была весьма высока. В 1882 г. на острове было только 670 жен и детей ссыльных, в начале же XX в. — более 8 тыс. (см табл. 1). В дальнейшем рост продолжался.

Рассматривая семейства ссыльных, мы имеем в виду прежде всего женщин, т. к. мужчин следовало очень немного. В начале XX в. во всех трех округах их было четверо, женщин же — более 1,5 тыс. Женщины и дети, добровольно прибывшие на остров, явились самым прочным элементом колонизации, составили ядро населения, сформировавшегося к началу XX в. Сам факт прибытия семьи с материка уже служил стимулом к обзаведению хозяйством. На острове со времен основания каторги все ссыльнокаторжные, вне зависимости от срока осуждения и характера преступления, по прибытии семьи немедленно освобождались от содержания в тюрьмах и отправлялись на места основания новых поселений. Бывали случаи, когда осужденный и семья прибывали одним пароходом, тогда ссыльнокаторжный не содержался в тюрьме ни дня. Самыми прочными хозяйствами в начале XX в. являлись те, которые велись семьями и были основаны в конце 1870-х гг. Ко времени русско-японской войны многие из них основательно окрепли, разрослись. События войны оказали на эти хозяйства наименьшее влияние.

Семейства свободного состояния подразделялись на три группы — семейства ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев и крестьян из ссыльных. Данные таблицы 1 показывают, что здесь наблюдались те же процессы, что и у ссыльного населения. В 80-е гг. самой многочисленной группой, безусловно, были жены и дети ссыльнокаторжных. В 90-е годы на первое место выходят уже семьи поселенцев. Во второй половине 1890-х гг. на первом месте по численности

семейств осужденных стоят члены семей крестьян из ссыльных (см. табл. 1).

С семьями, добровольно последовавшими за преступниками, самым тесным образом связана еще одна группа свободного населения. Она появилась не сразу. В период первоначального заселения острова эта группа жителей по источникам не прослеживается. К концу 1880-х гг. подрастают и становятся полноправными гражданами дети первых поселенцев, тогда в источниках и выделяется особая категория свободного населения — «крестьяне свободного состояния из числа детей ссыльных». Эта группа была, пожалуй, одной из самых существенных в формировании населения. В начале XX в. во всех трех округах острова насчитывалось 844 крестьянина данной категории. (20). Эта цифра показалась знатоку Сахалина А. А. Панову очень маленькой, он использовал ее в качестве важного доказательства, подтверждающего нестабильность населения. По мнению А. А. Панова, эта группа населения должна была численно преобладать над другими. Немногочисленной же она оказалась потому, что дети осужденных спешили при первой же возможности оставить остров.

На наш взгляд, дело тут не в нелюбви к Сахалину, а во временном факторе. Четверть века — это миг для истории, мал этот срок и для человеческой жизни. К началу XX в. еще незначительная часть детей каторжан стала полноправными хозяевами. Безусловно то, что они могут без всяких оговорок рассматриваться как категория постоянного населения.

Природно-климатические условия Сахалина сложны. Крестьяне различных районов России, попавшие на остров, имели различный земледельческий опыт. На острове поселенцы нередко терпели неудачу, пытаясь вести хозяйство в соответствии с навыками, приобретенными на родине. Трансформация культурных навыков происходила медленно, дети поселенцев находились в весьма выгодном положении по отношению к своим же родителям. И коренные сахалинцы, и родившиеся на материке, привезенные на остров в детском возрасте, имели к совершеннолетию опору в отцовских хозяйствах.

Детям ссыльных легче, чем их родителям, было адаптироваться к местным условиям и чисто психологически. Они воспринимали остров как свою родину, не рассматривали жизнь на нем как наказание, не сравнивали с другими ме-

стами, имели здесь разветвленные родственные и имущественные связи и потеряли связи с районами своего или своих родителей первоначального выхода. Примеров, когда в начале XX в. в списках и ведомостях домохозяев сел Сахалина мы встречаем детей, чьи родители жили в этих селениях в 1870—80-е гг., достаточно. Это явление было распространенным. Архивные источники свидетельствуют и о том, что нередки были случаи, когда родители, имея достаточно налаженное хозяйство, покидали остров в стремлении в конце жизни вернуться на родину. Взрослые же дети их оставались на Сахалине.

Одним из прочных хозяйств Александровской слободы было хозяйство Адама Жемайтиса, уроженца Ровенской губернии. Семья Жемайтиса жила в слободе с 1878 г. По данным доктора Ф. Августиновича, весной 1880 г. А. Жемайтис был уже поселенцем, пособие от казны не получал, имел хорошее хозяйство. Через 4 года в списках свободных жителей Александровского округа значится и А. Жемайтис с семьей. (21). Согласно сведениям о благосостоянии жителей слободы Александровской, в 1888 г. хозяйство Жемайтисов было самым крепким. Они имели 5 лошадей, 8 коров, быка. В семье было 4 детей. Старший сын родился в Забайкальской области, а двое младших и дочь — на Сахалине. В 1888 г. в составе семьи впервые упоминается жена старшего сына. (22). Очевидно, в самом конце 1880-х или начале 1890-х гг. вся семья выехала с острова. Но, судя по именному списку крестьян Александровского округа за ноябрь 1891 г., на остров вернулись два сына Жемайтиса — старший Федор со своей женой и сыном и средний Иван.

Полевой материал также подтверждает эти наблюдения. Информатор из пос. Кировского А. Н. Самарина — внучка каторжан. Ее родители были родом из Рязанской губернии, приехали со своими осужденными родителями, отец приехал на Сахалин в 14, мать — в 12 лет. Через шесть лет можно было выехать на родину. Семья отца осталась, а матери — разделилась, выехали только представители старшего поколения. Сама информатор так говорит о Сахалине: «Я привыкла на своем Сахалине. Никуда не бежала. Родилась и хочу умереть здесь. И родители прожили. В Кировском похоронены, здесь и родители отца». (23).

Таких примеров достаточно и по другим селениям. В с. Михайловском это семьи Алферовых, Губиных, Золотовых, Мицуков, Кузнецовых, другие. Если проанализировать

именной список крестьян свободного состояния по с. Корсаковскому за 1891 г., то окажется, что все свободные крестьяне были из детей ссыльных. (24).

По статистической отчетности конца XIX — начала XX в. в особую группу населения выделяется «остальное (или прочее) свободное население». Исследование вопроса о происхождении этой категории жителей представляется делом непростым оттого, что в разных официальных документах эта группа иногда разбивается на более мелкие подгруппы, иногда нет. Подчас неясно, кто именно стоит за теми или иными цифрами.

Проведя сравнительный анализ месячных ведомостей начальников округов о переменах в списочном составе крестьян свободного состояния и их семейств за 1891, 1893, 1895 и 1896 гг., а также годовых отчетов и ведомостей за эти же годы, мы выявили, что это — особая группа свободного полноправного крестьянского населения. В официальных источниках периода каторги их нередко рассматривают как вольных переселенцев с материка. Очевидно, и они могли быть в этой группе. Но более точно этих людей следует называть вольными поселенцами: в этих названиях есть существенная смысловая разница.

Выявленные материалы свидетельствуют, что значительную долю среди вольных поселенцев составляли бывшие сахалинские ссыльные. Уловить процесс формирования этой группы населения возможно только при точном учете селений, данных о их жителях, скрупулезном поименном сравнении состава населения за ряд лет. Например, в списке свободных жителей слободы Александровской за 1884 г. перечислены 14 мужчин, 12 женщин и 18 детей. Анализируя этот список, мы видим, что 10 человек из 14, т. е. 71,4 процента домохозяев, являются старожилами острова. Вертулис В., Булгаков А., Кучма П., Путра Р., Скородумов В., Сысак Д. и другие были ссыльнокаторжными Дуйской команды или поселенцами Дуйской сельскохозяйственной фермы еще в начале 1870-х гг. (25). Парфентий Козуленко был прислан на работу в угольные копи в начале 60-х гг. (26). Цифра — более 71 процента — является минимальной. Именными списками жителей различных селений мы располагаем, начиная с 1884 г. За более ранний период имеются лишь отрывочные сведения. Подсчет сделан исходя из абсолютно точных данных. По другим селениям Александровского и Тымовского округов процент бывших

ссыльных среди вольных крестьян несколько меньший, чем в Александровской слободе, но нигде не падает ниже 50 процентов.

Среди вольных поселенцев были также низшие чины местной военной команды, которые после службы оставались жить на острове. Архивные источники сохранили прошения семейных низших чинов Александровской команды за 1884 г. В них выражалось желание построить дома, содержались просьбы об отводе земельных участков. За май 1884 г. прошения подали рядовые Ромашов, Иванов, Бурынин, Белоногих, Облезцев. Были даны распоряжения об отводе земли. В Александровском посту они селились в так называемой «солдатской слободке». (27).

В рассматриваемый период завершилась история с вольными переселенцами в Такойской долине (Корсаковский округ). Несколько лет подряд крестьяне страдали от наводнений и были вынуждены переселиться в район поста Чеписань. В 1881 году их посетил исследователь И. Поляков. Он отмечал: «...несмотря на то, что некоторые из них перебрались сюда год или два назад, они успели обстроиться, разработали пашни, имеют покосы на береговой косе». Хозяйство переселенцев претерпело изменения. Крестьяне неплохо изучили островные особенности. Они не делали упор на хлебопашество, как прежде. В условиях Сахалина такая однобокость оказывалась губительной. «Частью рыболовство, главным образом соболиный промысел служат подспорьем к поддержанию существования», — отмечал исследователь.

Не только стихийные бедствия мешали крестьянам. В начале 1880-х гг. над ними нависла угроза разорения. Началось взыскание денег, израсходованных на доставку к месту поселения и за продовольствие, полученное в первые годы. И. С. Поляков очень высоко оценил деятельность переселенцев. «Некоторые из местных властей укоряют крестьян в лености — я же, напротив, удивляюсь их настойчивости, терпению, с которым они перенесли такую невероятную массу мытарств и все-таки не остались нищими, а при хозяйстве, по местным условиям, достойным похвалы». (28).

Равнодушие и безучастное отношение администрации к нуждам такойских переселенцев в 80-е годы характеризует всю тогдашнюю колонизационную политику. Крестьяне-переселенцы были нужны на этапе первоначального заселения острова для укрепления русского влияния. Но пос-

ле того, как в 1875 году весь Сахалин был окончательно закреплен за Россией и был взят курс на каторжную колонизацию, вольные переселенцы перестали интересовать и правительство, и местную администрацию. В конце 1880-х гг. крестьяне покинули остров и переселились в Южно-Уссурийский край.

В целом, за весь рассматриваемый период число вольных поселенцев на острове тем не менее росло из года в год (см. таблицу 1). Этот рост мы относим за счет внутренних, а не внешних ресурсов. В архивах и публикациях нами не найдено материалов о прибытии на остров каких-либо значительных групп вольных переселенцев в тот период, хотя нельзя отрицать возможности переселения мужчин-одиночек для работы на угольных копях, морских промыслах или занятий торговлей.

О том, что вольные переселенцы все-таки попадали на Сахалин, говорят и полевые наблюдения. Информатор из пос. Тымовское М. И. Ариндарчук рассказала, что ее мать приехала на остров 17-летней девушкой около 1889 г. «по путевке». Их приехало трое из Харьковской губернии — мать и две дочери. На Сахалине они пробыли меньше года. Старшая дочь вышла замуж, а мать с младшей дочерью не смогли привыкнуть, уехали, слишком непривычной оказалась обстановка. Осенью, еще с парохода, они удивились, увидев на берегу заросли «конопли». Это была тайга, которая их поразила и испугала. (29). Мы полагаем, что подобные случаи неорганизованного переселения были единичными.

Анализируя вопрос о вольном переселении на Сахалин, необходимо принимать во внимание психологические факторы. Трудно себе представить, что у свободных людей было большое стремление переселиться на каторжный остров. С одной стороны — никаких льгот и правительственной помощи, с другой стороны — дурная слава каторги. Об острове распространялись самые страшные слухи. Интересно воспоминание человека, которому грозила высылка на Сахалин: «...Сахалин рисовался в нашем воображении самыми мрачными красками, и мысль сделаться его невольным обитателем пугала тем более, что мы сами были убеждены в невозможности выйти оттуда. Тюремное предание сохранило рассказ об одном только счастливчике, который будто бы выплыл с Сахалина на колесе. Впоследствии я убедился, что такое мнение о Сахалине несколько

преувеличено, но до тех пор, пока... я не ускользнул от самой опасности попасть на Сахалин, я находился в каком-то беспокойном, почти исступленном состоянии». (30). Это было написано в начале 1870-х гг., до высылки первой крупной партии каторжан. В последующие годы мнение об острове могло только ухудшиться.

Именно в тот период широкое распространение в литературных и документальных источниках получает мысль «о всеобщем бегстве с Сахалина». Начальник Тымовского округа в 1896 г. утверждал, что как только поселенцы становятся крестьянами из ссыльных, они «без долгих размышлений все поголовно останавливаются на Приамурском крае и покидают Сахалин». По его же «...глубокому убеждению колонизация острова Сахалина ссыльным элементом, не закрывая последнему и даже его потомству пути выхода на материк навсегда, представляется делом несбыточным». Всякие попытки вольной колонизации отрицались полностью и характеризовались не иначе, как «большая мысль». Вместо заселения предлагается «временное расселение преступников по мере необходимости, в зависимости от местных условий и общих по сему предмету административных предложений». (31). Работавшая на острове в 1899 г. правительственная комиссия еще раз подчеркнула: «Весь Сахалин служит пенитенциарным целям, местными центрами являются тюрьмы, и все здесь существующее имеется ради тюрем и вследствии нахождения их здесь...». (32).

В то же время нельзя было не заметить (можно было только не хотеть это видеть), что в составе островного населения произошли существенные изменения. Расчленив исследуемую совокупность на части в зависимости от различий в степени их стабильности на начало XX в., убеждаемся в том, что к этому времени мы уже можем говорить о постоянном населении острова. Данные по генезису различных групп населения на 1900 г. (таблица 1) показательны. Общая численность полноправного населения с учетом крестьян из ссыльных превысила на несколько тысяч человек количество ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев. Это при том, что рост ссыльного населения в абсолютных цифрах продолжался. Семьи осужденных стали постоянными жителями острова. Уже не единицы и не десятки, а сотни семей жили в одних и тех же селениях десятилетиями, там же оседали семьи их детей, появились местные уроженцы разных возрастов. Несостоятельным, безусловно, представляется

взгляд на жителей острова начала XX в. как на людей исключительно неполноправных. А ведь это мнение было господствующим. Как характерное представим вашему вниманию высказывание П. Ю. Шмидта: «Население Сахалина, за исключением небольшого количества чиновников и войска, состоит исключительно из ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев». (33).

На процесс дальнейшего формирования населения Сахалина большое влияние оказали события русско-японской войны 1904—1905 гг., положившие конец сахалинской каторге. Нормальное течение жизни было прервано, военные действия принесли жителям большие материальные убытки. Населению юга острова, отошедшего к Японии, пришлось спешно бросать обжитые места, имущество и эвакуироваться на материк.

В тот сложный период появляются планы дальнейшей колонизации русской части острова. Делались попытки зачеркнуть прошлое Сахалина, а чтобы ничто не напоминало о пережитом, изменить и название русской части острова на область Невельского. В большинстве проектов основная ставка делалась, как и прежде, на развитие сельского хозяйства. Эти программы не отличались новизной. Разница заключалась лишь в том, что раньше упор делали на озимую пшеницу, а теперь на скотоводство и ярицу. (34).

Были более разумные, рациональные проекты, которые исходили из учета природных условий. Известный исследователь морей Дальнего Востока П. Ю. Шмидт, развивая идею промысловой колонизации, отмечал: «...по природным своим условиям Сахалин во всяком случае имеет гораздо более шансов стать богатою промысловою, чем сельскохозяйственной колонией, — природные богатства его вод и его обильные минеральные и лесные богатства образуют тому вполне надежный фундамент». (35).

Если судить о населении острова по источникам и литературе конца XIX в., то после окончания военных действий север острова должен был остаться пустым. Однако этого не произошло. Численность населения упала, но все-таки в декабре 1905 г. там находилось около 5,5 тыс. человек. (36). В 1905—1907 гг. шел процесс внутренней стабилизации населения. Часть его еще выезжала, но немало и вернулось. Этот процесс в количественном выражении был незначителен, он был скорее качественного порядка. На остров стремились старожилы, имевшие там хозяйственный

интерес. Основанием для подобного предположения служат материалы Переселенческого управления МВД, занимавшегося устройством населения, покинувшего Сахалин в период военных действий. В журналах заседаний губернских присутствий по различным районам России содержатся многочисленные прошения крестьян, возвращенных на родину, о переселении их вновь на Сахалин.

Характерно прошение крестьянина А. Хейзы, поданное в мае 1906 г. черниговскому губернатору. А. Хейза, отбыв наказание в 1885 г., поселился в с. Хомутовка Корсаковского округа. Имел хозяйство — дом, сарай, баню, скот. В 1895 г. женился на крестьянке из ссыльных Матрене Драчевой, имел сына. Позже он просил его переселить на казенные земли в северной части Сахалина. Стоимость описанного при отъезде имущества — 1200 рублей. Крестьянин Л. Сепура находился на острове с 1894 г., в 1900 г. был перечислен в крестьяне. Его имущество оценивалось в 1500 рублей, сахалинца И. Рублева — в 800 рублей и т. д. Эти и другие бывшие сахалинцы, дела которых рассматривались в мае 1906 г., прожили на острове не менее 10 лет. На родине они жаловались на отсутствие заработков, земли, крайнюю нужду. (37). Известный знаток Дальнего Востока П. Ф. Унтербергер писал, что во время военных действий «масса получила право вернуться в Европейскую Россию и этим широко воспользовалась. Но уже через несколько месяцев бывшие сахалинцы начали возвращаться в Приамурскую область, и значительная часть их стремилась обратно на Сахалин». (38). Многие жители покидали Сахалин, думая, что японцы займут весь остров.

Что в тот период представляло собой старожильческое население, сильно ли изменилось оно по сравнению с довоенным периодом? Это можно проследить, анализируя состав отдельных селений за ряд лет. Мы провели поименное сравнение состава жителей двух старейших селений Александровского округа, опираясь на данные статистических карточек А. П. Чехова 1890 г., переписных листов Всеобщей переписи 1897 г. и именных списков жителей селений за 1909 г.

В количественном отношении население сократилось. В 1898 г. в селении Ново-Михайловском проживало 472, в 1909 г. — 277 человек. Но было бы грубой ошибкой трактовать уменьшение абсолютных арифметических цифр, как отсутствие постоянного населения вовсе. Подобные выводы

делали многие очевидцы, посетившие остров после русско-японской войны. Увидев опустевшие селения, заброшенные дома, они приходили к заключению, что за весь предыдущий период не было сделано ничего полезного, колонизация не дала результатов, все предстоит начинать сначала. Если же обратиться к качественным показателям, картина будет иной.

Анализ именных списков показывает, что 73 процента жителей с. Ново-Михайловского в 1909 г. — это люди, которые там осели и начали вести хозяйство до 1895 г. Эта цифра минимальная, в действительности она могла быть и большей, если учесть, что в карточках А. П. Чехова имеются пропуски и мы не располагаем всеми без исключения переписными листами за 1896 г. Среди жителей селения в 1909 г. было немало тех, кто жил здесь с 1870-х годов, т. е. практически со времени основания селения. К ним относятся семьи Н. Алфимова, С. Варфоломеева, И. Жигулина, М. Клещевой, Н. Матвеева, С. Потемкина, Е. Прохорова, И. Сыровой, Н. Трошина, М. Щербининой и других. Значительную группу жителей составляют те, кто поселился там в 1880—83 гг. (39).

В селении Корсаковском к 1909 г. численность населения упала не так значительно. В 1898 г. в селении было 56 хозяйств и 273 жителя. В 1909 — 40 хозяйств (71,8 процента) и 207 жителей (75,8 процента). (40). Там также было прочное старожильческое ядро. Семьи А. Живаго, А. Синельникова поселились в Корсаковском в 1870-х, а П. Жарского — в конце 1860-х годов. В 1880-е гг. основали хозяйства Я. Дубель, М. Ломоносов, А. Васильева, М. Пальков, М. Бажинская.

В отчете сахалинского губернатора за 1909 г. отмечалось, что «население, хотя и медленно, но прирастает, занимается преимущественно земледелием, собирает урожай и вообще живет лучше, чем крестьяне средней России, несмотря на случаи недозревания хлебов, вырождения зерна, таежность, бездорожье, слабость сбыта и недостаток заработков». (41).

Если за годы войны население северных округов и сократилось, то за счет каторжного населения, а не старожильческого. Часть жителей мигрировала на материк, другая переместилась из мелких селений в более крупные, с юга на север. Но старожильческое ядро в целом сохранилось.

После окончания русско-японской войны начались работы по подготовке к новой волне колонизации. В 1907 г. выяснилось, что, несмотря на многочисленные в XIX в. экспедиции по изучению острова, земельный фонд так и не был учтен. Администрация острова смогла дать только «весьма приблизительную, почти гадательную» цифру — 1500 кв. верст. Такой земельный фонд был признан Комитетом по заселению Дальнего Востока незначительным. Комитет настаивал на том, чтобы «...на местах выхода переселенцев ходаческие свидетельства не выдавались непосредственно на Сахалин, но ходатайствующим об этом переселении разъяснялось, что им надлежит ехать во Владивосток, где они только и могут получить от местного заведующего переселением все необходимые указания и разрешения на поездку в Сахалинскую область». Комитет отверг просьбы местной администрации о субсидиях на организацию переселенческого дела. (42).

В марте 1908 г. было объявлено об открытии острова для вольного (неорганизованного) заселения, но на процесс дальнейшего складывания населения это событие не оказало сильного влияния. В 1908—1909 гг. туда переселились 6 семей и одна одиночка — всего 30 душ. (43). Сохранилось прошение крестьянина Полтавской губернии П. Тимченко на имя начальника Тымовского округа: «Прибыв сюда 23 июля 1909 г. в селение Усково... и купив дом с землею, намерен здесь на Сахалине поселиться навсегда,.. прошу выдать пособие на приобретение домашнего скота». Семья П. Тимченко состояла из 7 человек. Кроме хозяина, прибыли его жена, 3 сыновей в возрасте от 8 до 14 лет и 2 дочери 6 и 18 лет. (44).

Одним из путей переселения был вызов родственников с материка. Две семьи из 6 приехавших в 1908—1909 гг. были вызваны сахалинцами. В сентябре 1909 г. в Харьковскую губернскую землеустроительную комиссию обратился крестьянин с. Адо-Тымово Тымовского округа В. Усатый с ходатайством о разрешении его брату крестьянину с. Синявского Синявской волости Богодуховского уезда отправиться ходоком для осмотра переселенческих участков в Сахалинской области. Павлу Усатому было выдано «ходаческое» свидетельство. (45).

В те же годы начинается промысловое переселение на морское побережье. Рыбные богатства западного берега привлекли внимание рыбаков из России. Поступили проше-

ния о переселении на залив Байкал, в район мыса Тымлово. Рыбаки Кубани просили переселить их на реку Виахту для артельного лова кеты, горбуши и осетра. (46).

Интересен состав жителей промысловых селений. В источниках их, как правило, называют переселенцами-рыбаками, прибывшими с материка. Но анализ протоколов о водворении на участки показывает, что население это достаточно пестрое, немало там было и сахалинцев, особенно из южного округа.

Население промысловых селений было стабильным несмотря на то, что рыбаки не были так привязаны к постоянному месту, как земледельцы. Мы произвели анализ именных списков жителей селения Валуево за 1909, 1913 и 1916 гг.; оказалось, что первоначальный костяк их устойчиво сохранялся. В 1913 г. он составлял 70 процентов от всех жителей селения. (47).

В небольшом промысловом селении Тенгинском за период с 1913 по 1917 гг. произошли некоторые изменения в численном составе жителей. Поименное сличение списочного состава показывает, что произошли они за счет образования новых семей и рождения детей. Сами домохозяева остались прежними. (48).

Рост населения продолжался в очень ограниченных масштабах. В конце 1907 г. на острове проживало немногим более 6 тыс. человек. В 1910 г. — немногим более 7 тыс. человек. (49).

Ценные сведения по населению Сахалина начала XX в. содержатся в материалах Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. (табл. 2). До 1917 г. в области функционировали 4 сельских общества — Александровское, Михайловское, Рыбновское и Рыковское. В начале 1917 г. пост Александровский получил статус города, хотя население его оставалось преимущественно крестьянским. В начале 1912 г., когда домовладельцы Александровского сельского общества вынесли приговор о необходимости ввести городское самоуправление, в посту проживало 927 крестьян, 135 представителей чиновников, офицеров и духовенства, 11 мещан и несколько купцов. (50). Население поста, а также поста Дуэ прошло по городской переписи.

Подсчет производился по трем волостям. Всего в них проживало 5 380 человек сельских жителей. Наиболее заселенной оказалась Тымовская волость.

В Тымовской волости население количественно осталось

на уровне 1910 г. Небольшое его уменьшение можно объяснить внутриостровными миграциями, оттоком на север. Тымовская волость дала самое большое количество старожилов (ими считались уроженцы селений). Наибольшее их число проживало в крупнейшем селении волости — Рыковском (16 семей). Старожилы проживали в старейших селениях — Дербинском, Мало-Тымовском, Андрее-Ивановском. Анализируя данные переписи по различным периодам заселения этой волости, еще раз можно убедиться в правильности предположения, что основной костяк жителей сформировался там до русско-японской войны и отмены каторги. Наибольшее число семей, осевших к началу 1890-х гг., жило в селениях Рыковском и Дербинском — 114 из 246 по всей волости.

Старожильческие семьи и семьи, жившие в волости до 1896 г., составили 53 проц. от всего населения в 1917 г. Если сравнивать население, которое проживало там до 1905 г., с населением на момент переписи, окажется, что на долю послевоенных переселенцев приходилось только 26 проц. населения. Необходимо учесть, и это очень существенно, что среди переселенцев были не только выходцы с материка, каковыми их чаще всего называют в источниках, но и сахалинцы, мигрировавшие с оккупированного юга. Таким образом, материалы переписи 1917 г. подтверждают, что основную массу жителей Тымовской волости составляло старожильческое население.

В Михайловской волости проживало 818 человек (табл. 2). К группе старожилов отнесены 9 семей. Это совсем немного, но необходимо учитывать, что для Сахалина вообще характерны внутриостровные миграции. Собирая во время шести полевых сезонов сведения о населении острова конца XIX — начала XX вв., мы практически не сталкивались с фактами совпадения места рождения и современного проживания информатора. В отношении Сахалина информация переписи была бы гораздо интереснее, если бы понятие «старожил» трактовалось как уроженец острова, а не отдельного селения. Малое число старожилов Михайловской волости объясняется также тем, что в списки при переписи не были включены жители двух старейших поселений — Малая Александровка и пост Дуэ. Первое было, очевидно, отнесено к посту Александровскому, который, как и пост Дуэ, проходил по городской переписи.

Если же обратиться к истории появления в волости семей, то выяснится, что в Михайловской волости, как и в Ты-

мовской, значительное их число осело до 1896 г. В последние годы XIX в. прирост населения был незначителен. С начала XX в. и до русско-японской войны население волости выросло еще на 21 семью, если принять во внимание естественный прирост населения, то на долю возможных переселенцев остается совсем не много. В целом, и старожилы, и население, осевшее до 1905 г., составляли более 61 проц. жителей волости. Наибольшее число послевоенных переселенцев в Михайловской волости относится к 1906—1910 гг. Очевидно, здесь велики миграции с юга острова. В послевоенный период переселенцы оседают в крупных селениях — Корсаковском и Михайловском.

Таким образом, по старейшим с точки зрения русского заселения районам Сахалина — Михайловской и Тымовской волостям, — материалы переписи подтверждают стабильность жителей на начало XX в. В послевоенный период переселенцы пополнили население, но в целом оно осталось старожильческим.

Несколько иная картина сложилась в Рыбновской волости. Судя по переписи, основное заселение ее происходило с 1911 по 1915 гг. Рост числа жителей свидетельствовал о развитии рыбной промышленности в тот период. Скачок произошел в основном из-за притока наемной рабочей силы. Первые несколько семей переселенцев отмечены в селении Рыбном в самом конце XIX в. 1910—1920 гг. были временем расцвета молодой волости. На северо-западном побережье образовались селения — Северо-Астраханское, Лупоодо, Верещагино, Наумовка, Суворовка и др., ежегодно увеличивалась их населенность, росло число хозяйств.

Большинство жителей Рыбновской волости действительно были вольными переселенцами с материка, что отличало эту «молодую» волость от «старых», — Тымовской и Михайловской. И тем не менее мы все-таки не склонны переоценивать роль вольного переселения на остров после отмены каторги и русско-японской войны. Во-первых, среди жителей Рыбновской волости было немало и коренных сахалинцев. Например, судя по протоколу о водворении домохозяев с семьями на участке Рыбном Рыбновского сельского общества от 6 апреля 1913 г., 48 проц. домохозяев были сахалинцами. (51). Во-вторых, многие промысловые селения просуществовали недолго, миграционная подвижность их жителей была высока, они интересуют нас гораздо меньше, чем ста-

бильное сельскохозяйственное население Тымовской и Михайловской волостей.

Материалы переписи 1917 г., таким образом, подтверждают наше положение о стабильности русского населения острова в начале XX века. Неверно утверждение, что жители смотрели на свое пребывание на острове как на временное, а когда «...им всем, благодаря нашей войне с Японией, предоставилась возможность сразу покинуть остров, они его покинули». (52). Сахалин покинули преступники и та часть поселенцев, которые прибыли сюда в самом конце XIX века, а не старожилы. Неблагоприятно сложившиеся обстоятельства отнюдь не привели к запустению острова. Период с 1906 по 1917 гг. был важным этапом в складывании населения, поскольку оно стабилизировалось и даже несколько выросло за счет внутренних источников, а не принудительных мер, как прежде.

Основание на Сахалине крупнейшей в России каторги привело к тому, что в колонизации острова господствовало административное начало. Правительство выбрало принудительный путь заселения Сахалина, по форме это была криминальная колонизация. Тюремная администрация имела безграничную власть как над ссыльными, так и лицами свободного состояния. Источники складывания населения здесь были весьма специфическими. Поэтому, исследуя процесс его формирования, мы обращали внимание не на абсолютные цифры роста населения, а на его генетическую структуру, соотношение различных категорий жителей, анализ каждой группы, оценку уровня стабильности состава населения. Скрупулезное поименное сравнение состава жителей старейших селений позволило уловить динамику перехода значительной части населения во все более и более свободное состояние, а также установить, что значительная часть жителей проживала в этих селениях на протяжении нескольких десятилетий, сформировав «родовые гнезда». В рамках компактной, географически обособленной территории за исторически короткий срок возникла определенная территориальная общность — русское население Сахалина. Исследуемая общность сформировалась в силу однородности объективных условий жизнедеятельности, социально-экономической обстановки, единства территории.

Анализируя пришлое население острова, мы оперируем таким определением, как «русское население», вкладывая в него не столько этническую характеристику (русские по на-

циональности), сколько отличие от коренных жителей. Возможно, более точным было бы назвать всю массу переселенцев не русскими, а российскими. Мы отдаем предпочтение общепринятому в исследованиях подобного рода термину «русские», тем более, что эта этническая группа на Сахалине в рассматриваемый период была наиболее многочисленной.

Этнический состав населения, а также структура его по районам выхода — вопросы очень существенные под углом зрения процесса формирования населения. В источниках, затрагивавших эти проблемы, сложился ряд ошибочных мнений. Характерно заявление одного из исследователей, сделанное после русско-японской войны: «В этнографическом и вероисповедальном отношении эта масса (население острова — М. И.) имеет случайный характер». (53). А. П. Чехов в IX главе своего известного труда так коротко и ярко определил состав сахалинцев: «Здешние жители — это беспорядочный сброд русских, поляков, финляндцев, грузин, голодных и оборванных, сошедшихся вместе не по своей воле и случайно, точно после кораблекрушения». (54). Это эмоциональное высказывание, а несколько дальше, в той же книге, писатель первым и практически единственным из дореволюционных авторов сделал попытку представить картину распределения жителей по районам выхода.

Попытка оказалась очень удачной. Был произведен подсчет по 5 791 жителю острова. Получилось, что «Тамбовская дала — 260, Самарская — 201, Полтавская — 199, Воронежская — 198, Донская область — 168, Саратовская — 153, Курская — 151, Пермская — 148, Нижегородская — 146, Пензенская — 142, Московская — 133, Тверская — 133, Херсонская — 131, Екатеринославская — 125, Новгородская — 122, Харьковская — 117, Орловская — 115; на каждую из остальных губерний приходится меньше ста. Кавказские губернии все вместе дали 213, или 3,6 проц. ...Губернии Царства Польского все вместе дали 455, или 8 проц., Финляндия и Остзейские губернии — 167, или 2,8 проц.» (55). Этим автор и ограничился, заметив, что приведенные цифры точной картины дать не могут. Действительно, данные эти отрывочные, широких обобщений делать не позволяют. Тем не менее, распределение по регионам получилось следующее: наиболее значительная доля приходилась на выходцев центрально-черноземного района — более 32 проц., на втором месте стояли выходцы из Украины и Белоруссии — 18 проц., на третьем месте — жители средне- и нижневолжского районов —

17 проц. Как это ни удивительно, но те пять с лишним тысяч человек позволили писателю отразить истинную картину районов выхода сахалинцев. В то же время известный исследователь населения Дальнего Востока А. П. Георгиевский в 1920-е гг., отмечая, что Сахалин отличался большой пестротой населения, утверждал, что «...основной контингент русского населения принадлежит к выходцам северо-великорусских губерний, так как большинство губерний выхода относится к северо-великорусским, частично, к средне-великорусским и лишь в самой малой степени к украинским». (56). Необходимо отметить, что этот вывод не подкреплен в работе никакими цифровыми выкладками и, на наш взгляд, несостоятелен.

Основным источником по определению районов выхода пришлого населения Сахалина являются, на наш взгляд, хранящиеся в Центральном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР) пофамильные списки ссыльнокаторжных мужчин, ссыльнокаторжных женщин и их детей, а также добровольно следующих на остров семей осужденных. Предлагая этот вариант, мы исходим из того, что население Сахалина было сформировано из различных категорий осужденных и их родственников. О происхождении немногочисленного свободного населения, которое переселилось на остров другими путями, точных данных ни в источниках, ни в литературе нет.

Нами выявлены списки за период с 1881 по 1894 гг. Это наиболее важный для формирования населения период. Это были годы массовой высылки на остров осужденных. Именно население, прибывшее до начала 1890-х гг., успело к периоду русско-японской войны осесть и обзавестись крепкими хозяйствами. По отдельным годам материал представлен неровно. Не обнаружены списки за 1891 г., имеются пропуски по отдельным партиям за 1882, 1885 гг.

В списках ссыльнокаторжных имеются только сведения о том, в какой губернии или уезде арестант осужден. Именно эту губернию или уезд мы склонны считать и местом выхода будущего сахалинца. Конечно, на стопроцентное совпадение рассчитывать не приходится. Но, сопоставив за несколько лет данные о местах высылки осужденных с местами выхода их семей и опираясь на воспоминания старожилов, мы убедились, что в основном они совпадают.

В делах о формировании партий арестантов имеются списки заключенных, присланных из различных районов

России в Одессу для отправки на остров. Эти списки мы в расчет не берем, т. к. далеко не все осужденные попадали на остров. В Одессе они проходили медицинский осмотр, и часть признавалась негодной к морским перевозкам по состоянию здоровья, некоторых признавали негодными к каторжным работам, а в заключение, не все попадали на судно из-за недостатка мест. Мы берем в расчет только пофамильные списки отправленных на каком-то определенном пароходе («Нижний Новгород», «Кострома», «Петербург», «Ярославль», «Москва» или «Россия») в определенный срок. В этом случае человек, наверняка, попадал на остров.

Конечно, за долгий путь вокруг света были случаи смерти ссыльных, но их было немного. Так, за рейс в апреле—июне 1881 г. умерли три человека. (57). Согласно врачебным отчетам за 1889 г. врачей А. Щербака и Поплавского, во время первого рейса в марте—мае умерли пять человек, столько же во время второго рейса в августе—октябре. (58). Среди причин смерти были как различные заболевания внутренних органов, так и тяжесть самого путешествия. Особенно страдали арестанты от солнечных ударов. В донесении врача парохода «Нижний Новгород» А. Орбинского за осенний рейс 1888 г. это описано так: «...общее состояние здоровья ссыльнокаторжных, отправленных из г. Одессы 15 августа с. г. для следования на о. Сахалин, за время перехода до Адена (т. е. по 28 августа) было вполне удовлетворительным, кроме последних дней перехода по Красному морю, именно 26 и 27 августа, когда вследствии сильных жаров и полного отсутствия ветра среди ссыльных начали обнаруживаться случаи теплового удара. 26 августа их было 15 человек, 27-го августа 12 человек; из числа первых один, именно Андрей Пакрастин, в 7 с половиной час. вечера, через час после обнаружения удара, скончался, не смотря на все принятые меры». За весенний рейс того же года «...число солнечных ударов, требовавших лазаретного лечения, ограничилось лишь 4 (и 8 случаями амбулаторного), всего 14 случаев, между тем как в прошлый год их было 36 с двумя смертельными исходами». (59).

В таблице 3 представлены данные за вторую половину 1880-х и начала 1890-х гг. Картина получается очень пестрая. Это и приведет к тому разнообразию, которое будет наблюдаться в различных аспектах сахалинской действительности — в типологии жилища, его внутренней планировке, застройке усадеб. Например, 9 июня 1887 г. из Одессы от-

правились в путь теперь уже бывшие жители 54 губерний и 5 областей России. Только один этот факт помогает представить, каким этнически пестрым было население каторжного острова.

Данные таблицы 3 показывают, что за первые пять рассматриваемых лет основную массу осужденных составили выходцы юга России, Кавказа, Крыма, Бессарабии, Украины. На их долю приходилось более 40 проц. общего числа арестантов. Далее следуют выходцы средневолжских и нижневолжских губерний и русского севера. Более 10 проц. приходилось на выходцев западных окраин, Прибалтики. Выходцев из центрально-черноземного района в два раза больше, чем из центрально-промышленного. Значительную группу составляли выходцы с Урала, а более восточные районы, как и Средняя Азия, практически не представлены.

В следующее пятилетие никаких коренных изменений не было. Юг России и Украина дают те же 40 проц. Изменилось соотношение внутри районов. На первое место вышли кавказские области и губернии. Остальные регионы дали более равное представительство. В части их процент об общего числа выходцев уменьшился (северные, средневолжские и нижневолжские губернии). В других регионах этот процент возрос, но не очень значительно. В 11 регионах из 15 доля выходцев составляла от 2 проц. до 9 проц. от общего числа.

Не менее важным является выяснение районов выхода добровольно последовавших за осужденными семей. Приезд на Сахалин семьи мы рассматриваем, как уже отмечалось, как определяющий фактор в закреплении населения. В пофамильных списках семей указывались места их жительства; таким образом, данные по местам рождения и выхода будут более точными. Первая группа добровольно следующих семей отправилась из Одессы на пароходе «Кострома» в марте 1883 г. Всего их было — 11 женщин, 8 мальчиков и 11 девочек. (60).

В таблице 4 представлены данные за те же периоды, что и у ссыльнокаторжных мужчин. Материал вполне сопоставим, особых расхождений не наблюдается. Как и у мужчин, нет абсолютного преобладания выходцев какого-либо одного региона, но большая их часть приходится на жителей южных губерний. По сравнению с данными по ссыльнокаторжным, среди семей больше жителей центрально-черноземных губерний. Как у мужчин, значительное число выходцев из Крыма и Бессарабии. В целом, центрально-черноземные губер-

нии, а также Крым, Украина и Бессарабия дают более половины от общего числа переселившихся.

В следующие пять лет наблюдается уже отмеченная тенденция к более ровному распределению выходцев из отдельных регионов. В эти годы значительно снизилось число уроженцев Крыма, Украины, Бессарабии, и возросло число выходцев с Урала и центрально-промышленного района.

Для большей убедительности выводов, рассмотрим конкретные данные за отдельные годы по всем категориям населения, прибывавшего на остров морским путем. Например, за 1887 и 1889 гг. В 1887 г. на Сахалин прибыло 1 056 ссыльнокаторжных мужчин, 111 ссыльнокаторжных женщин с детьми и 209 членов семей, добровольно последовавших за осужденными. В 1889 г. распределение прибывших по тем же категориям, что и в первом случае, было следующим: 1 052, 121, 335. В 1887 г. у ссыльнокаторжных мужчин на первом месте стояли уроженцы Украины, Крыма и Бессарабии — 240 человек, на втором—Кавказа—169 человек, на третьем—центрально-черноземного района — 140. Данные по районам выхода добровольно последовавших семей за 1887 г. сопоставимы, особых расхождений нет. Первенство за выходцами с Украины, Крыма, Бессарабии — 71 человек, далее представлен центрально-черноземный район — 50 человек. По сравнению с мужчинами больше было уроженцев средневолжских и нижневолжских губерний, а вот Кавказ практически не был представлен (3 женщины и один ребенок).

Данные за 1889 г. вполне сопоставимы. Столь же значительным было число выходцев с Украины, Крыма и Бессарабии—20 проц.—у мужчин, 26 проц.—у ссыльнокаторжных женщин и 20 проц.—у семей. Стабильно высокий процент удерживался за уроженцами центрально-черноземного района (особенно среди семей) и Кавказа.

Что касается отдельных губерний и областей, то на некоторые из них в отдельные годы приходилась значительная доля переселявшихся. Так, в первой партии арестантов 1890 г. было много выходцев из Елисаветпольской губернии — 56 человек. В первой партии 1893 г. было значительное число жителей Саратовской губернии — 78 человек. В первой партии 1887 г. наиболее многочисленными были группы из Варшавской губернии (29 человек) и Киевской (28). Существовал ряд мест, который стабильно давал большое число выходцев, — Киевская, Варшавская, Полтавская, Оренбургская, Тамбовская, Харьковская, Петербургская, Таври-

ческая губернии, а также Кубанская и Терская области.

Рассмотренные таблицы не претендуют на абсолютную полноту и точность представленных данных, но позволяют утверждать, что основными районами выхода переселенцев являлись губернии юга России, Украина, центрально-черноземный район. Наиболее слабо представлены губернии Средней Азии и Сибири. Как характерную черту необходимо отметить широкую географию районов выхода.

В таблице 5 представлены данные о распределении жителей по месту рождения, зарегистрированные первой всеобщей переписью населения 1897 г. Сгруппировав их в те же группы, что и в таблицах 3 и 4, получаем практически идентичные нашим расчетам результаты. На первом месте стоят уроженцы Украины, Крыма и Бессарабии (21,6 проц.), на втором — центрально-черноземных районов (14,1 проц.). Значительное число выходцев Кавказа, Средней и Нижней Волги, центрально-промышленного района, Урала.

Материалы переписи 1897 г. зафиксировали одно существенное различие: касается оно Сибири. По данным таблиц 3 и 4 число выходцев из Сибири не превышало 1 проц., по данным таблицы 5 их более 7,8 проц. На сибиряков, по нашему мнению, приходилась значительная доля вольного населения, в таблицах 3 и 4 учтенного неполностью. Это служащие, военные, как офицеры, так и нижние чины, также промышленники и торговцы.

Принципиальное совпадение данных таблиц 3, 4 и 5 свидетельствует о верном выделении нами основных источников формирования постоянного населения острова.

Национальный состав населения Сахалина в имеющихся источниках отражен слабо. В таблице 6 содержатся сведения о составе жителей острова по родному языку по переписи 1897 г. Это общая сводка; также мы располагаем данными переписных листов по старейшим селениям Александровского округа — Ново-Михайловскому и Малой Александровке. (61). Сконцентрировав всю информацию, видим, что более половины жителей острова было записано русскими (соответственно — 56,2 проц., 63 проц., 54,3 проц.). На втором месте стояли украинцы (8,4 проц., 20,7 проц., 16,7 проц.). Имелось значительное число поляков, татар, немцев. А всего переписью на Сахалине были зарегистрированы носители более 25 языков.

Данные по национальному составу на начало XX в., содержащиеся в официальных источниках, не отличаются полно-

той. В таблице 7 подобраны цифры на 1910 и 1912 гг. Местное население в подавляющей массе было представлено как русское. Но доверять таким данным трудно, ведь очень снижает ценность этих статистических сведений то, что подсчет велся только по пяти национальностям. В группу русских могли попасть украинцы, не представлены и прибалты, которых было немало. Нет сомнения, что русские составляли значительную часть населения. В то же время национальный состав не был однороден, он был пестр, как была пестра каторга вообще. А. П. Чехов метко подметил, характеризуя сахалинское общество: «Они веруют не одинаково и говорят на разных языках». (62). На Сахалин действительно были привнесены различные региональные и национальные традиции — их взаимодействие, одновременное сосуществование привели к тому разнообразию, которое мы позже проследим в различных формах материальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АГО СССР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 109. Л. 15. Документ хранится в фонде В. К. Арсеньева и неверно датируется концом 1920-х гг. В документе есть упоминание: «В настоящее время еще находится на острове доктор Добротворский...» (л. 3), М. М. Добротворский служил на Сахалине с 1867 года в течение 5 лет.

2. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 221. Л. 24.

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 206. Карт. 2108. Л. 13—13об.

4. Шван. Занятие Южного Сахалина// Тюремный вестник. СПб., 1894. № 9. С. 434.

5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 206. Карт. 2108. Л. 152.

6. Венюков М. Остров Сахалин// Военный сборник. СПб., 1872. № 3. С. 20.

7. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 1315. Оп.1. Д. 5. Л. 136.

8. ЦГИА. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 1. Л. 135—138.

9. Бутковский Л. Сахалин и его значение// Морской сборник. 1874. № 4. С. 135.

10. ЦГИА. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 1. Л. 173—174.

11. Бартоломей Г. Описание Амурского края// Военный сборник. 1860. № 9. С. 9.

12. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 286. Л. 23.

13. Новомбергский Н. Я. Остров Сахалин (Очерк сахалинской жизни). СПб, 1903. С. 15.

14. Центральный архив Российской Федерации (ЦАРФ). Ф. 122. Оп. 5. Д. 41. Л. 172. Там же. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1191. Л. 19.

15. ЦАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2329. Л. 357—384.

16. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 230. Л. 11—12.

17. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161.
18. Панов А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 216.
19. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 44. Л. 58, 61, 140, 110—112, 117.
20. Там же. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
21. Там же. Ф. 1133 Оп. 1. Д. 24. Л. 27об. — 28.
22. Там же. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 146. Л. 400—404.
23. Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (НАСОКМ). Оп. 3. Д. 59. Л. 14.
24. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 591. Л. 40об., 15об.
25. ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 73. Карт. 2611. Л. 143, 151, 152.
26. Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ). Ф. 909. Оп. 2. Д. 23. Л. 125об.
27. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 37. Л. 10—22; 29.
28. Поляков И. С. На Сахалине.// Живописная Россия. СПб., 1895. Т. XII. Ч. 2. С. 16.
29. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 2.
30. Воспоминания бродяги// Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1875. С. 12.
31. РГИО ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 40, 43 об., 44 об.
32. Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1230. Л. 3.
33. Шмидт П. Ю. О сахалинских рыбных промыслах// Русское судоходство. СПб., 1904. 8. С. 94.
34. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 701. Л. 3.
35. Шмидт П. Ю. Рыбные промыслы Дальнего Востока.// Морские промыслы острова Сахалина. СПб., 1905. С. 47—48.
36. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1148. Л. 19.
37. Там же. Ф. 391. Оп 2. Д. 1545. Л. 44, 47, 48, 50, 53, 56.
38. Унтербергер П. Ф. Приамурский край в 1906—1919 гг. СПб., 1912. С. 209.
39. РГИА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—6; Ф. 702. Оп. 5. Д. 908. Л. 1—14, 121—192; Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 331. Картон X. Л. 3098—3414.
40. Сахалинский календарь на 1898 г. В. м., 1898// Сведения о селениях на Сахалине. С. 61; РГИА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11 об.
41. ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 244об.
42. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 213. Л. 13. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 513. Л. 18—18об.
43. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 50. Л. 100.
44. Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 257, 260.
45. Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 310.
46. Там же. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 213. Л. 22об.
47. Там же. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 494. Л. 23—24; Ф. 1182. Оп. 1. Д. 8. Л. 66—69 (подсчет наш).
48. Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 9. Л. 7—8; Ф. 1182. Оп. 1. Д. 8. Л. 96.
49. Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 243.
50. Там же.
51. Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 9. Л. 39—40.
52. Мельников В. Е. Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. М., 1909. С. 26.
53. Лилеев. Остров Сахалин. Географический и статистический очерк. СПб., 1906. С. 46.

54. Чехов А. П. Остров Сахалин. — Полн. собр. соч. и писем. — Сочинения. Т. XIV—XV. С. 149.

55. Чехов А. П. Остров Сахалин. С. 242.

56. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 1. Владивосток, 1926. С. 66.

57. ЦАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 656. Л. 284об.

58. Там же. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1340. Л. 129об., 142.

59. Там же. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1287. Л. 104, 151.

60. Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 908. Л. 1—40, 75—116, 189—216, 121—192.

61. Чехов А. П. Остров Сахалин. С. 242.

Таблица 1

Состав населения острова в конце XIX — начале XX в.*

Структура населения**	1882 г.		1892 г.		1900 г.		1912 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Ссыльнокаторжные	3,500	62,5	5,511	27,4	5,822	16,2	—	—
Ссыльнопоселенцы	200	3,5	6,593	32,8	9,380	27,3	159	2,1
Крестьяне из ссыльных	—	—	1,050	5,2	8,025	23,7	1,502	19,8
Семейства ссыльных, а также крестьяне из детей ссыльных	670	12,0	4,300	21,4	8,386	24,7	5,196	68,7
Служащие по гражданскому и военному управлениям	1120	20,0	2,123	10,6	1,992	5,8	710	9.4
Остальное свободное население	110	2,0	509	2,6	759	2,3	***	—
Всего	5600	100	20,086	100	34,364	100	7,567	100

* Источники: ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1191, Л. 19; ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1152. Л. 3, 19, 20; Д. 2126. Л. 168—170, 335—337, 532—533; Обзор Сахалинской области за 1912 г. (Приложение 2). П. Александровский, 1913. С. 4, 5.

** Численность аборигенного населения не учитывается.

*** Эта категория населения особо не выделена.

Таблица 2

Состояние населения острова в 1917 г.*

Волости	Число хозяйств								Население		
	всего	поселенцев, ранее 1896 г.	поселенцев с 1896 г. по 1900 г.	поселенцев с 1901 г. по 1905 г.	поселенцев с 1906 г. по 1910 г.	поселенцев с 1911 г. по 1915 г.	поселенцев с 1916 г. по 1917 г.	старожилов	мужчин	женщин	итого
Михайловская	167	55	17	21	29	21	15	9	454	371	825
Тымовская	541	246	68	42	62	61	22	40	1594	1308	2902
Рыбновская	338	—	3	—	52	251	32	—	1284	515	1799
Всего:	1046	301	88	63	143	333	69	49	3332	2194	5526

* Всероссийская сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. Вып. 1. Крестьянские хозяйства Приморской и Сахалинской областей. Владивосток, 1919. С. 147, 159.

Таблица 3

Районы выхода ссыльнокаторжных (по пофамильным спискам, отправленных из Одессы на Сахалин)*

Районы выхода	1884—1888	% от общего числа	1890—1891	% от общего числа	Всего
Северные губернии	460	12,3	500	7,4	960
Верхневолжские губернии	59	1,6	156	2,3	215
Средневолжские и нижневолжские губернии	542	14,5	604	9,0	1146
Центрально-промышленный район	129	3,4	4250	6,2	549
Центрально-черноземный район	281	7,5	515	7,6	733
Западные губернии	172	4,6	333	4,9	505
Прибалтийские губернии	155	4,1	231	3,4	386
Привислинские губернии	99	2,6	433	6,4	532
Белоруссия	37	1,0	133	2,0	170
Украина, Крым, Бессарабия	1314	35,0	1317	19,5	2631
Кавказ	264	7,6	1392	20,7	1656
Область Войска Донского	44	1,2	156	2,3	200
Урал	185	5,0	516	7,7	701
Сибирь	4	0,1	23	0,3	27
Средняя Азия	4	0,1	10	0,1	14
Всего:	3749	100	6739	100	10488

* ГАРФ. Ф. 122 Оп. 5. Д. 990. Л. 40—126, 194—197, 240—291, 327—377, 408—429, 501—508; Д. 1237. Л. 118—134; Д. 1268. Л. 164—185; Д. 1360. Л. 231—239; Д. 1362. Л. 161—169; Д. 1396. Л. 132—143; Д. 1453. Л. 123—130; Д. 2030. Л. 113—126; Д. 2329. Л. 129—142, 357—370; Д. 2724. Л. 46—59, 193—206.

Таблица 4

Районы выхода семей осужденных и ссыльнокаторжных женщин (по пофамильным спискам, отправленных из Одессы на Сахалин)*

Районы выхода	1884—1888						1889—1894					
	семьи осужденных		ссыльно-каторжные женщины, их дети		Всего	% от общ. числа	семьи осужденных		ссыльно-каторжные женщины, их дети		Всего	% от общ. числа
	ж	дети	ж	дети			ж	дети	ж	дети		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Северные губернии	31	37	30	8	106	6,4	13	21	31	2	67	4,1
Верхневолжские губернии	15	13	35	2	65	3,9	14	19	26	2	61	3,7
Средневолжские и нижневолжские губернии	45	49	38	14	146	8,9	34	50	57	3	144	8,7
Центрально-промышленный район	34	46	21	4	105	6,4	76	105	29	2	212	12,9
Центрально-черноземный район	121	241	78	17	457	27,8	79	157	53	1	290	17,6
Западные губернии	15	19	16	1	51	3,1	17	31	21	2	71	4,3
Прибалтийские губернии	10	10	16	1	37	22	11	18	9	7	45	2,7
Привисленские губернии	15	27	42	—	84	5,1	17	34	48	7	106	6,4
Белоруссия	3	7	7	1	18	1,1	15	27	17	1	60	3,4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Украина, Крым, Бессарабия	118	221	66	10	415	25,2	59	151	94	12	316	19,1
Кавказ	14	11	24	—	49	3,0	21	27	34	—	82	5,0
Область Войска Донского	20	26	28	5	79	4,8	10	12	13	—	35	2,1
Урал	11	17	6	—	34	2,1	16	32	83	11	142	8,6
Сибирь	—	—	—	—	—	—	5	8	—	—	13	0,8
Средняя Азия	—	—	—	—	—	—	1	2	1	—	4	0,2
Всего	452	724	407	63	1646	100	388	694	515	50	1647	100

* ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 992. Л. 340—346; Д. 1155. Л. 233—236; Д. 1117. Л. 7, 36—91; Д. 1174. Л. 140—142, 144—147; Д. 1154. Л. 1—4; Д. 1229. Л. 200—206; Д. 1288. Л. 150—158; Д. 1316. Л. 203—213; Д. 1337. Л. 137—139; Д. 1356. Л. 382—388; Д. 1393. Л. 104—106; Д. 1438. Л. 243—244; Д. 1617. Л. 51; Д. 2023. Л. 307—308; Д. 2329. Л. 373—385; Д. 2724. Л. 278—284.

Таблица 5

Распределение населения области (полноправного) по местам рождения на 1897 г.*

Места рождения	Количество	% от общего числа
Северные губернии	1131	5,6
Верхневолжские губернии	783	3,9
Средневолжские и нижневолжские губернии	1526	7,5
Центрально-промышленный район	1269	6,3
Центрально-черноземный район	2856	14,1
Западные губернии	850	4,2
Прибалтийские губернии	593	2,9
Привисленские губернии	1385	6,8
Белоруссия	284	1,4
Украина, Крым, Бессарабия	4380	21,6
Кавказ	1536	7,8
Область Войска Донского	351	1,7
Урал	1544	7,6
Сибирь	1573	7,8
Средняя Азия	187	0,9
Всего:	20248	100

* Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т. 57. Остров Сахалин. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 32.

Таблица 6

Состав населения острова по родному языку, 1897 г.*

Язык	Количество человек	% от общего числа
Великорусский	15,807	56,3
Малорусский	2,368	8,4
Нивхский	1,977	7,0
Айнский	1,434	5,1
Польский	1,636	5,8
Татарский	1,523	5,5
Орокский	788	2,5
Ненецкий	267	0,95
Литовский, Латышский	259	0,94
Финский	240	0,88
Турецкий	239	0,87
Японский	227	0,84
Белорусский	168	0,61
Армянский	167	0,61
Картельский	149	0,53
Китайский	146	0,53
Кавказские	138	0,48
Еврейский	132	0,48
Остальные	448	1,6
Всего:	28113	100

* Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т. 57. Остров Сахалин. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 34—37.

Таблица 7

Национальный состав населения*

	1910 год				1912 год			
	Александровский участок	Тымовский участок	Всего	% от общего числа	Александровский участок	Тымовский участок	Всего	% от общего числа
Русские	2957	2636	5593	88,6	2540	2789	5329	88,1
Поляки	138	231	969	5,8	[illegible]	171	455	7,5
Немцы	30	24	54	0,9	26	28	54	0,9
Татары	248	25	273	4,3	66	26	92	1,4
Евреи	21	—	21	0,3	20	98	118	2,0
Всего:	3394	2916	6310	100	2936	3112	6048	100

* РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2587. Л. 3—4; Обзор Сахалинской области за 1912 г. Приложение 2. С. 4—5.

Т. Акидзуки

ЯПОНЦЫ И АЙНЫ НА САХАЛИНЕ

(ПО РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА)

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА (1)

Вплоть до конца XVIII в. сахалинские айны жили естественной жизнью, занимаясь охотой, рыболовством, собирательством. Однако к этому времени японцы основали свои рыбные промыслы на юге Сахалина и заставили айнов работать по найму. За свою работу айны получали рис, сакэ, табак, одежду и другие предметы. Они постоянно терпели несправедливости со стороны японцев, которые чрезвычайно низко оценивали их труд. Айны были практически «привязаны» к рыбным промыслам, т. к. даже зимой были заняты подготовкой к весенней путине. Вследствие этого, ранее разбросанные по всему побережью Сахалина айнские селения стали сосредоточиваться вблизи японских промыслов. Тем самым, жизнь айнов стала всецело зависеть от японцев. Только те айны, которые находились далеко к северу от японских рыбопромышленников, почти до середины XIX в. сохранили самостоятельность.

Клан Мацумаэ еще в первой половине XVII в. сделал Сахалин своим владением, но даже в XIX в. там не было установлено административное управление. Влиятельные лица из коренных жителей в каждой местности назначались старостами. Когда приезжали чиновники дайме, старосты проводили торжественную церемонию встречи. Чиновники же, в свою очередь, назначали их сторожами, переводчиками, управляющими над наемными айнскими рабочими. В период с 1807 по 1821 гг. Эдзо непосредственно подчинялся власти сегуната, и айнам сообщили, что они стали подданными правительства сегуна. Правительство оказало айнам помощь. Их долги сантанам (так называли пришлых торговцев) были погашены. Но скорее всего сфера влияния японского правительства ограничивалась только южными землями.

В середине XIX в. японцы начинают продвижение на север с целью полного подчинения айнских земель, находив-

шихся в южной части Сахалина. Это было вызвано предложениями посольства Путятина в Нагасаки по вопросам о разграничении на Сахалине. По Нерчинскому договору 1689 г. Россия была вынуждена оставить Амур. После этого в течение 160 лет русские не приближались к устью Амура и Сахалину. Однако в середине XIX в. в связи с ослаблением Китая Россия (наряду с другими великими державами) начинает проникать в эти земли.

Русские появляются на Сахалине одновременно с визитом Путятина в Японию. Чтобы противостоять русскому продвижению, японское правительство еще раз издает указ о подчинении Эдзо. Это достигалось не военным сопротивлением России, а расширением на Сахалине рыбных промыслов и полным подчинением айнов. Подчеркивалось, что эти земли являются японской территорией. Японская сторона в Симодских переговорах указывала, что айны с древности являются подчиненным Японии народом, а земли, на которых проживают айны, — японскими территориями. На переговорах российская сторона имела намерение оставить Японии только южную оконечность Сахалина, а остальную часть, обозначив нераздельной территорией, фактически сделать русским владением. И все же к 1855 г. 2-й статьей Симодского трактата определялось, что на Карафуто не устанавливается граница между Японией и азиатской частью России, а, значит, пребывание на острове не было запрещено ни одной из сторон.

Данное определение не решило вопроса о границах между обеими странами, но японская сторона истолковала этот важный пункт «пребывания» как сохранение существующего положения вещей и после этого, на основе данного пункта, стала препятствовать русским продвигаться на юг Сахалина. Все территории с айнскими селениями были превращены в японскую территорию, но что касается собственного продвижения на север, они не считали это нарушением «статус-кво». Пока Россия была отвлечена от Сахалина Крымской войной, японская сторона расширяла свои рыбные промыслы к северу, приступила к ассимиляции айнов.

После 1857 г. Россия вновь начала продвижение на юг Сахалина. Небольшие военные отряды обосновались у сахалинских мысов Кусуннай и Мануй, представляющих собой ключевые позиции для сообщения между западным и восточным побережьями острова. В 1858 г. по Айгунскому договору Россия получила левобережье Амура, а по Пекинско-

му договору 1860 г. — территорию Приморья. Всего лишь за два года Россия, используя внутренние беспорядки и иностранное вмешательство в Китае, приобрела без кровопролития территорию, превышающую площадь всей Японии в 1,6 раза. России надо было охранять эти земли, и поэтому ее руки не доходили до Сахалина. Тем временем, к концу правления сегуната, несмотря на все трудности, японцы продвигались на север. До сих пор не имевшие непосредственного контакта с японцами земли западного побережья Усеро и вплоть до восточного побережья в районе Тарайка вместе с населявшими их айнами попали под власть японцев.

Таким образом, в южной части Сахалина образуется странная смесь расселения трех народов: японцев, айнов и русских. Такая ситуация существовала вплоть до заключения в 1875 г. договора об обмене Сахалина на Курилы. В это время начинаются волнения в смешанных селениях, особенно после опубликования в 1866 г. «Временных правил по Карафуто» и появления на острове крупных русских военных отрядов. После целого ряда японо-российских переговоров (во время посещения берегов Эдзо губернатором Восточной Сибири Муравьевым в 1859 г., переговоров в Петербурге миссии Такэноути Симоноцукэ в 1862 г., а также миссии Кондэ Ямато в 1866 г. и, наконец, миссии Эномото Такзаки в 1875 г.) был проведен обмен северных Курил на Сахалин. Таким образом, Сахалин становится российским владением.

Приезжавшие в этот период на Сахалин ученые, врачи и военные в своих записках и статьях неоднократно обращали внимание на взаимоотношения японцев и айнов. Среди них были и пристрастные оценки, отражавшие интересы России. Однако большинство писало объективно. И данные русских авторов хорошо освещают те явления, которых не хватает в японских записях. Русский писатель А. Чехов, побывав в конце XIX в. на Сахалине, написал книгу «Остров Сахалин». Рассказывая о прошлом острова, он опирался на записи русских исследователей. В своей небольшой статье я хочу познакомить читателя с русскими сообщениями середины XIX в. о японцах и айнах на Сахалине.

II. ПРИБЫТИЕ РУССКИХ НА САХАЛИН

В 1849 г. русский морской офицер Невельской обнаружил южный вход в Амурский лиман, пригодный для прохождения морских судов. В связи с этим вопрос о контроле над

Сахалином и устьем Амура приобрел стратегическое значение. В своем докладе правительству Невельской неоднократно говорил о необходимости обратить внимание на Сахалин. В этом вопросе Невельского поддержал генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев. В итоге борьба за обладание Сахалином становится составной частью внешнеполитического курса российского правительства.

В апреле 1853 г. Российско-Американская компания получает указание занять Сахалин. Выполнение этого задания было доверено Невельскому. В сентябре 1853 г. он занимает Кусун-котан — главную базу японцев на берегу Анивского залива (ныне Корсаков). Здесь на зиму оставалось около 30 японцев, стороживших имущество своих хозяев. Во главе направленного на Сахалин русского военного отряда Муравьев поставил майора Буссе. Последний энергично выступал против намерения российского правительства оставить за Японией южную оконечность Сахалина. Именно этим и была вызвана настоятельная просьба Невельского поставить Буссе во главе русского стряда.

Заняв Кусун-котан, Невельской обратился к японцам и айнам со следующим заявлением: «Цель нашего прибытия и водворения на искони принадлежащем России острове Сахалине вполне миролюбивая. (2). Государь наш Император, осведомившись, что в последнее время плавает около этих берегов много иностранных судов и что команды их делают различные бесчинства и притеснения жителям, а также, как мы слышали, намереваются захватить некоторые из беззащитных мест, Высочайше повелеть мне соизволил, поставить в главных пунктах острова Сахалина и противоположного ему матерого берега вооруженные посты, чтобы защищать обитателей и всех приезжающих сюда японцев от иностранного насилия и произвольных распоряжений. Вместе с этим, Государь повелеть мне изволил не только не препятствовать промышленности и торговли японцев на острове, но напротив, строжайше ограждать их справедливые интересы от всяких насилий... чтобы все промышленные, торговые и хозяйственные отношения, какие установились уже между вами и айнами, не только не нарушались, но строго соблюдались». (3).

С самого начала совместной жизни в Кусун-котане японцев, русских и айнов главной заботой начальника русского военного отряда Буссе стали взаимоотношения японцев и айнов. Русские, опираясь на вооруженную силу, могли вер-

шить все дела на острове. Однако они имели строгий приказ Муравьева и Невельского не вмешиваться в японские дела на Сахалине. Это распоряжение касалось прежде всего принадлежавших японцам рыбных промыслов. Принцип невмешательства в рыбные промыслы японцев означал и невмешательство во взаимоотношения между айнами и японцами. Ведь первые полностью зависели от вторых.

Есть все основания думать, что значительное количество айнов, подвергавшихся насилию со стороны японцев, надеялось освободиться от них после прихода русских. Айны приходили к Буссе и жаловались ему на японцев. Вот что пишет об этом Буссе в своих записках: «Мое положение, признаюсь, очень затруднительно — если бранить вместе с айнами японцев, то последние узнают об этом от преданных к себе айнов (а их есть достаточно) и тогда доверие их к нам совершенно уничтожится. Опять, хвалить японцев и держать их сторону перед айнами нельзя, не настраивав тем айнов, что мы будем притеснять их заодно с японцами. Я обыкновенно смеялся и не отвечал, когда айны, приходившие ко мне, начинали бранить японцев». (4).

Буссе отмечает довольно сложное положение, в котором оказались русские между японцами и айнами. Ведь и те, и другие имели свои собственные (часто взаимоисключающие) интересы и желания: «Итак, чтобы доказать японцам, что наше присутствие на Сахалине нисколько не повредит и не помешает их рыбным промыслам, мы должны оставить айнов по прежнему в их рабстве и тем возбудить, хоть и не опасную для нас, ненависть последних, и вместе с тем признать Сахалин принадлежностью японцев, а их полными властелинами над жителями его. С другой стороны — если взять на себя управление островом и защищать айнов от японцев, запретив им бить их и принуждать их к работе за произвольную плату, то это значит отнять от них всех работников...». (5).

Буссе выбрал путь невмешательства в частные отношения японцев и айнов, предупредив японцев, чтобы они не проводили открыто несправедливых действий по отношению к айнам. Но сам Буссе признавал, что этот «вооруженный нейтралитет» разочаровал айнов. Со своей стороны, японцы, распознавшие безвредность русских, еще более усилили власть над айнами. Они начали запрещать айнам предоставлять русским рыбу и собачьи упряжки. Кроме того, они угрожали айнам, что следующей весной на Сахалин прибудет

большой японский отряд, который перебьет всех русских и накажет помогавших им айнов. До Буссе дошли слухи об этом. Он писал: «Наконец, я объявил им (японцам — Ред.), что мы звали их придти в Томари, жить дружно с нами; если этого они не хотят, то лучше пусть уходят из Томари». (6). Буссе, стремившийся избегать осложнений во взаимоотношениях с населением и не мешать японским рыбным промыслам, противился занятию Кусун-котана. Он предлагал расположить русские посты на западном побережье: у Найро, устья р. Кусуннай. (7).

Заместитель Буссе Рудановский подверг критике нерешительную позицию своего начальника и потребовал занять Кусун-котан русскими военными силами. Он отмечал, что русские имеют полное право вмешиваться в отношения между японцами и айнами. (8). В то же самое время генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, касаясь вопроса о российско-японской границе на Сахалине, указывал руководителю российской делегации адмиралу Путятину «не причинять беспокойства японским рыбакам, проживающим на юге Сахалина». Налицо неизбежное противоречие между намерениями правительства и самостоятельными действиями Невельского в вопросе о занятии японских населенных пунктов на острове.

В результате начавшейся Крымской войны в мае 1854 г. русский отряд был эвакуирован из Кусун-котана. Однако в июне 1857 г. Сахалин был снова занят русскими. Бывший заместитель начальника Муравьевского поста Рудановский с отрядом численностью в 16 человек высадился в Кусуннай (на западном побережье Сахалина), где им был основан военный пост. Тотчас же к Рудановскому прибыли чиновники сегуната и, ссылаясь на статью 2 Симодского трактата, стали протестовать против строительства домов. В конце концов всего через полтора месяца русские ушли отсюда. Это было связано с тем, что находившиеся под контролем японских чиновников айны отказывали русским в помощи. В результате русские не смогли заготовить продукты и плохо подготовились к зиме.

В это время сегунат начинает все активнее вмешиваться в дело управления Сахалином. Правительство расширяет помощь айнам и в то же время полностью подчиняет их своему влиянию. Айнам было запрещено иметь какие-либо контакты с русскими. Это вызвало большое недовольство со стороны русских. С другой стороны, японские чиновники по требо-

ванию русских властей снабжали их продовольствием, тем самым спасая их от голода. Такая ситуация особенно мешала ученым, приехавшим на Сахалин изучать язык и традиции айнов. Один из таких исследователей Брылкин писал, что он «старался только, как можно чаще, быть в кругу айнов, что во время пребывания в Мануэ мне редко удавалось, потому что мои посещения очевидно стесняли их, подвергая гневу японцев; они неохотно отвечали на вопросы, уклонялись от разговора и своим молчанием заставляли меня оставлять их жилища». (9). Долгое время айнам запрещалось наниматься к русским на работу и торговать с ними. Этот запрет был снят в 1866 г., после принятия японо-русских «Временных правил по Карафуто», утверждавших свободу туземцев от власти как Японии, так и России.

III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЙНОВ И ЯПОНЦЕВ

Буссе, ставший в 1853 г. начальником русского военного отряда в Кусун-котане, писал о местных айнах: «Работники эти силою японцев сделались не вольными наемщиками, а рабами, работающими под страхом побоев и с надеждою получить милость от господ своих — водку и табак». (10). Он же отмечал, что торговля между айнами и японцами также не была свободной: «Японцы... выменивают от тех айнов, у которых они знают, что есть пушные товары, давая им произвольною ценою табаку, водки и рису и в таком малом количестве, что айны только из страха соглашаются на меену с ними». (11).

О взаимоотношениях между айнами и японцами писал также географ Шмидт. Он был командирован на Сахалин Русским географическим обществом и имел возможность в 1860 г. непосредственно наблюдать, что японцы на основе опыта общения с айнами, приобретенного в Эдзо (Хоккайдо), не применяют оружие по отношению к сахалинским айнам. Дело в том, что они знали более эффективное средство для их полного подчинения. Ведь айны за летний период не успевали заготовить в достаточном количестве рыбы на зиму. И поэтому их легко было привлечь на работу у японцев за еду и одежду. Для того, чтобы вовлечь в сферу влияния дальних айнов, японцы расширяют рыбные промыслы и поселения. Это было удобно и для айнов, так

как до этого им приходилось тратить много времени для того, чтобы добраться до японцев. (12).

То же самое отмечал и этнограф Шренк: «Японцы, для производства в больших размерах столь выгодной по берегам Сахалина рыбной ловли, принуждены были прибегать к помощи айнов. Приискать между ними работников без всякой платы, только за пищу и одежду, было японцам весьма нетрудно, так как... между айнами всегда было достаточно людей, терпевших крайнюю нужду впоследствие истощения запасов... Весьма справедливо замечает Шмидт, что работа айнов на японцев, сначала добровольная, впоследствии превратилась в принужденную». (13). Далее Шренк пишет: «Нет сомнения, что знание языка и образа жизни айнов существенно облегчили японцам занятие южного Сахалина. Естественным образом, колонизация ими Сахалина шла с острова Ессо». (14).

Между тем ботаник и этнограф Брылкин, путешествуя по Сахалину, пришел к совершенно противоположным выводам. Он отмечал, что «айны работают для японцев по добровольному согласию... Прежние путешественники (русские — Т. Акидзуки) с негодованием сообщают о деспотизме японцев в отношении айнцев. Негодование это не имеет никакого основания — это не что иное, как вздорные выдумки... Кроме того, работа оценивается, и в известное время (в январе месяце) айны получают вместо денежной платы необходимые для них товары, как то: рис, материи, табак, деревянную посуду и разные мелкие вещи. Все вещи правильно оцениваются, и айны берут те из них, которые им необходимы или нравятся. При выдаче, в присутствии всех чиновников, испытывается доброкачественность товара». (15).

Свидетельства Брылкина существенно отличаются от сообщений других русских авторов: «Работы айнов совсем не тягостны. Они большей частью рубят дрова, помогают японцам ловить рыбу, пилить и строгать доски. Их наказывают только за значительные проступки, и между прочим, за сношение с русскими. Японцы не только заботятся об улучшении вещественного быта айнов, но также стараются и об их просвещении: многих айнов японцы уже обучили грамоте». (16). Далее он продолжает: «Результаты японского господства на Сахалине очевидны. Прежде существование айнов совершенно зависело от случайных обстоятельств. Так, еще Рудановский в свое второе путешествие

был свидетелем голода между айнцами, вследствие неудачного улова; такие примеры, вероятно, случались не редко. Айны, без всякого сомнения, делались жертвами самых обыкновенных болезней, потому что все известные им врачебные средства весьма ограничены числом и не действительны. В настоящее же время они всегда могут пользоваться, в случае болезней, пособием японских врачей. Знания последних, положим, очень ограниченны, но тем не менее они, по навыку, лечат многие болезни очень удачно. Существование айнов теперь совершенно обеспечено: они получают от японцев рис в количестве, не только достаточном для их собственного продовольствия, но еще имеют возможность на излишек выменивать товары роскоши». (17).

В 1861 г. Брылкин первым из русских ботаников вместе с Гленом объехал рыбные промыслы японцев на юге Сахалина. С точки зрения этнографа его подробные описания положения айнов представляют большой интерес. В 1860 г. путешествие Брылкина было запрещено японскими чиновниками. В связи с этим русским консульством в Хакодате был заявлен протест, и в следующем году путешествие все-таки состоялось. В то время японское правительство, опасаясь, что жестокие действия японцев по отношению к айнам на рыбных промыслах в Эдзо (и приводившие к бегству айнов к русским) подорвут позиции Японии на Сахалине, начинает проводить активную политику заботы об айнах.

В связи с этим на Южный Сахалин были отправлены правительственные чиновники. Ими были основаны новые рыбные промыслы, которые впоследствии стали местами заключения контрактов (Датэбояси Уэмон, Сухара Уэмон) и найма айнов. Данные промыслы с самого начала попали под контроль правительства. Для того, чтобы избежать злоупотреблений в снабжении айнов, последнее также было передано под попечительство правительственных чиновников. С направлением на Сахалин чиновников снабжение айнов рисом, одеждой, а также подарками в случае болезни, рождений и смерти принимает регулярный характер. С целью ассимиляции айнов обучали японскому языку, меняли их имена, стимулировали введение новых обычаев. Такова была политика правительства сегуна, проводимая в период совместного японо-русского владения, и делалось это с целью привлечения айнов на свою сторону. Брылкин застал именно этот момент в положении айнов.

И все же, говоря о политике сегуната, Брылкин отмечает следующее: «Несмотря на все это, айны не любят японцев и нетерпеливо ожидают освобождения из-под их ига. Причины этого понятны: айны, как и всякий другой народ, дорожат своей стариной и не хотят с ней расстаться ... они ... не знали над собой ничьей чужой воли и такую полную свободу не хотят променять ни за что; им нет дела до того, что их теперешнее положение лучше прежнего; они хотят жить по-старому. «Пусть бы жили здесь японцы, — говорят айны, — пусть живут и русские, да только не вмешиваются в наши дела, и оставят нас жить, как мы хотим. Они давали бы нам рис, материи, мы бы давали им рыбу, соболей и было бы хорошо». (18).

После 1868 г. в период совместного японо-русского владения южной частью Сахалина русский агроном Мицуль подробно описал рыбные промыслы японцев. Кроме того, он оставил свои наблюдения о взаимоотношениях японцев и айнов: «Сношение японцев с туземцами-айно сделалось при таких условиях неизбежным; и по мере расширения рыбного промысла связь между ними становилась неразрывною: японцы, явившись на остров, встретили в туземцах дешевых работников, усердно помогавших им в заготовлении дров, ловле рыбы и пр.; туземцы в свою очередь, получая в вознаграждение рис, сакэ и разную домашнюю утварь, привыкли к этим предметам до такой степени, что существование их без японцев сделалось положительно невозможным. Ближайшим последствием установившихся таким образом сношений... было полное господство японцев над айнами, и господство это... распространилось.... выше по западному и восточному берегам острова Сахалина до 49 градусов с. ш., захватив всюду лучшие рыболовные места». (19).

Сведения Мицуля об айнах, проживающих на берегу залива Тарайка, в значительной степени совпадают с подобными сведениями, принадлежащими перу японских авторов. «Туземцы (северные — Т. А.) неохотно идут на работу к японцам, несмотря на то, что последние предлагают им довольно выгодную плату... при том же на это соглашаются айны, приходящие из более южных мест восточного берега; орочоны и тарайские айны вступают с японцами лишь в торговые сношения...» (20). Кроме того, Мицуль заметил и то, что несмотря на то, что айны полностью подчинены японцам, до сих пор нет случаев голодной смерти. Касаясь японской политики по отношению к айнам, Мицуль

отмечал: «Японцы шли еще дальше; они уже при рождении мальчика делали айнской семье подарки, состоящие из рису, табаку и трубки; затем в течение 15 лет на долю мальчика в разное время выдавались такие же подарки... Этот обычай соблюдался и в отношении ребенка женского пола, тоже до 15-летнего возраста. Возраст, с которого мужчина и женщина считаются полносильными рабочими для выполнения у японцев разнообразных работ, обыкновенно с 15—16 лет; старее 60 лет, как мужчины, так и женщины, освобождаются от работ». (21).

IV. РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АЙНАХ

Голландский мореплаватель Фриз, исследовавший в 1643 г. Хоккайдо, Южные Курилы и юг Сахалина, был первым, кому удалось собрать сведения о сахалинских айнах. В судовых записях он с большим интересом описывает встречи с айнами на берегах заливов Анива и Тарайка. И тот факт, что они встретили незнакомых им чужеземцев без отчуждения, доброжелательно, произвел на голландцев глубокое впечатление. (22). Через 144 года после Фриза у западного побережья Сахалина (Кусуннай, Усеро) побывал французский мореплаватель Лаперуз, отметивший, что со времени отплытия от берегов Франции он еще ни разу не встречал столь кроткий и умный народ. (23).

Побывавший в Томари (Одомари—Корсаков) через 18 лет после Лаперуза русский мореплаватель Крузенштерн не уступает предшественнику в восхвалении айнов: «Айны более всего отличаются добросердечием, изображающимся ясно в чертах лица их... Такие подлинно редкие качества, коим обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувство, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые доныне мне известны». (24).

Многие японцы традиционно считали айнов некультурными варварами. Однако среди японских путешественников, которые тесно соприкасались с айнами, было немало таких, которые обратили внимание на их мягкий характер и отметили их вежливость. Так, Сакакуру Гэндзиро, направленный в 1744 г. монетным двором Эдо для исследования золотых рудников в Эдзо, писал: «Бесхитростные туземцы не корыстолюбивы. Действительно, они люди древ-

ности». (25). И в более позднее время люди с добрым сердцем, приходя на эти земли, отмечали у айнов те хорошие обычаи и манеры, которые когда-то существовали на японской земле и были утрачены ради корысти.

Правительственные чиновники, направленные в 1785—1786 гг. для инспектирования Эдзо, писали об айнах: «Они хоть и бестолковы, но честны, уважительны и заботливы к старшим. Мужчины и женщины знают свое место. Любовь и забота детей и родителей взаимна. Младшие почитают старших и приучаются к этому в естественном общении». В то же время Аран Хакусэки в «Истории Эдзо» (1720 г.) писал, что у айнов нет никакой разницы в отношениях между старшими и младшими и что они похожи на животных. Однако все это написано человеком, который ни разу в жизни не встречался с айнами. (26). Хорошо знавший айнов Могами Токунай в своих записках отмечал, что обычаи Эдзо просты и бесхитростны и что среди японцев гораздо чаще встречаются грубые и невежественные люди. (27). Материалы XVIII в. свидетельствуют о том, что данная оценка касается не только айнов Хоккайдо, но и айнов Сахалина. Особенно критиковал японский произвол по отношению к айнам Мацуура Такэсиро, который во второй половине XIX в. дважды побывал на юге Сахалина. Он был обеспокоен российской экспансией на Сахалине, однако, вместе с тем испытывал сочувствие к айнам. (28).

Каково же было мнение об айнах у русских, которые прибыли на Сахалин в середине XIX в.? Рудановский, находившийся в Кусун-котане в 1853—1854 гг. и с небольшим отрядом исследовавший южную часть Сахалина, отмечал: «Более мирного и скромного населения, какое мы встретили на южной части Сахалина, быть не может. Проезжая по западному берегу Сахалина и отыскивая японские селения, сначала я было опасался входить в те из них, которые мне казались многолюдными. Опасения эти, как оказалось впоследствии, были напрасны». Далее Рудановский отмечает, что в Маука русских встречали на коленях и кланялись в ноги. (29).

Зоолог Шмидт был полностью согласен с мнением Крузенштерна о том, что ему не приходилось встречать более мирного народа, чем айны, не испытавшего влияния цивилизации. (30). Добротворский, военный врач, работавший в 1867—1872 гг. на Сахалине, также восхищался добросердечием айнов, которые часто помогали ему с ночлегом, дели-

лись рисом и рыбой, сопровождали в дороге, возили на своих нартах и лодках. (31). Прибывший в 1871 г. на Сахалин врач Августинович отмечал: «Все вообще айнцы кроткого нрава, смирные, почтительные и услужливые, живут между собой согласно...». (32).

Депрерадович, возглавлявший в конце 60-х гг. XIX в. русский военный отряд на Сахалине и не раз конфликтовавший с японской стороной, интересовался языком и обычаями айнов. Все это он описал в своей работе «Этнографический очерк южного Сахалина». Депрерадович характеризует айнов как добродушных и храбрых людей, обладающих чувством собственного достоинства. Он отмечает и то, что среди айнов редки случаи воровства. Их лица добры и отражают природный ум, речь айнов приятна на слух. (33). Русский врач Августинович говорил о внешности айнов, что они больше похожи на европейцев, чем на монголов. Из-за густого волосяного покрова, особенно на лице, айны больше похожи на русских крестьян-мужиков.

Вместе с тем русские исследователи отмечали, что соприкосновение айнов с японцами оказало определенное воздействие на характер айнов. Командир русского отряда в Кусун-котане Буссе сравнивает айнов северо-западного побережья Наеро и южных: «Красивые здоровые лица, густые волосы, прямые, открытые взоры, ясно обличали более независимых айнов северных селений от их единоплеменников соседей наших, болезненные лица которых, изуродованные золотушными и венерическими ранами и потерей волос, носят отпечаток на себе близкого сношения с японцами, деспотизм которых приучил рабов своих к лукаво-раболепной услужливости, которая так ясно выражается в глазах, старающихся всегда избегать взглядов ваших». (34).

Врач Августинович также сравнивает северных и южных айнов и говорит о дурном влиянии на последних японцев: «...между айнцами, живущими севернее, как, например, в Тарайке и вблизи ея, и населенными на самой южной окраине острова, замечается разница, как в телосложении, так и в нравственных качествах. Северные — бодрые, развитые и более самостоятельные, нежели южные, которые по большей части бывают тщедушные и при том замечается в них полное отсутствие самостоятельности». (35).

С точки зрения нравственности айнов, то и Брылкин довольно негативно оценивал результаты правительственной политики Японии по отношению к айнам: «Влияние япон-

цев на нравы айнов заметно не менее, как и влияние на быт... Деспотизм господствующей нации, в какой бы форме он ни проявлялся, всегда имеет вредное влияние на нравственность покоренного племени. Обыкновенные следствия подобных отношений между двумя племенами суть: раболепие, двуличие, ложь, ябедничество, наушничество, искательства, не всегда чистые, благосклонности сильных, — все это уже привилось к южным айнам. К этому еще нужно прибавить разврат, вследствие тесных отношений с японцами, которые почти все холосты. Циничные слова, шутки и разговоры доставляют удовольствие как мужчинам, так и женщинам». (36). В этом отношении взгляды Добротворского и Брылкина были абсолютно схожи. Однако первый в качестве врача более тесно соприкасался с айнами и японцами. Добротворский отмечал, что японцы обеспечивали айнов необходимыми товарами, и тем самым, не завоевывая их, превратили в рабов и вместе с тем подорвали их нравственность. Изначально скромные, искренние, добрые айны под влиянием японцев постепенно стали льстивыми, скрытными, жадными. Японцы значительно испортили и айнский язык, в который вошли слова, не имевшиеся в айнском языке, дурные словечки и выражения. (37).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в нашем распоряжении имеются записи русских, которые были сделаны в середине XIX в. на Сахалине. Они рассказывают о положении айнов, о том, что эта малочисленная народность отличается миролюбием и что ей приходится испытывать притеснения. В русских источниках резко критикуется деспотизм японцев, приведший к подрыву нравственности айнов. Все это не может подвергаться какому-либо сомнению. В начале и в середине XIX в. правительство Японии дважды пыталось обратить серьезное внимание на управление землями Эдзо при полном их подчинении, исправить несправедливости, допущенные японцами по отношению к айнам. Однако причиной этого являлась не гуманная забота об айнах, а политика противостояния с Россией. Японцы на рыбных промыслах жестоко обращались с айнами с целью предотвращения их контактов с русскими. Но вместе с тем сами русские указывают на то, что успешное подчинение айнов японцам создавало

неблагоприятные условия для продвижения русских на Сахалине, т. к. жизнь айнов стала всецело зависеть от японцев. Ведь находившиеся на Сахалине русские солдаты не только не могли защитить айнов, но и сами испытывали недостаток пищи, многих необходимых товаров и находились в положении, когда им была необходима помощь со стороны. Вследствие этого японо-русские конфликты на Сахалине смягчались. По мере продвижения русских отрядов по острову японская сторона расширяет контроль над айнами.

Приведенные выше русские сообщения в большей части объективно отражают различные мнения о взаимоотношениях японцев и айнов на Сахалине. Русские оценки японской политики по отношению к айнам различаются между собой. Однако надо принять во внимание, что некоторые записи сделаны с чужих слов. Отсюда иногда происходили недоразумения. И это касается не только вопросов об айнах. Например, Брылкин ошибочно считал, что «колонизацию Сахалина осуществляли два северных японских княжества — Мацумаэ и Хакодатэ». (38). Брылкин понял это со слов чиновника из Мацумаэ Симадзу Хэйсабуро, критиковавшего Датэ и Кусухара (имевшие связь с Мацумаэ) за их обращение с подчиненными им айнами Анивского залива. В тот период Сахалин находился под непосредственным подчинением Хакодате. Это же заблуждение от Брылкина было заимствовано некоторыми советскими исследователями. (39).

В конце концов айны стали заложниками японо-русских, а затем и японо-советских противоречий. И мы, японцы, также несем равную с русскими ответственность за исчезновение айнов с Сахалина. (40).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. также в других работах: Акидзуки Т. Высадка русских в Кусункотане в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в.//Сурабу Кэнкю. № 19. 1974; Он же. Установление совместного проживания японцев и русских на Карафуто к середине XIX в.//Хоппо бунка кэнкю. № 11—12. 1977, 1978.

2. На слова Невельского об «исконной принадлежности России острова Сахалин» А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин» (М., 1984. С. 195) возражает: «Несомненно, что право первого исследования принадлежит японцам, и японцы первые заняли Южный Сахалин». Советские историки после второй мировой войны вслед за Невельским стали настойчиво доказывать, что Сахалин является исконно русской землей.

3. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855. СПб., 1878. С. 236.
4. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. СПб, 1872. С. 43.
5. Там же. С. 76.
6. Там же. С. 75.
7. Там же. С. 61, 80—81.
8. Рудановский Н. В., Невельской Г. И. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г.//Вестник Европы. 1872. Кн. 8. С. 914.
9. Брылкин А. Письма с Сахалина // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1864. Кн. 7. С. 28.
10. Буссе Н. В. Указ. соч. С. 71.
11. Там же. С. 71—72.
12. Schmidt Fr., Glehn P., Brylkin A. D. Reisen im Gebiete des Amurstromes und auf der Insel Sachalin. St. Peterburg, 1868. P. 106.
13. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 76.
14. Там же. С. 79.
15. Брылкин А. Указ. соч. С. 17, 18.
16. Там же. С. 18.
17. Там же. С. 19.
18. Там же.
19. Мицуль М. С. Очерк острова Сахалин в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873. С. 112.
20. Там же. С. 120.
21. Там же. С. 127.
22. Leupe P. A. Reise van Maarten Gerritzs Vries in 1643. Amsterdam, 1858. P. 123—252; Robert W. Voyage to Cathay and the Gold—and Silverrich Islands east of Japan, 1643. Amsterdam. 1975. P. 126—160; Записки о путешествии Фриза к айнам в 1643 г. 1983. С. 65—88 (на яп. яз.).
23. Voyage de la Perouse autour du monde. Millet; Mureau; Paris, 1797. T. 3. P. 38—39.
24. Krusenstern A. Reise umdie Welt in den Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806. Berlin, 1811. Theil 2, Abt. 1. P. 99, 106.
25. Сакакура Гэндзиро. Дневник путешествия по северным морям// Хокумон Сосе. 2. С. 82 (на яп. яз.).
26. Сато Гэнрокуро и др. Сборник материалов об Эдзо// Хокумон Сосе. 1. С. 275 (на яп. яз.).
27. Могами Токунай. Записки о путешествии по островам/, Кинсэ-семин сэйкацуси сисюсэй. 4. С. 537 (на яп. яз.).
28. Мацуура Гаксиро. Записки о повторном путешествии в Эдзо; Записки Кайтура; Записки о людях Эдзо в новое время. (На яп. яз.).
29. Рудановский Н. В., Невельской Г. И. Указ. соч. С. 919—920.
30. Shmidt Fr., Glehn P., Brylkin A. D. Указ. соч. P. 107.

31. Добротворский М. М. Южная часть Сахалина//Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1870. Т. I. Вып. 2—3. С. 26.

32. Августинович Ф. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине//Всемирный Путешественник. 1874. № 2. С. 81.

33. Депрерадович Ф. Этнографический очерк южного Сахалина// Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 11. Вып. 1. 1875. С. 3, 4, 8, 13, 15.

34. Буссе Н. В. Указ. соч. С. 86.

35. Августинович Ф. Указ. соч. С. 80.

36. Брылкин А. Указ. соч. С. 35.

37. Добротворский М. Указ. соч. С. 34.

38. Брылкин А. Указ. соч. С. 49—50; Добротворский М. Указ. соч. С. 278.

39. Костанов А. И. Сахалинские айны в русско-японских отношениях//Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 53—54.

40. Во время Всесоюзной переписи населения 1979 г. только три жителя Сахалинской области назвали себя айнами. Таким образом, на Сахалине айны как народ уже не существуют. (См.: Высоков М. С., Шубина О. А. Последняя айнка Южного Сахалина//Айны: Проблемы истории и этнографии. С. 88). В 1935 г. на Сахалине находилось 1504 айна (по данным правительственных исследований 10 года Сева). После второй мировой войны большая часть сахалинских айнов переселилась на Хоккайдо и Хонсю.

В. Л. Подпечников

РЕПАТРИАЦИЯ

За время, прошедшее с того дня, когда на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии, историки, военные, журналисты и политики немало написали как о самой войне на Тихом океане и Дальнем Востоке, так и о ее последствиях. Вместе с тем одна важная проблема, возникшая в результате войны, а именно, переселение в Японию многих тысяч японских граждан, оставшихся на Южном Сахалине и Курильских островах после окончания боевых действий, в советской печати вплоть до 1991 г. практически не обсуждалась.

Вместе с тем последнее время в связи с обострением внимания к территориальной проблеме, мешающей налаживанию российско-японских отношений, эта тема неоднократно поднималась средствами массовой информации. Однако чаще всего это делалось без опоры на документы. Публикации были чрезвычайно эмоциональны. Однако не шли дальше заявлений типа: «Сталин приказал, и в течение суток японцы были выселены».

К моменту начала боевых действий в августе 1945 г. на Южном Сахалине и Курильских островах проживало около 400 тысяч человек. Значительная часть этого населения (по некоторым данным, 103 тысячи человек, в основном женщин, детей, стариков) в ходе боевых действий была эвакуирована в Японию. (1). Вместе с тем, по сведениям Южно-Сахалинского областного гражданского управления, на 1 июля 1946 г. 305800 человек прежнего местного населения оставалось на Сахалине и Курильских островах. По национальному составу это население распределялось следующим образом: японцев — 277649, корейцев — 27088, айнов — 406, ороченов — 288, эвенков — 81, нивхов — 24, нанайцев — 11, китайцев — 103, поляков — 27, русских старопоселенцев — 97, прочих — 16 человек. (2).

В 1946—1948 гг. японское население Южного Сахалина и Курильских островов вынуждено было покинуть эти земли и в массовом порядке было вывезено в Японию. С тех пор прошло почти полвека, однако вся правда о репатриации нам практически неизвестна. Многие официальные документы, относящиеся к перемещению на историческую родину сотен тысяч японцев, все еще не стали доступными для нас. Где-то в архивах они, несомненно, сохраняются, но по различным причинам в обращение пока не вводятся.

После завершения войны Япония была оккупирована американскими войсками. На некоторый период она лишилась права иметь самостоятельные и непосредственные дипломатические, торговые, культурные и иные отношения с другими государствами. Главнокомандующий оккупационной армией генерал Макартур стал фактическим правителем Японии, хотя формально существовало и японское правительство. (3).

К моменту капитуляции Японии за ее границами, в основном в странах Юго-Восточной Азии, находилось 645 тысяч японских граждан. (4). Перед правительством Японии сразу встала проблема репатриации этих людей на родину. Составной частью этой проблемы была необходимость решения судьбы японских граждан, проживавших на Южном Сахалине и Курильских островах. И хотя жители Южного Сахалина и Курильских островов составляли менее двух процентов от числа всех японцев, подлежащих возвращению на родину, проблема от этого не делалась менее острой. Ведь эти люди с нетерпением ожидали решения своей участи. В результате военных действий множество японских семей оказались разобщенными. Например, только в Долинском районе Южно-Сахалинской области на 1 ноября 1946 г. проживало 1924 японца, главы семей которых находились в Японии. В свою очередь, здесь же находилось 2125 японских рабочих, чьи семьи остались в Японии. (5).

Таким образом, в результате поражения Японии в войне и ее капитуляции, выполнения решений Ялтинской и Потсдамской конференций и перехода Южного Сахалина и Курильских островов под суверенитет СССР возникает проблема репатриации японских граждан с территорий, вошедших в состав советского государства. С самого начала к этой проблеме оказались приобщенными правительство США и американская оккупационная администрация в Японии. В декабре 1946 г. между СССР и США была до-

стигнута договоренность о репатриации японского населения из Советского Союза. (6).

В соответствии с этой договоренностью уже в директиве № 656 командующего американскими оккупационными войсками в Японии генерала Макартура содержалось указание о репатриации граждан Японии с Южного Сахалина и Курильских островов. (7). В другой директиве, направленной Макартуром японскому правительству (№ 677 от 29 января 1946 г.), однозначно указывалось, что южные Курильские острова, включая группу островов Хабомаи, исключены из-под юрисдикции Японии. Основываясь на этой директиве, «японские власти издали распоряжение о репатриации японских граждан с Южного Сахалина и Курильских островов. Репатриация была произведена на тех же основаниях и по тем же инструкциям, по которым репатриировались японские граждане из Кореи, Китая, других стран». (8).

Существование советско-американской договоренности по вопросам репатриации японцев косвенно подтверждает переписка уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-полковника Голикова со штабом Дальневосточного военного округа, Сахалинским обкомом ВКП(б) и облисполкомом. В письме от 18 августа 1947 г., адресованном сахалинским властям, выражается беспокойство по поводу обеспечения полной загрузки японских пароходов, перевозивших репатриируемых. В нем организаторам репатриации на Сахалине указывается, что неполная загрузка трех таких пароходов «вызовет претензии со стороны штаба Макартура в соответствии имеющемуся соглашению по репатриации японцев». (9).

Существование такого соглашения подтверждает в своих воспоминаниях и председатель репатриационной комиссии на Сахалине, начальник Южно-Сахалинского областного гражданского управления, а затем председатель Южно-Сахалинского облисполкома Д. Н. Крюков. Он пишет: «Репатриация японцев с Южного Сахалина происходила по особо заключенному договору с главнокомандующим войсками США, по существу оккупировавшими всю Японию, Макартуром. Советский Союз обязался подготовить и сдавать на пассажирские пароходы США, прибывающие по обоюдно утвержденному графику в Холмский порт, японцев группами по 2—3 тысячи человек». (10).

Тексты соглашения по поводу репатриации японского

населения в СССР никогда не публиковались. Однако для осуществления их Советом Министров СССР, Советом Министров РСФСР было принято несколько специальных, секретных (так называемых номерных постановлений) по вопросам репатриации японского населения. В разных источниках, например, встречаются ссылки на постановления Совета Министров СССР № 481-186 от 8 марта 1947 г., также на его же постановление № 2086-549 от 17 июня 1947 г. по этим вопросам. К сожалению, полное название и содержание этих постановлений пока установить не удалось. За ними последовало постановление Совета Министров РСФСР № 463-12 от 27 июня 1947 года «О порядке реализации имущества японцев, репатриируемых с территории Сахалина и Курильских островов». Вскоре, 28 августа 1947 года, Совет Министров СССР принял еще одно постановление под № 3014 «О репатриации из Сахалинской области японских военнопленных и интернированных гражданских лиц и о переселении колхозников и другого сельского и городского населения в Сахалинскую область для работы в промышленности и на транспорте». (11).

Один из авторов, писавших о репатриации японцев из Сахалинской области, утверждает: «Репатриация — хирургическое вмешательство скальпелем имперской политики в жизнь». (12). Сказано красиво и глубокомысленно. Только существа дела, к сожалению, не проясняет. В какой-то мере это позволяют сделать только что названные документы, а также решения местных партийных и советских органов по осуществлению репатриации японского населения. Они помогают установить и общий характер советско-американских соглашений по репатриации, и детали осуществления огромной и довольно длительной работы по переселению японского населения с Южного Сахалина и Курильских островов.

28 августа 1947 г. бюро Сахалинского обкома ВКП(б) приняло постановление «О недостатках в проведении репатриации японских граждан». О недостатках, отмеченных этим постановлением, будет сказано несколько дальше. В докладе же по этому вопросу указывается: «Вопрос о репатриации японского населения ...был определен известными (только что вышеназванными постановлениями Совмина СССР и Совмина РСФСР от 8 марта и 27 июня 1947 г.—В. П.) указаниями правительства. Этими указаниями были определены организационные формы и порядок репатриации

японцев, установлен также порядок учета, использования и хранения имущества, оставляемого японцами, и транспортировки репатрируемых в транзитный лагерь». (13).

Основываясь на директивных указаниях центра, администрация Сахалинской области первое время в основу всей работы по репатриации японских граждан положила принцип добровольности. «Вместе с тем, исходя из обстановки (и необходимости) обеспечения рабочей силой хозяйства нашей области, на местные советские, партийные и хозяйственные органы возлагалась задача организации широкой агитационной, разъяснительной работы среди японских рабочих за оставление их на работе в нашей промышленности», — писал в 1947 г. секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) Я. В. Юшин. Далее он продолжал: «Кроме этого, и прежде всего, общая политическая линия нашего отношения к японскому населению Сахалина состояла и состоит в том, чтобы всей системой организации своей хозяйственной работы, строгого соблюдения нашего трудового законодательства, политического воздействия на японцев и личного поведения (мы) несли в сознание японцев живые примеры превосходства советского государственного строя над капиталистическим, преимущества нашего социалистического хозяйства перед капиталистическим, чтобы вся наша общественная и политическая работа воспитывала и развивала демократические взгляды и настроения у японцев. (Необходимо) сделать все для того, чтобы японцы уезжали в Японию нашими друзьями, а не врагами». (14).

Не вдаваясь в оценку правильности и обоснованности рассуждений секретаря обкома ВКП(б) о «преимуществах советского государственного строя» и «социалистического хозяйства», можно сказать: принципиальные подходы советской стороны к осуществлению репатриации японского населения соответствовали общечеловеческим нормам. Как же они воплощались на деле?

Вскоре после окончания военных действий на Сахалине и Курильских островах и до момента репатриации японские граждане получили здесь все условия для нормальной жизни. Всем им было предоставлено право на труд и отдых, использование 8-часового рабочего дня, на бесплатное обучение и медицинское обслуживание, свободное отправление религиозных обрядов. В случае получения инвалидности японские граждане обеспечивались пенсией. В период существования карточной системы снабжения продоволь-

ствием они наравне с советскими гражданами обеспечивались продуктами питания.

Репатриация не стала для японского населения полной неожиданностью. Усиленные разговоры о ней начались уже с конца 1945 г. и получили особенно широкое распространение в 1946 г. Об этом свидетельствует политдонесение заместителя начальника по политической части Курильского районного управления по гражданским делам Сокольникова, адресованное политотделу областного управления по гражданским делам, датированное 3 декабря 1946 г. Вот что писал Сокольников: «Некоторая часть японского населения, узнав о предстоящей репатриации на собственные острова Японии из неизвестных источников, ведет интенсивную подготовку к этому, в результате резко понизилась дисциплина и (изменилось) отношение к работе. Среди японского населения наблюдаются разные толкования по вопросу о репатриации. Многие японцы высказывают мысль — если русские разрешат остаться жить здесь, то мы никуда не поедем. Эта часть японских граждан хорошо относится к работе и стремится улучшить взаимоотношения с русскими. Единственное сомнение японцев сводится к тому, что будут ли русские обеспечивать нас рисом». (15).

После заключения с американцами соглашения о репатриации началось регулярное официальное оповещение японского населения о предстоящем отъезде в Японию. Делалось это сначала через японскую администрацию, а затем через органы гражданского управления. Во многие районы и населенные пункты регулярно выезжали пропагандистские группы. В их состав входили достаточно квалифицированные переводчики. Они разъясняли населению условия репатриации, отвечали на обычно многочисленные вопросы активно собиравшихся слушателей. (16). Те лица, из числа подлежащих репатриации, очередь которых приближалась ко дню выезда, оповещались о конкретной дате отъезда, как правило, за две недели. (17). Работающие своевременно увольнялись с работы.

В порядке подготовки к репатриации на Южном Сахалине и Курильских островах органами Гражданского управления был проведен порайонный учет численности японского гражданского населения по состоянию на 1 ноября 1946 г. Были составлены списки лиц, подлежащих репатриации. При их составлении разделение семей не допуска-

лось. Отдельные члены семьи не могли быть репатриированы ранее других. (18).

Выезд японского населения в Японию производился независимо от места проживания того или иного гражданина или его семьи только из одного пункта — порта Маока, ныне Холмска. Даже жители Курильских островов при отправке их на родину привозились сначала в Холмск. Для приема репатриируемых и временного, в ожидании пароходов, их проживания в Холмске был создан специальный транзитный репатриационный лагерь № 379. Располагался он в помещениях бывшей японской гимназии и ряде близлежащих зданий, то есть, по существу, в центре города. Начальником лагеря был подполковник Комар. (19). В этот лагерь репатриируемые должны были прибывать не менее чем за трое суток до посадки на пароход. (20).

Перевозки репатриируемых с Курильских островов, а также из Углегорского и Лесогорского районов в Холмск производились советскими грузо-пассажирскими пароходами «Скала», «Генерал Панфилов», «Брянск» и другими. (21). Из других районов Южного Сахалина репатриируемые перевозились по железной дороге, а иногда автомобильным транспортом. Доставка репатриируемых в Холмск производилась за счет советского государства. Питанием они обеспечивались в 1946—1947 гг. выдачей продуктов по карточкам по месту постоянного жительства. Причем нередко продукты на каждого отъезжающего выдавались на весь текущий месяц независимо от дня выезда в этом месяце. (22). После отмены карточек в 1948 г. отъезжающие до момента отъезда из транзитного лагеря питались в организованном порядке.

Доставка репатриируемых из Холмска до портов Японии осуществлялась японскими пароходами. По графику, который штаб Дальневосточного военного округа согласовывал со штабом Макартура, два парохода с апреля по ноябрь регулярно (через каждые два дня на третий) приходили в Холмск. Каждый пароход принимал на борт, как правило, 1 500 человек. (23).

Самым больным вопросом во время проведения репатриации стал ущерб, причинявшийся японским гражданам в результате переселения, невольного оставления ими довольно хорошо обжитых мест. Репатриируемым приходилось довольно часто оставлять ценное имущество, наживавшееся годами. Прежде всего это относилось к недвижимости: жилым и

хозяйственным постройкам, посевам, хозяйственному инвентарю, скоту и т. п.

К сожалению, в последнее время в российской прессе появилось немало не вполне обоснованных заявлений о том, что репатриантам не разрешалось забирать с собой никакого личного имущества. Действительно, отъезжающим было дозволено брать с собой далеко не все, что им хотелось. Но утверждения о том, что японцам «при выселении разрешали взять с собой лишь 20 килограммов вещей на человека» или что «когда началось выселение, то не разрешалось ничего брать с собой» (24), не находят подтверждения в имеющихся в нашем распоряжении документах.

В действительности, японцам разрешалось брать с собой только 100 килограммов личных вещей и других ценностей на главу семьи и еще по 50 килограммов на каждого члена семьи. (25). Почти не расходится с официальными цифрами и то, что сообщает по этому поводу Д. Н. Крюков. Он говорит, что «японцам разрешалось брать с собой до центнера на одного человека одежды, имущества домашнего обихода, исключая денежные знаки японские и советские, золото». (26). Если при выезде из транзитного лагеря у какой-то семьи вес имущества оказывался выше установленного предела, а у другой меньше, то по согласию этих семей разрешался взаимный зачет веса груза (27). Конечно, это было крайне мало, учитывая, что люди навсегда покидали обжитые места. Однако объясняется это целым рядом причин и, в первую очередь, транспортными возможностями всех заинтересованных сторон.

В феврале 1946 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О национализации земель, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Южного Сахалина и Курильских островов». В соответствии с этим Указом были национализированы банки, другие кредитные учреждения, ссудно-сберегательные кассы, а также железные дороги и водный транспорт, и средства связи, предприятия всех отраслей промышленности с числом рабочих свыше 10 человек, все частновладельческие сельскохозяйственные фермы с земельной площадью около 50 гектаров, больницы, аптеки, склады, учебные заведения, кинотеатры и театры, крупные домовладения, а также дома, хозяева которых сбежали из южной части острова Сахалина, объекты энергетического и коммунального хозяйства (28).

Все остальные мелкие предприятия и промыслы, сельскохозяйственные фермы, любое личное имущество оставалось в руках его владельцев. Следует отметить и то обстоятельство, что японское население, готовясь к репатриации, само усиленно избавлялось от имущества, распродавало его. Скот, инвентарь, продукты сельского хозяйства, предметы домашнего обихода, произведения искусства — все было на базарах и базарчиках того времени. Совершалось немало сделок и на продажу жилых домов и хозяйственных строений.

К моменту репатриации у значительного числа японских семей и гражданских лиц вообще не оставалось имущества сверх пределов, установленных для нормы вывоза. Это видно на примерах первых партий репатриированных японцев. Из Южно-Сахалинска к 20 января 1947 г. уже было репатриировано 1 742 семьи (4 068 человек). При этом какое-то имущество было оставлено только 388 гражданами. Общая стоимость этого имущества оценивалась в 264 981 рубль. В декабре 1946 г. из города Холмска в лагерь для репатриации было направлено 229 семей японцев. Из них лишь 107 семей оставляли имущество на общую сумму 100 024 иены. В акте на прием имущества, оставляемого репатриируемыми японцами, и оценку этого имущества, составленном в городе Невельске 15 ноября 1946 г., пофамильно указаны 33 семьи, сдающие какие-либо ценности. Стоимость этого имущества 39 423 иены 9 сен. Здесь же отмечается: «Из числа репатриируемых 200 человек из Невельского района 167 не являлись постоянными жителями г. Невельска и по репатриации никакого имущества не оставили». (33). Подобных примеров немало и по другим районам, из которых репатриировались японцы. Следовательно, оставляли, сдавали какое-либо имущество далеко не все репатриируемые.

Наряду с этим, при указанной выше весьма не высокой норме вывоза имущества на одного человека, населению было что терять. Так, после репатриации японского населения из нынешнего Южно-Курильского района от него было принято имущества на сумму 554 730 рублей. (30).

В соответствии с постановлениями Советского правительства во всех районах Южного Сахалина и Курильских островов на период репатриации японского населения были образованы специальные репатриационные комиссии. Они непосредственно вели учет отъезжающих, установили очередность отъезда, принимали по актам, учитывали и обеспечивали сохранность оставляемого японцами имущества, забо-

тились о транспорте и доставке репатрируемых в транзитный лагерь в городе Холмске.

После отъезда репатрированных оставшиеся жилые дома и надворные постройки в сельских местностях передавались переселенцам-колхозникам, приехавшим на Сахалин из различных областей страны одновременно с репатриацией японцев. Жилые дома и производственные здания, служебные помещения в городах и поселках, освобождавшиеся после выезда рыбаков-японцев и японских промышленных организаций, передавались Главсахалинрыбпрому, или, соответственно, другим отраслям промышленности области. Всякое другое имущество передавалось за плату государственным, кооперативным организациям и предприятиям. Уезжающие оставляли немало домашней мебели, различную домашнюю утварь, прочее подобное имущество. Все это через торгово-кооперативные организации затем реализовалось за плату советским переселенцам. (31).

Репатриация японского населения Южного Сахалина и Курильских островов началась несколько раньше, чем о ней была достигнута окончательная договоренность с американцами. Первые партии репатрированных с Южного Сахалина были отправлены в Японию уже в октябре—ноябре 1946 г. В целом за 1946 г с Сахалина были репатрированы 8 846 человек. (32). Первое упоминание о репатриации японского населения с Курильских островов относится к августу 1947 г. В это время с Итурупа было вывезено 316 японцев. (33).

Здесь уместно сказать об общем количестве репатрированных японцев с Курильских островов. К октябрю 1946 г. по сведениям Южно-Сахалинского областного гражданского управления на Курильских островах оставалось и проживало 9 691 человек японских граждан, в том числе в Южно-Курильском районе — 4 600 человек, Курильском — 3 685, Северо-Курильском — 1 406. (34). Вместе с тем, по японским данным численность населения Курильских островов определяется в 17 тысяч человек. (35). Чем же объясняются эти противоречивые сведения?

Дело же в том, что 17 тысяч человек — это общее количество японских гражданских лиц, проживавших на Курильских островах до начала там военных действий. Так, Д. Стефан пишет о том, что во время военных действий «тысячи людей» предпочли бежать на Хоккайдо». Даже с островов Шумшу и Парамушира 19 августа 1945 г. на рыбачьих судах бежало и благополучно достигло Хоккайдо «около 500

женщин и детей». (36). Тем более легкими были такие побеги для японцев с других, более близких к Хоккайдо Южного Сахалина и Курильских островов. Побеги японцев с Южного Сахалина и Курил на Хоккайдо продолжались до середины 1946 г. О том, что таких побегов было довольно много, говорят многочисленные свидетельства. Так, Бок Зи Коу пишет, что «до 1 июля 1946 г. как японцы, так и корейцы еще имели возможность тайно как от советских, так и от японских властей выехать на Хоккайдо». О многочисленных побегах японцев с Карафуто на Хоккайдо пишет также и корейский автор, проживающий в Японии, Ри Фе Сон. (37).

Естественно, что поэтому число японцев, репатриированных с Курильских островов и Южного Сахалина, было значительно меньшим, чем численность проживавшего там до начала военных действий населения. Но понятия «бежавший» и «репатриированный» совсем не синонимы. Отсюда и разница в возможностях юридических последствий и правах между первыми и вторыми. В период с 21 августа по 27 октября 1947 г. со всех Курильских островов было вывезено 8 400 японцев. (38). Численность репатриированных с Курил в 1948 г., к сожалению, пока еще установить не представилось возможным. По имеющимся в печати сообщениям только с островов нынешнего Южно-Курильского района всего было репатриировано 6 337 японцев. (39).

Первый, основной этап массовой репатриации японских подданных гражданского населения с Южного Сахалина и Курильских островов продолжался около полутора лет. Он начался в октябре 1946 и закончился в мае 1948 гг. За это время в Японию было вывезено подавляющее большинство японцев и айнов, а также некоторое количество корейцев, ранее проживавших на Южном Сахалине и имевших японское гражданство.

Вместе с тем на Сахалине и после 1948 г. оставалось некоторое, в общем-то небольшое количество лиц японской и айнской национальностей. Многие из оставшихся в последующие годы приняли советское гражданство. В большинстве же случаев, как отмечается в одном из официальных документов, выезд для некоторой части японцев был затруднен в связи «с невозможностью выезда лиц корейской национальности, состоящих в браках с японцами». (40). Дело в том, что Япония не принимала корейцев, — даже если они имели японское гражданство. (Кстати, сейчас в Японии об этом не очень

любят вспоминать). Указанное ограничение было отменено только во второй половине 50-х гг.

В подписанной в октябре 1956 г. советско-японской декларации, кроме других вопросов, обеими сторонами выражалось намерение продолжать выявление участи тех японцев, чья судьба неизвестна. (41). В марте 1957 г. газета «Правда» сообщила: «Посол СССР в Японии И. Ф. Тевосян посетил сегодня (16 марта 1957 г. — В. П.) премьер-министра и министра иностранных дел Японии Киси и сообщил ему, что соответствующие советские власти по просьбе Японии и в соответствии с совместной Декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г. провели проверку и выявили 793 человека японской национальности, проживающих на территории СССР на положении лиц без гражданства, а также 146 членов их семей корейской национальности. Всем этим лицам было объявлено, что они по своему желанию могут выехать в Японию. (42).

В связи с этим по ходатайству японского правительства и согласно желанию самих японцев, проживающих в СССР, в 1957—1960 гг. репатриация лиц японской национальности с Сахалина была продолжена. Особенность этого второго этапа репатриации — менее жесткие нормы вывоза груза отъезжающими, а также возможность выезда лиц корейской национальности, состоящих в браках с японцами и являющихся членами их семей. При этом граждане СССР и КНДР независимо от их национальности репатриации не подлежали. (43). В результате в 1957—1960 гг. из Сахалинской области в Японию было репатриировано всего 2 294 человека, изъявивших желание на выезд, из них японцев 592 (133 мужчины и 459 женщин). На 1 июля 1960 г. в Сахалинской области на положении лиц без гражданства продолжало проживать 186 лиц японской национальности (75 мужчин и 111 женщин). (44).

Репатриация на первом этапе (1946—1948 гг.), как писал руководивший ее проведением Д. Н. Крюков, проходила без каких-либо серьезных осложнений и конфликтов. «Были лишь случаи опаздывания пароходов и прибытия по два парохода одновременно. Никаких претензий, недоразумений между комиссиями (нашей, представляемой Крюковым, и американской — принимавшей репатриируемых на суда, перевозившие их в Японию — В. П.) не было. Не было и никаких заявлений, кроме просьб о вещах, и со стороны репатриируемых». (45).

Между тем, как видно из переписки командования Дальневосточного округа с руководителями Сахалинской области, сложности по ходу репатриации были. Прежде всего это касалось вопроса сосредоточения репатрируемых в транзитном лагере. Согласно договоренности, советская сторона должна была ежемесячно направлять в порт отправки по 30 000 человек репатрируемых. Однако пароходы, приходившие в Холмск по согласованному графику, иногда оказывались перед угрозой неполной загрузки из-за неравномерного прибытия в порт репатриантов. Так, 9 июля 1947 г. два японских парохода вместо 3 000 человек приняли только 2 500 пассажиров. 21 июля 1947 г. «пароход «Такакурасан-мару», простояв 36 часов в порту Холмск, ушел незагруженным, так как вместо 3 000 человек репатриантов было доставлено 1 600». (46). В таких ситуациях сахалинским властям приходилось иногда поднимать людей для репатриации в спешном порядке ранее сроков, установленных для той или иной группы населения, того или другого населенного пункта.

В одном из постановлений правительства СССР по вопросам репатриации, подписанном Сталиным, очередность репатриации определялась так: «репатрировать в первую очередь многосемейных, неработающих и занятых на второстепенных работах». (47). На месте же это указание выполнялось следующим образом: «Отбор и отправка репатрируемых по очередности, семьями был поручен начальникам районных гражданских управлений вместе с японской администрацией. Очередность была установлена такая. Вначале выезжают руководители и владельцы разных предприятий, торговцы, чиновники и другие буржуазные элементы, часть интеллигенции и служащие, лица, имеющие в Японии членов семей. Затем рабочие всех предприятий и мастерских и крестьяне после уборки урожая 1947 года, и часть служащих на селе. И, наконец, врачи, учителя, инженеры и другие специалисты и священнослужители. В особых случаях наша комиссия дала разрешения включать в первую очередь на репатриацию лиц любых профессий и категорий...». (48).

Репатриация поставила сахалинские власти в нелегкие условия. Несмотря на определенные последствия войны, промышленное и сельскохозяйственное производство на Южном Сахалине и Курильских островах в 1946 г. было более или менее налаженным. На 1946 и 1947 гг. Южно-Сахалинской области правительством были установлены плановые задания по добыче угля и рыбы, заготовкам древесины, выработ-

ке целлюлозы, бумаги и картона, производству сельскохозяйственной продукции и т. д. Репатриация отбирала рабочую силу у всех отраслей народного хозяйства области. Переселенцы с Большой земли — колхозники и рабочие промышленности, стали завозиться на Сахалин и Курильские острова еще в 1946 г. Однако первое время их было очень мало, и вскоре во всех отраслях производства стал ощущаться заметный недостаток рабочей силы и специалистов. Так, управляющий трестом «Сахалинбумпром» Беляевский в июле 1947 г. просил Сахалинский обком ВКП(б) и облисполком пересмотреть их решение о количестве репатриируемых из его отрасли. Он писал, в частности: «Репатриация в таких количествах вызовет полную остановку всех предприятий треста из-за отсутствия рабочей силы». (49). Подобное положение складывалось и в других отраслях.

На местах дело доходило до того, что некоторые секретари райкомов и горкомов партии пытались вообще приостановить, запретить репатриацию. Все это вынудило Д. Н. Крюкова обратиться в Совет Министров РСФСР с просьбой о «сокращении темпов репатриации», так как «в связи с недостаточным завозом на Сахалин советских граждан вывоз японцев поставит под угрозу невыполнения годовых государственных планов во всех отраслях хозяйства области». Практических результатов это обращение не дало. Репатриация продолжалась почти прежними темпами. Лишь на август 1947 г. количество репатриируемых было сокращено до 20 тысяч человек. (50).

Бюро обкома ВКП(б) в августе 1947 г. отмечало и другие недостатки в ходе репатриации японского населения. Репатриационные комиссии в городах и районах области не обеспечивали должной транспортировки японских граждан к месту их отправки, то есть в город Холмск. Были случаи перевозки японцев в неприспособленных грязных вагонах, ограбления репатриантов в дороге и утери их вещей. Отдельные шоферы брали у японцев десятки тысяч рублей за доставку их семей к сборным пунктам. (51). В отношении отдельных японских граждан, увольняемых в связи с репатриацией с работы, были допущены нарушения трудового законодательства.

Были и другие факты. Отдельные должностные лица, отвечающие за репатриацию, пытались использовать служебное положение для личного обогащения и наживы за счет японцев, занимались взяточничеством, вымогательством, са-

мовольно занимали квартиры и дома выезжающих японцев. В целях сокрытия своих преступлений такие работники нередко ходатайствовали о быстрейшей репатриации отдельных японских семей и лиц, даже навязывая им досрочный выезд в Японию против воли и желания. (52). Были факты, когда члены репатриационных комиссий на местах часть имущества, оставляемого японцами и подлежащего сдаче в торгующие организации, не включали в составляемые описи, а фактически распределяли его между собой, растаскивали.

Такие преступные действия, как правило, получали строгую государственную и партийную оценку. Например, директор Холмского комбината бытового обслуживания местной промышленности В. Н. Соколов за включение в список репатрируемых брал крупные взятки. С японца Сендзи Кондзиро за такую «услугу» он получил 4 000 рублей денег, 11 мешков картофеля и другие вещи. Народным судом Соколов был осужден к двум годам лишения свободы. За мошенничество и попытку обмана группы японцев, подлежавших репатриации, незаконное получение от них крупной суммы денег, к одному году исправительно-трудовых работ был осужден корреспондент областной газеты «Красное знамя» П. А. Мишин. За получение взятки от одного из репатрируемых японцев снят с работы и наказан в партийном порядке председатель Долинского горисполкома Строилов. (53). Подобные примеры можно продолжать и далее.

Репатриация японского населения Южного Сахалина и Курильских островов была, конечно, событием чрезвычайно болезненным. Она отрывала людей от устоявшегося и как-то отлаженного быта и образа жизни, от привычных условий, разрушала сложившееся хозяйство, ставила перед немалыми трудностями в налаживании новой жизни на исторической родине. Однако при всех накладках и недостатках, сопровождавших репатриацию японского населения в 1946—1948 гг., можно утверждать: она происходила в рамках, обусловленных международными соглашениями, с соблюдением элементарных норм внимания к людям.

Репатриация японского населения с Южного Сахалина и Курильских островов не была следствием одностороннего решения Советского правительства или приказа Сталина. Репатриация была следствием поражения Японии в мировой войне и объективно вынужденной мерой правительств трех держав — Японии, США и Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Крюков Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945—1948 гг. Рукопись. Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (далее — НАСОКМ). Оп. 3. Д. 78. Л. 142.

2. Государственный архив Сахалинской области (далее — ГАСО). Ф. 171. Оп. 36. Д. 5. С. 8—10.

3. Современная Япония. М., 1973. С. 120.

4. Сахалинский центр документации новейшей истории (далее — СЦДНИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 364. Л. 68.

5. ГАСО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

6. Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск. 1989. С. 22.

7. Панькин И. Дюйм правды стоит милю лжи// «Позиция». 1992. 5 июня.

8. Латышев И. Покушение на Курилы// «Губернские ведомости». 1992. 12 июня.

9. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 11.

10. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 79. Л. 267.

11 ГАСО. НСБ.

12. Ищенко В. Репатриация// «Поиск». 1991. Апрель. № 16.

13. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 306. Л. 21.

14. Там же. Л. 20—21.

15. СЦДНИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.

16. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 364. Л. 138—140.

17. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 79. Л. 268.

18. ГАСО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

19 СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 18.

20 Там же. Л. 12.

21 Там же. Л. 2.

22. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 306, Л. 41.

23. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 1—18.

24. Кузеванова М. И грустно, и светло...// «Советский Сахалин». 1992. 16 мая; Воробьев И. Открыт закрытый город Немуро// «Восток России». 1992 Июль. № 28.

25. СЦДНИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 2. Л. 6—10.

26. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 79. Л. 267.

27. Там же. Л. 272.

28. ГАСО. НСБ.

29 ГАСО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 11. Л. 8, 56, 67—68.

30. ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 2. Л. 155—156.

31. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 7. Л. 110—111; Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 177—178.

32. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 15.

33. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 364. Л. 69.

34. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 68—78.

35. Стефан Д. Курильские острова: Русско-японский рубеж на Тихом океане// Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 4. С. 39; Эдамура С. Интервью// «Советский Сахалин». 1992. 19 июня.

36. Стефан Д. Указ. соч. С. 36.

37. Бок Зи Коу. Указ соч. С. 23, 24.
38. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 13.
39. Скворцова Е. Курилы: надоели политики. И российские, и японские.// «Советский Сахалин». 1992. 30 мая.
40. ГАСО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 75. Л. 8—9.
41. ГАСО. ПСБ.
42. К вопросу о репатриации из СССР лиц японской национальности// «Правда». 1957. 17 марта.
43. ГАСО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 75. Л. 8.
44. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 23. Л. 51—53.
45. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 79. Л. 271.
46. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 5, 6.
47. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 7. Л. 152.
48. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 79. Л. 268.
49. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 353. Л. 13.
50. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 361. Л. 6, 12.
51. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 306. Л. 23.
52. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 299. Л. 76.
53. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 306. Л. 26, 34, 35.

Исторические портреты

И. П. Сорокина

ОТКРЫТИЕ САХАЛИНСКОЙ НЕФТИ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Открытие сахалинской нефти связано с именем Григория Ивановича Зотова. Значительную часть своей жизни Г. И. Зотов посвятил разработке нефтеносных районов Сахалина.

Поскольку история почти всегда персонифицированна, личностна, а Григорий Иванович был дедом моей матери и, соответственно, моим прадедом, то судьба этого человека, естественно, интересовала его потомков и, в частности, меня. Я постараюсь к уже известным и опубликованным данным добавить некоторые сведения, которые могут сохраняться только в семейных архивах и в памяти родственников, передаваясь в устных рассказах.

Григорий Иванович Зотов родился в 1850 г. в Севастополе в дворянской семье. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о родителях Григория Ивановича довольно скудные. Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, в России было несколько дворянских родов Зотовых. Два древних: один — род графов Зотовых занесен в V часть книги Московской губернии (Гербовник VIII, 3), другой древний род внесен в III часть родословной книги Санкт-Петербургской губернии. Другие роды Зотовых, числом двенадцать, более позднего происхождения. К какому из этих родов принадлежал Григорий Иванович Зотов, нам неизвестно. Его отец Иван Тихонович Зотов был чиновником. Он работал в Севастопольском порту и постепенно продвигался по службе. И. Т. Зотов умер довольно молодым (в возрасте 40 лет, достигнув чина всего лишь титулярного советника), так что Григорий Иванович рано остался без отца. Мать его Анна Герасимовна Зотова растила детей одна. Семья же была довольно боль-

шая — пятеро детей: Александр 1845 г. рождения, Петр 1847 г. р., Николай 1849 г. р., Григорий 1850 г. р. и дочь Вера. В начале 60-х гг. (уже после смерти отца) семья переезжает в Петербург.

Жизнь всех сыновей была связана с Российским военным флотом. Трое братьев учились и окончили Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге (нынешнее Высшее военно-морское инженерное училище им. М. В. Фрунзе). Один окончил курс в бывших академических классах при морском училище. После окончания училища все они служили в разных эскадрах. Трое значатся в списках воспитанников Морского корпуса, хранящихся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Сохранились прошения о зачислении братьев в Морской корпус. Николай Зотов, как и его брат Григорий, после окончания корпуса служил в Тихоокеанской эскадре. Старший брат Александр в разных флотских экипажах, на разных судах плавал по Балтике, а с 1873 г. преподавал в Инженерно-артиллерийском училище Морского ведомства в Петербурге в чине прапорщика. Затем был главным инженером Балтийского судостроительного завода. Умер в 1902 г., похоронен в Александро-Невской лавре. Четвертый брат Петр умер молодым в 1888 г., он успел сделать много. Он был инженером-механиком, изобретателем. После окончания училища он много плавал. В последние годы, начиная с 1881 г., служил старшим механиком на императорской яхте «Царевна». У него было много изобретений, которые применялись на флоте. Он изобрел аппарат для бесшумного выпуска лишнего пара (до этого люди на корабле не слышали команд и часто от шума глохли), устройство для выкачивания воды из трюмов, аппарат для чистки котлов от осадков и грязи, водоопреснитель, который ставился с момента его изобретения на все строящиеся в России суда, и т. д. По воспоминаниям его племянницы, дочери Григория Ивановича Зотова — Зои, он служил в Кронштадте на императорском корабле. У нее была его фотография в военно-морской форме, сделанная в Кронштадте. Сведения о братьях Зотовых имеются в списке воспитанников Морского кадетского корпуса, в описании дел архива Морского министерства Санкт-Петербурга, в послужных списках чинов Морского ведомства за разные годы. (1).

Дочь Зотовых — Вера Ивановна, до последних дней Григория Ивановича (он умер в Петербурге 26 декабря 1907 г) проживала в Петербурге по адресу: Никольская улица (в со-

ветское время — улица Марата), дом 77. Это — второй дом от угла Звенигородской по Марата, недалеко от Семеновского плаца. Он и по сей день стоит там. Эти данные легко найти в справочниках «Весь Петербург» за 1908 и другие годы. Вера Ивановна Зотова (она обозначена в этом справочнике как вдова капитана) умерла в 1915 г. Григорий Иванович проживал в Петербурге по этому же адресу.

Григорий Иванович Зотов окончил VII Петербургскую гимназию в 1867 г. Его отца Ивана Зотова к этому времени уже не было в живых, поэтому прошение о приеме Григория Зотова в Морской кадетский корпус подавал его старший брат Александр, который в это время был преподавателем корпуса инженеров-механиков. Данное прошение хранится в Военно-морском архиве в деле воспитанника корпуса Григория Зотова. (2). В июне 1867 г. Григорий Зотов был зачислен в корпус. В 1871 г. он его закончил и был направлен на Дальний Восток в Тихоокеанскую эскадру для прохождения дальнейшей службы. В обзоре преобразований Морского кадетского корпуса под № 11 имеется запись: в 1871 г. из Морского корпуса выпущен в гардемарины Зотов Григорий Иванович (всего в списке 38 произведенных). (3). Там же имеется запись о выпуске в гардемарины в 1870 г. его брата Николая Ивановича Зотова.

Всего несколько лет прослужил Григорий Зотов в Тихоокеанской эскадре. В 1875 г. он в чине лейтенанта уходит в отставку и женится на дочери николаевского купца А. Е. Иванова. Тесть Зотова был состоятельным человеком, вел обширную торговлю, ездил неоднократно на Сахалин и торговал с сахалинскими аборигенами.

К этому времени нивхам и якутам, жившим на острове, было уже известно, что на Сахалине имеются месторождения нефти. Купцу Иванову неоднократно говорили о ней охотники-аборигены, которые видели места выхода нефти на поверхность. Иванов послал на остров своего приказчика, чтобы тот выяснил, где находятся нефтеносные участки, с целью застолбить в дальнейшем этот район. «Не имея точных данных о запасах нефти, Иванов все же решил рискнуть. В июне 1880 г. он подал на имя Приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа прошение с просьбой отвести ему тысячу десятин земли на Сахалине для разведки и добычи нефти». (4). Риск, по-видимому, состоял в том, что, получая право на разведку нефти, заявитель должен был за это выплачивать большую пошлину, а разведка могла дать отрица-

тельный результат. Вполне могло оказаться, что запасы нефти, о которой издавна знали аборигены, могли не иметь промышленного значения. Так, в сущности, и было при том уровне техники нефтедобычи, который существовал в конце прошлого века. Ни А. Е. Иванов, ни Г. И. Зотов не дождались прибыли от своих вложений в начатое ими дело. Первая промышленная нефть была получена из зотовской скважины только в 1907 г., через двадцать с лишним лет после смерти А. Е. Иванова и в год смерти Зотова. Но в 1880 г. Иванов ответа на свое прошение на имя генерал-губернатора не дождался. В следующем году он умер. После смерти А. Е. Иванова его вдова пыталась получить разрешение на заявленные ее мужем участки, но была недостаточно активна и ничего не добилась.

В 1887 г. дело продолжил зять Ивановых — Григорий Иванович Зотов. В первую очередь, он подал прошение в столицу с просьбой отвести ему нефтеносные участки около Охи, заявленные Ивановым. Он выехал в Санкт-Петербург и в 1888 г. получил разрешение на отвод участков близ рек Оха и Ноглики. С этого момента вся его жизнь была связана с разработкой и добычей нефти. Он «неоднократно посещал Охинскую и другие нефтеносные площади. Он первым открыл и описал залив Уркт, на побережье которого в настоящее время раскинулся город северосахалинских нефтяников Оха, произвел глазомерную съемку широкой полосы по рекам Охинка, Берюкан, ручью Безымянный и побережью залива Уркт до Охотского моря, общей площадью около 200 кв. километров». (5). Все свое состояние (а оно было немалым) Григорий Иванович вложил в изучение и разработку нефтеносных районов Сахалина. Более 20 лет он неустанно предпринимает попытки начать добычу нефти на острове. Однако это было нелегко. Во-первых, Г. И. Зотову препятствовало местное начальство. Во-вторых, на острове не хватало рабочей силы, так что и рабочих, и оборудование приходилось туда перевозить, тратя на это много сил и средств. Оборудование Григорий Иванович заказывал в Японии, неоднократно посещая для этого Нагасаки.

Г. И. Зотов организовал несколько экспедиций. Первая попытка перевезти на остров рабочих и оборудование была предпринята им летом 1889 г. Эта попытка оказалась неудачной, т. к. экспедиция попала в шторм, и сам Григорий Иванович, и его люди чуть не погибли. Лодки выбросило на отмель, оборудование частично пропало. Эта отмель до сих

лор носит название «банка Зотова». Однако, несмотря на все трудности, экспедиция все-таки добралась до Охи, и ею были проведены первые планомерные исследования охинских нефтяных источников. Вторая экспедиция была предпринята Г. И. Зотовым летом 1890 г. Ею были описаны Набильские выходы нефти. И в первой, и во второй экспедиции разведки провел горный инженер Л. Ф. Бацевич. Впоследствии он опубликовал описание этих нефтяных месторождений. (6). Третья экспедиция была предпринята в 1892—1893 гг.

Г. И. Зотов был очень энергичным, деятельным и образованным человеком. Он прекрасно понимал, какое значение имеет нефть для развития Дальнего Востока в частности, и для России вообще. Он был очень патриотически настроенным человеком. И моя двоюродная бабушка Зоя Григорьевна (единственная из дочерей Григория Ивановича, которую я знала), и моя мама, которая знала о деде по рассказам моего отца, говорили, что это был настоящий интеллигент-дворянин, считавший, что для блага России нужно не жалеть сил. Он не допускал мысли о продаже сахалинской нефти иностранцам, которые уже тогда пытались добиться принятия их в компаньоны. Зоя Григорьевна рассказывала, что владевший бакинской нефтью миллионер Нобель не раз просил Григория Ивановича принять его в акционерное общество «Зотов и К». Однако каждый раз получал категорический отказ.

Для разработки и разведки сахалинской нефти Г. И. Зотов на правах первооткрывателя охинской и ногликской нефти основал акционерное общество «Зотов и К». У Зотова был контрольный пакет, а у компаньонов — акции этой компании. Одним из активных компаньонов компании был А. Д. Старцев — сын декабриста Н. А. Бестужева. Как известно, Н. А. Бестужев после отбытия каторги жил на поселении в Селенгинске. Там у него была жена — бурятка Сабилаева, брак с которой не мог быть официально зарегистрирован по религиозным соображениям. У них было двое детей — дочь Екатерина и сын Алексей. Последнего друг Н. А. Бестужева местный купец Д. Д. Старцев записал как своего воспитанника и дал ему свою фамилию. (7). Алексей Старцев и другие члены компании оказывали Г. И. Зотову существенную денежную поддержку. Ведь для организации экспедиций на Сахалин требовались немалые средства. (8).

С именем Н. А. Бестужева связана своеобразная ювелирная мода, распространившаяся во второй половине XIX в. в

Сибири и на Дальнем Востоке. Когда в Чите с декабристов сняли кандалы, Н. А. Бестужев по предложению своего брата Михаила начал делать из звеньев цепей кольца, обложив их изнутри китайским золотом. Мода на эти кольца быстро распространилась, и к Н. А. Бестужеву часто обращались с просьбой сделать подобное кольцо. Н. А. Бестужев делал такие кольца для своих братьев, жен своих друзей и других близких ему людей. (9). Одно из таких колец Бестужев подарил Алексею Старцеву, который никогда не снимал его. И. С. Зильберштейн в книге «Художник декабрист Николай Бестужев» приводит сведения из воспоминаний народовольца И. И. Попова: «А. Д. Старцев, который обожал Николая Александровича, никогда не снимал кольца, оправленного в золоте и выполненного Николаем Александровичем». (10).

Интересно, что в нашей семье сохранилось такое кольцо, которое было подарено Г. И. Зотовым мужу своей старшей дочери Ольги—Александру Федоровичу Лобысевичу. По внутренней, золотой поверхности кольца выгравировано: «А. Ф. Лобысевич 9 августа 1899 года». В нашей семье бытует легенда, что это одно из колец, сделанных Бестужевым и подаренных Старцевым Зотову.

После смерти Г. И. Зотова в 1907 г. разработку нефти продолжало вести Сахалинское нефтепромышленное товарищество, принадлежавшее его наследникам. В 1910 г. горнопромышленник В. А. Кузнецов, входивший в это товарищество, получил на Охе первую промышленную нефть из скважины Зотова. В то время на Сахалине было лишь несколько буровых скважин.

Теперь коротко о судьбе наследниц Г. И. Зотова. У Григория Ивановича было три дочери. Старшая Ольга (моя бабушка) родилась в 1877 г., средняя Вера — в 1880 г. и младшая Зоя — в 1883 г. Сначала вся семья жила в Николаевске-на-Амуре, затем Григорий Иванович купил большой дом во Владивостоке, и вся семья жила там. Но как только девочки достигали гимназического возраста, их отправляли в Петербург. Все они окончили одну женскую гимназию на Вознесенском и получили институтское образование. Мать какое-то время жила с дочерьми, но потом уехала во Владивосток. Умерла она в 1905 г. во Владивостоке. Григорий Иванович постоянно ездил в Петербург в Министерство геологии и с дочерьми виделся довольно часто. Однако все его дела и помыслы были связаны с сахалинской нефтью, и в Петербурге он долго не задерживался.

В 1899 г. старшая дочь Ольга вышла замуж за молодого офицера Александра Федоровича Лобысевича, происходящего из старого дворянского рода. В роду Лобысевичей было много военных, литераторов, этнографов. Среди предков моего деда Александра Федоровича был один из родоначальников украинской литературы Афанасий Кириллович Лобысевич. (11).

Средняя дочь Вера после окончания Смольного института вышла замуж за бельгийца Дельтанра. По воспоминаниям моей матери, он строил в Средней Азии железную дорогу. Следы этой семьи были потеряны во время революции. Моя мать помнит, что они уехали в Бельгию.

Младшая дочь Зоя прожила долгую жизнь. В 1901 г. в возрасте 17 лет она вышла замуж за офицера Георгия Хомутова. В молодости была балериной. В 1918 г. Г. Хомутов эмигрировал за границу, но Зоя Григорьевна с ним не поехала. В 20-е годы она тоже уехала в Европу. Там вышла второй раз замуж за англичанина Гамильтона, но в 1924 г. вернулась на Родину, т. к. здесь в имении родителей Хомутовых оставалась ее дочь. Имение Хомутовых находилось около Киева (Хомутовка — Трембиновка) в районе Пятихатки. Забрав дочь, Зоя Григорьевна приехала в Ленинград, но была арестована и выслана на четыре года на Соловецкие острова. В дальнейшем она жила с дочерью на Кавказе, затем в 1946 г. из-за мучившей ее малярии переехала в Ужгород, а последние годы жизни находилась в семье внука в Донецке. Большую часть своей жизни Зоя Григорьевна проработала медсестрой. Умерла в Донецке в 1977 г. в возрасте 93 лет.

У Ольги Григорьевны и Александра Федоровича Лобысевичей были две дочери: Лариса 1903 г. р. и Марина (моя мать) 1910 г. р.; у Зои Григорьевны и Георгия Хомутова была дочь Зоя 1904 г. р.; от второго брака детей у Зои Григорьевны не было. Потомки Григория Ивановича Зотова от Ольги живут в Петербурге, потомки Зои Григорьевны живут в Донецке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Описание дел архива Морского министерства. СПб., 1891: Послужные списки чинов Морского ведомства. СПБ., 1885—1889; Общий морской список. (Центральный государственный архив Военно-Морского Флота [далее — ЦГАВМФ]. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1470).
2. ЦГАВМФ Ф. 432. Оп. 7. Д. 5599.

3. Коргуев Н. А. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб., 1897. С. 271, 273.
4. Панфилов И. Ф. Нефть Сахалина// Вопросы истории. 1977. № 8.
5. Там же. С. 107.
6. Бацевич Л. Ф. Описание сахалинских нефтяных месторождений// Горный журнал. Т. III. 1890. № 7.
7. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954.
8. Панфилов И. Ф. Судьба сына декабриста// Вопросы истории. 1980. № 10.
9. Барановская М. Ю. Указ. соч. С. 113; Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951.
10. Зильберштейн И. С. Художник декабрист Николай Бестужев. М., 1977; Попов И. И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция. Л., 1924. С. 32—33.
11. Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев, 1911.

Настоящей публикацией «Краеведческий бюллетень» начинает серию статей сахалинского историка Н. И. Колесникова, посвященных людям, которые в 1945—1991 гг. занимали пост первого секретаря Сахалинского обкома Коммунистической партии Советского Союза (до 1952 г. — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Можно по-разному относиться как к партийной номенклатуре, так и к коммунистическому режиму в целом. Однако вплоть до 1990 г. фигура первого секретаря обкома была ключевой в администрации любой области на всей огромной территории СССР. И не зная о тех людях, которые в силу тех или иных причин оказывались во главе Сахалинского обкома, мы никогда не сможем разобраться в механизме власти, под тотальным контролем которой находились практически все стороны жизни как области в целом, так и отдельных ее жителей. К тому же изучение опыта предшественников (как негативного, так и позитивного) было чрезвычайно полезно во все времена.

Н. И. Колесников

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ

К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ДМИТРИЯ НИКАНОРОВИЧА МЕЛЬНИКА

Рассказ о Дмитрии Никаноровиче Мельнике хочется начать с несколько необычного словосочетания: «Он был первым первым». Действительно, судьба Д. Н. Мельника сложилась так, что именно ему выпала эта ответственная роль — стать самым первым первым секретарем Сахалинского обкома ВКП(б) (1) в единой Сахалинской области, созданной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 г. В соответствии с этим Указом в состав Сахалинской области (в которую до этого входила только северная часть Сахалина) была включена также территория Южного Сахалина и Курильских островов.

Д. Н. Мельник прожил недолгую (всего 56 лет), но очень насыщенную жизнь. Его трудовой стаж составил 36 лет, и из них 6 лет (причем в самом творческом возрасте) он отдал нашей единственной в стране островной области.

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Дмитрий Никанорович Мельник родился 7 октября 1912 г. на Украине в семье крестьянина-бедняка села Снитовка Каменец-Подольской области. В 1928 г. вступил в комсомол.

В 1929 г. 17-летним юношей поступил на учебу в Красноградский агрохимический техникум, который успешно закончил в октябре 1932 г. (2). По окончании техникума работал по специальности ассистентом-агрономом Артемовской сельскохозяйственной опытной станции. В январе 1933 г. возглавил отдел производства и зарплаты областного комитета профсоюза работников зерновых совхозов. С ноября 1934 г. до февраля 1937 г. служил в рядах Красной Армии. После демобилизации остался работать на Дальнем Востоке. В январе 1932 г. вступил в кандидаты, а в январе 1937 г. — в члены ВКП(б).

В период учебы и дальнейшей работы, во время службы в армии Д. Н. Мельник показал заметные организаторские способности, умение работать с молодежью. Поэтому в конце 1937 г. (вскоре после демобилизации) он был направлен на работу в комсомольские органы. 25-летний Д. Н. Мельник становится первым секретарем Хабаровского горкома, а затем — первым секретарем Хабаровского обкома и крайкома ВЛКСМ.

В мае 1939 г. Хабаровский крайком ВКП(б) направил его на работу в город Комсомольск-на-Амуре. Здесь он работал сначала секретарем горкома ВКП(б) по кадрам, а затем (с июня 1940 г.) председателем Комсомольского-на-Амуре горисполкома. Затем Д. Н. Мельник сравнительно непродолжительное время (в декабре 1944 — июле 1945 гг.) работал заместителем председателя Хабаровского крайисполкома.

НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ

Летом 1945 г. тридцатидвухлетний Д. Н. Мельник был направлен для выполнения ответственного поручения на Сахалин. К этому времени он имел довольно неплохое образование и опыт работы в комсомольских, партийных, советских и профсоюзных органах.

26 июня 1945 г., за 2 недели до начала войны с империалистической Японией и за 5 недель до освобождения Южного Сахалина и Курильских островов, бюро Сахалинского обкома ВКП(б) приняло постановление «О первом секретаре обкома ВКП(б)». Бюро утвердило Дмитрия Никаноровича Мельника первым секретарем Сахалинского обкома ВКП(б) и ввело его в состав членов бюро обкома ВКП(б). (3). Таким образом, прежде чем стать «первым первым» секретарем

партийной организации Сахалинской области, существующей в нынешних границах, Дмитрию Никаноровичу довелось более полутора лет проработать во главе областного комитета парторганизации Северного Сахалина.

Первое, что предстояло сделать новому руководителю области, — это в кратчайший срок завершить подготовку к превращению Северного Сахалина в прифронтовой район. Во время короткой войны с Японией и воинские части, дислоцированные на Северном Сахалине, и гражданское население островного края хорошо исполнили свой долг. И в этом, несомненно, есть заслуга и Д. Н. Мельника. (4).

После победоносного завершения войны с Японией и второй мировой войны в целом советские люди (в их числе и сахалинцы) сосредоточились на задачах мирного строительства. В эту работу с головой ушел и новый секретарь Сахалинского обкома.

Результаты усилий сахалинцев сказались довольно быстро. И хотя ни рыбная, ни лесная промышленность не выполнила план 1946 г., другие отрасли народного хозяйства уже в первый послевоенный год сработали неплохо. Так, ведущая в то время отрасль — нефтяная промышленность, впервые за ряд лет не только выполнила, но и перевыполнила плановое задание. При плане 800 тысяч тонн было добыто 811,9 тысячи тонн (или 101,5 процента годового задания); план по добыче газа был выполнен на 100 процентов; план по добыче угля — на 109, 7 процента (при плане 366 тысяч тонн было добыто 401,7 тысячи тонн). (5). Были выполнены и перевыполнены все планы в сельском хозяйстве, местной и пищевой промышленности. (6). Улучшились культурно-бытовые условия жизни 93-тысячного населения Северного Сахалина.

Во всем этом была большая личная заслуга Д. Н. Мельника, заметно поднявшего уровень руководства областью. И мне кажется, что авторы предвыборной листовки кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Сахалинскому избирательному округу № 176 Д. Н. Мельника не кривили душой, когда писали: «Со всей своей кипучей энергией Дмитрий Никанорович Мельник взялся за дело послевоенного восстановления хозяйства области... он показал себя прекрасным организатором и руководителем... оперативно руководит хозяйственно-политической жизнью области... В 1946 году — первом году сталинской пятилетки — Сахалинская область под его руководством успешно справилась с выполнением ос-

новных государственных заданий... Д. Н. Мельник повседневно заботится об улучшении культурно-бытовых условий жизни трудящихся». (7).

9 февраля 1947 г. первый секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) становится депутатом Верховного Совета Российской Федерации.

НОВЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 1947 г., после образования Сахалинской области в ее нынешних территориальных границах и выделением ее из состава Хабаровского края, ЦК ВКП(б) дает Д. Н. Мельнику новое ответственное задание: стать во главе партийной организации новой области. Постановлением ЦК ВКП(б) от 7 марта 1947 г. было образовано бюро Сахалинского обкома партии, а Д. Н. Мельник утвержден в качестве первого секретаря и члена бюро обкома. 20 октября того же года пленум Южно-Сахалинского горкома ВКП(б), избранный I городской партийной конференцией, избрал его и первым секретарем Южно-Сахалинского горкома партии. А 29 октября пленум Сахалинского обкома ВКП(б) вновь избрал его на пост первого секретаря обкома партии.

Таким образом, с марта 1947 до июня 1951 г. Д. Н. Мельник работал в качестве первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) (8), а с октября 1947 г. до мая 1950 г. — и в должности первого секретаря Южно-Сахалинского горкома партии, возглавляя одновременно с областной непосредственно и «столичную» партийную организацию. (9). В 1947—1951 гг. он дважды избирался депутатом областного Совета депутатов трудящихся, а также депутатом Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета СССР.

На посту первого секретаря областного и «столичного» партийных комитетов Д. Н. Мельнику пришлось работать в такой ситуации, в какой не мог оказаться ни один из более поздних руководителей области. Ведь и ему самому, и его коллегам пришлось начинать свою деятельность в чрезвычайно сложных условиях, решая в одно и то же время огромное количество сложнейших народнохозяйственных и социальных проблем. И решать их в условиях репатриации больших масс населения японской национальности и одновременного перемещения в область большого количества советских людей из различных регионов страны. К тому же существовавший тогда сезонный характер добычи рыбы, заготовки и

сплава леса требовал по нескольку раз в течение года мобилизации и переброски значительных контингентов людей: в осенне-зимний период в лесную промышленность (в том числе из рыбной промышленности и сельского хозяйства), весной — в рыбную промышленность (в том числе из лесной промышленности).

Молодой и энергичный руководитель Сахалинской области прекрасно понимал, что в сложившейся в тот период ситуации решить все стоящие перед областью задачи без постоянной помощи центральных партийных и государственных органов практически невозможно. Поэтому Д. Н. Мельник систематически ставил перед центром серьезные вопросы, связанные с освоением и развитием Сахалина и Курил, постоянно добивался их решения. Так, при его активном участии 4 октября 1948 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по укреплению и дальнейшему развитию народного хозяйства Сахалинской области». (10). Д. Н. Мельник прекрасно использовал большие возможности, которые открылись во время его личной встречи с И. В. Сталиным 26 марта 1950 г.

В Сахалинском центре документации новейшей истории сохранилась стенограмма выступления Д. Н. Мельника перед аппаратом Сахалинского обкома ВКП(б) 17 апреля 1950 г. Эта стенограмма передает содержание беседы первого секретаря Сахалинского обкома с всесильными руководителями страны. Д. Н. Мельник рассказал, что И. В. Сталин принял его поздно вечером (после 10 часов). Беседа была довольно продолжительной (длилась примерно 1 час 20 минут). Кроме Д. Н. Мельника, у Сталина находились члены Политбюро ЦК ВКП(б): Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Первый секретарь Сахалинского обкома отмечал, что «тов. Сталин подробно интересовался всеми делами Сахалинской области... и больше всего интересовался жизнью и бытом людей... чувствовалось, что тов. Сталин знает дела Сахалина и что он был подготовлен... меня несколько раз поправлял в ответах...». (11).

Затем Д. Н. Мельник сообщил, что в ходе этой беседы, проходившей в благожелательной атмосфере, он поставил перед высшим руководством партии и правительства пять больших вопросов, требующих решения. Рассмотрение этих вопросов было поручено группе руководителей под председательством Г. М. Маленкова. Этой группой, в работе которой

активное участие принимал и Д. Н. Мельник, были подготовлены (с учетом состоявшегося у И. В. Сталина обсуждения), а затем Советом Министров СССР приняты постановления:

— о мероприятиях по улучшению жилищных и культурно-бытовых условий рабочих и служащих Сахалинской области;

— о помощи исполкомовскому местному хозяйству Сахалинской области со стороны правительства;

— о мерах помощи сельскому хозяйству Сахалинской области;

— о развитии товарооборота и оказании помощи в торговле Сахалинской области;

— о мероприятиях, обеспечивающих выполнение плана добычи нефти в 1950 году.

Значение данных решений трудно переоценить. В них были определены конкретные пути дальнейшего развития области как крупной экономической и оборонной базы страны, предусмотрено выделение необходимых финансовых и материальных средств. Вместе с тем, какую бы помощь и поддержку ни оказывали Сахалинской области центральные органы, основная часть работы была проделана на местах. И главная ответственность за организацию всех сторон жизни в области нес первый секретарь обкома партии. Д. Н. Мельник прекрасно понимал и свою ответственность, и свои права и возможности. Ведь будучи первым секретарем обкома, он, как и все работники подобного уровня, фактически обладал неограниченной властью на территории области.

По свидетельству коммунистов, которые в процессе своей деятельности общались непосредственно с Д. Н. Мельником, можно попытаться реконструировать некоторые формы и методы его работы. В тот период наиболее значительные проблемы рассматривались на регулярно проходивших пленумах обкома и собраниях областного актива, на партийных конференциях, на еженедельно проводимых заседаниях бюро обкома. Большую часть вопросов инициировал первый секретарь. Вопросы обстоятельно и критично рассматривались, по ним (о чем свидетельствуют документы) принимались толковые решения.

Некоторые из решений могли быть приняты в оперативном порядке. Д. Н. Мельник, по свидетельству Н. А. Козлова (12), обзванивал членов бюро обкома партии и говорил: «У меня находится товарищ (следовала фамилия), он ставит вопрос о (следовала формулировка вопроса), я — «за», а ты?» Ответ был однозначным: «Я тоже — «за». Затем Д. Н.

Мельник вызывал к себе заведующего общим сектором и поручал ему оформить решение бюро обкома партии по нужному вопросу. Справедливости ради надо сказать, что такие формы работы были лишь эпизодами в его многогранной и многолетней деятельности. К тому же протоколы бюро обкома свидетельствуют, что как бы ни принимались решения: непосредственно на заседании бюро или методом опроса, среди них нет таких, которые могли бы свидетельствовать о волюнтаризме, амбициозности, самоуправстве. Очевидно, что их принятие диктовалось здравым смыслом, интересами дела.

Многочисленные документы Сахалинского центра документации новейшей истории, Государственного архива Сахалинской области, Сахалинского областного краеведческого музея, публикации того времени, воспоминания работавших с Д. Н. Мельником людей, собственные впечатления автора (работавшего в те годы в рыбной промышленности, в школе и райкоме ВЛКСМ, учившегося в учительском институте) дают основание с большой долей достоверности утверждать, что, хотя Д. Н. Мельник и обладал в области практически неограниченной властью, однако, в силу своих положительных личных качеств стремился к коллективным формам работы.

Д. Н. Мельник стремился сочетать партийную работу с хозяйственной, но не подменяя хозяйственников, а оказывая влияние на развитие народного хозяйства области через подбор, расстановку и воспитание кадров. Однако подмены хозяйственных и иных организаций в полной мере избежать не удавалось. В этом нетрудно убедиться, проанализировав хотя бы небольшую часть вопросов, рассмотренных бюро Сахалинского обкома ВКП(б) под руководством Д. Н. Мельника. Так, в 1948 и 1949 гг. были приняты следующие постановления: о государственном плане восстановления и развития сельского хозяйства Сахалинской области на 1948 г. (совместное постановление бюро обкома и облисполкома); о проведении лесосплава в навигацию 1948 г. (принималось в рассматриваемый период практически ежегодно); о рентабельности Чеховского целлюлозно-бумажного комбината; о создании запасов топлива на зимний период 1948—1949 гг. (совместное с облисполкомом); о подготовке школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений к зиме (аналогичные постановления принимались ежегодно); о состоянии торговли в области; о ходе коммунального и жилищного строительства; о проведении общественного смотра

внедрения в производство изобретений и рационализаторских предложений; о готовности к работе в зимних условиях и подготовка к борьбе со снежными заносами; об осенне-зимних лесозаготовках в сезон 1948—1949 гг.; о мерах помощи предприятиям рыбной промышленности в проведении весенней путины; о снабжении населения области рыбой; об обеспечении рыбьим жиром медицинских учреждений области; о состоянии выплаты зарплаты рабочим и служащим; о работе Сахалинской областной конторы «Промбанка» и многие другие.

Конечно, все названные вопросы были жизненно важными. Однако они входили в компетенцию других органов и организаций. Не случайно за факты подмены хозяйственных организаций и ведомств Д. Н. Мельника критиковали товарищи по партии. Так, на собрании областного партийного актива в ноябре 1950 г. редактор газеты «Советский Сахалин» А. Л. Аверичев критиковал обком партии за то, что он «занимается хозяйственными вопросами и предает забвению партийно-политическую работу». (13). Д. Н. Мельник признал эту критику, одновременно указав на причины данного явления: «...было сложно полтора-два года назад... шло быстрое становление области, мы должны были принять большое количество советского населения. Принимали их в чрезвычайно тяжелых условиях, не было хлебопекарен, не было торгующих и иных организаций, не было коммунальных предприятий... в таких условиях мы вынуждены были заниматься вопросами хозяйства... на первых порах.. мы имели очень слабые хозяйственные и советские кадры... были вынуждены подменять их, решать целый ряд хозяйственных дел». (14).

Конечно, обком ВКП(б) немало занимался и собственно партийно-политическими вопросами. На бюро рассматривались проблемы совершенствования деятельности и сокращения штатов партийного аппарата; вопросы подготовки кадров партийных, советских и хозяйственных руководителей разного уровня, направления их на учебу в партийные школы и на многомесячные курсы переподготовки; вопросы деятельности печатного органа обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся — газеты «Советский Сахалин» и повышения действенности публикуемых в газете материалов; задачи организационного укрепления первичных партийных организаций и повышения их роли и активности во всей хозяйственной, политической и культурной жизни области и т. п. Но факты, когда обком партии вместо осущест-

вления политического руководства брал на себя административно-распорядительные функции в деле хозяйственного строительства, продолжали иметь место.

Вместе с тем, если объективно оценивать результаты деятельности Д. Н. Мельника на посту руководителя области, следует признать, что система управления, когда обком и его первый секретарь держали в поле зрения весь огромный комплекс проблем, инициировали, координировали, контролировали их разрешение, была для тех лет достаточно эффективной. Область быстро развивалась, она все больше давала и стране, и своим жителям.

Данное положение можно проиллюстрировать результатами решения трех сложнейших вопросов: заселения Сахалина и Курильских островов советскими людьми при одновременной репатриации японского населения; восстановления и развития народного хозяйства молодой области; создания жилищно-бытовых и культурных условий для жителей.

В соответствии с трехсторонней договоренностью СССР, США и Японии в довольно короткий срок (с весны 1947 до конца весны 1948 гг.), была осуществлена репатриация с Южного Сахалина и Курильских островов 357 тысяч подданных. (15). Одновременно на Сахалин и Курилы было перемещено более 350 тысяч советских людей. (16). К 1949 г. численность прибывших составила уже более 450 тысяч человек (17), а общая численность населения (включая жителей северной части Сахалина) — 580 тысяч человек. (18). Эта огромная работа позволила (правда, лишь к концу пятилетки, в 1949—1950 гг.) в основном обеспечить рабочей силой все предприятия области, подготовить квалифицированные кадры для бумажной, лесной, рыбной, угольной и других отраслей промышленности, создать достаточно стабильные рабочие коллективы, которые обеспечивали увеличение выпуска продукции при одновременном повышении ее качества и снижении себестоимости.

Переселение на Сахалин и Курильские острова сотен тысяч советских людей способствовало становлению и развитию народного хозяйства, в первую очередь, промышленности, поскольку и в новых территориальных рамках область оставалась ярко выраженным индустриальным районом. Промышленность давала свыше 9/10 всей продукции народного хозяйства области и занимала немаловажное место в жизни как советского Дальнего Востока, так и всей страны. Особое

значение имели такие отрасли промышленности, как рыбная, нефтяная, бумажная, угольная, лесная.

Несмотря на то, что, начиная с 1946 г., область постоянно наращивала производство, государственные планы по промышленности в первые годы не выполнялись. Так, план 1947 г. по объему валовой продукции в целом по области был выполнен всего на 88,2 процента. Не был выполнен и план 1948 г. (19). Иного и не могло быть, так как на осуществление планов 1947 и 1948 гг. отрицательное влияние оказала осуществлявшаяся именно в эти годы массовая репатриация японского населения с одновременным массовым перемещением сотен тысяч советских людей. Механическое замещение специалистов японской национальности советскими людьми было невозможно. Переселенцам с материка требовалось время, чтобы овладеть необходимыми производственными навыками и техникой безопасности, а также адаптироваться к сложным климатическим и непривычным жилищно-бытовым условиям.

Уже в 1949 г. в развитии народного хозяйства Сахалинской области наметился ощутимый сдвиг. В этом году объем валовой продукции промышленности на 8 процентов превысил уровень 1947 г. Следующий, 1950 г., стал для Сахалинской области годом подъема всех отраслей народного хозяйства. В целом же за последние три года работы Д. Н. Мельника на посту первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) (1949, 1950, 1951 гг.) валовая продукция всей промышленности выросла на 37 процентов, добыча угля — на 32, улов рыбы — на 35, выпуск бумаги — на 33, картона — на 56, производство электроэнергии — на 21, вывозка леса — на 38. Железнодорожные перевозки увеличились на 256, а перевозки морским транспортом — на 213 процентов. (20).

Большое внимание Д. Н. Мельник уделял людям с их неотложными нуждами. Это проявилось в создании в области многочисленных учреждений социальной сферы, в решении жилищной проблемы, в заботе о росте материального и культурного уровня жителей области. В докладе на IV пленуме Сахалинского обкома ВКП(б) отмечалось, что в области только за 1946—1948 гг. построено и открыто более 600 магазинов, пекарен и столовых, открыты 584 школы, 306 интернатов при школах, 5 детских домов, 101 детский сад, 8 средних специальных учебных заведений, 8 школ ФЗО и РУ, 54 больницы, 268 лечебно-профилактических и других медицинских учреждений, 181 клуб, 55 библиотек, 17 домов куль-

туры, 20 кинотеатров, 2 музея, планетарий и десятки других учреждений. Организовано более 50 коммунально-бытовых предприятий, бань, гостиниц и т. п. (21). Из года в год возрастали объемы ввода нового жилья различными организациями области. Так, в 1947—1950 гг. было построено свыше 365 тысяч квадратных метров жилья, в том числе в 1947 — 30,2 тысячи, в 1948 — 70,8 тысячи, в 1949 — около 100 тысяч и в 1950 — около 165 тысяч. Значительная часть каркасно-засыпного жилья была переделана, переоборудована, капитально отремонтирована. (22).

Жилищную проблему своей семьи Д. Н. Мельник решил для себя довольно не обычно. Он не стал переезжать в построенный для него особняк, а остался жить в непереоборудованной холодной японской квартире. По свидетельству Н. А. Козлова, Д. Н. Мельнику и членам его семьи приходилось топить «буржуйки», сжигая за зиму до 16 тонн угля.

В эти годы происходило быстрое и устойчивое увеличение товарооборота, роста покупательной способности населения. В 1948 г. по сравнению с 1947 г. месячное потребление по отдельным важным продуктам питания на одного жителя области возросло в 2—5 раз. (23). На III сессии областного Совета депутатов трудящихся отмечалось: «Если до отмены карточной системы трудно было приобрести килограмм масла, мяса, муки (сверх положенного по карточкам — Н. К.), то сейчас эти продукты приобрести легко и без очереди». (24). В 1950 г. по сравнению с 1948 г. абсолютное увеличение товарооборота составило 42 процента. Продажа важнейших продуктов и товаров соответственно выросла: мяса и мясопродуктов — на 190 процентов, жиров — на 150, сахара и кондитерских изделий — на 221, промышленных товаров — на 183 процента. (25).

За этот же период значительно увеличилось потребление продуктов и промышленных товаров в расчете на каждого жителя Сахалина и Курил: сахара и кондитерских изделий — на 8 килограммов, или почти в 2 раза; мяса и мясопродуктов — на 2,5 килограмма, или на 30 процентов, рыбы — на 25 процентов, промышленных товаров — более чем на 30 процентов. (26). Расширился ассортимент товаров. В 1950 г. на базах и в торговых точках было около 100 наименований ткани, 12—15 видов обуви (в 1948 г. соответственно — 40—50 наименований ткани и 6—7 видов обуви). (27).

Заметно снизились цены на сахалинских рынках. В 1949 г. председатель облисполкома А. О. Емельянов с удовлетворе-

нием отмечал: «Два года назад цена на Сахалине на молоко была 20 рублей за литр, сейчас во многих районах 6—7, а в Анивском, Холмском районах — 4—5 рублей за литр. Два с половиной года назад свиное мясо на рынке г. Южно-Сахалинска было 300 рублей за килограмм, сейчас 40—50 рублей за килограмм». (28). За этот же период на рынках более чем вдвое снизились цены на овощи. (29).

Особое внимание обращалось на заявления, запросы, жалобы граждан. Д. Н. Мельник считал, что «вопросы разбора жалоб трудящихся, вопросы приема и удовлетворения нужд трудящихся стоят и должны стоять в центре повседневной работы». Он требовал от всех руководителей «по-партийному, по-человеческому, по-государственному относиться к разбору жалоб, к приему людей». (30). Сам он подавал пример в этом, еженедельно принимая по личным вопросам до 40—50 человек. (31).

Главные итоги деятельности Д. Н. Мельника на посту фактического руководителя Сахалинской области довольно объективно подведены в его докладах, речах и статьях. «За пять послевоенных лет, — отмечал он, — трудящиеся Сахалинской области проделали большую работу по развитию народного хозяйства и культуры области. Сделано главное: проведена коренная реконструкция промышленности и сельского хозяйства в южных районах области, оснастили предприятия, колхозы и совхозы новейшей отечественной техникой, создали устойчивые производственные коллективы, кадры партийных, советских, хозяйственных работников, способных решать поставленные задачи. На базе коренной перестройки народного хозяйства созданы возможности для роста производительных сил, и эти возможности уже воплощаются в конкретные дела коллективов... многое сделано... по созданию жилищно-бытовых условий людям. Значительное развитие получили народное образование, здравоохранение, культура и искусство». (32).

О личном вкладе Д. Н. Мельника в достижение этих результатов, может быть, несколько патетично, но по сути верно сказано в предвыборной листовке, изданной в связи с выдвижением его в 1950 г. кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР: «В этой чрезвычайно сложной обстановке, когда нужно было организовать завоз и размещение сотен тысяч людей, поднимать из руин и пепла предприятия, города и рабочие поселки, налаживать личную работу шахт, фабрик и заводов, повсеместно создавать партийные, советские и хо-

зяйственные органы, Дмитрий Никанорович Мельник показал себя прекрасным организатором и руководителем, умеющим быстро ориентироваться в сложной обстановке, оперативно принимать решения. Вдумчиво и всесторонне вникая в детали каждого вопроса, часто выезжая на места, он направляет деятельность партийных комитетов, советских и хозяйственных органов на решение важнейших задач хозяйственного и культурного строительства». (33).

НА ЗЕМЛЕ ПРИМОРСКОЙ И ЛИПЕЦКОЙ

15 июня 1951 г. V пленум Сахалинского обкома ВКП(б) освободил Д. Н. Мельника от обязанностей первого секретаря обкома и члена бюро обкома партии в связи с выездом его на учебу на годичные курсы при ЦК ВКП(б). Затем он был отозван в Секретариат ЦК, где работал в качестве инструктора ЦК ВКП(б).

В августе 1952 г. Д. Н. Мельник был рекомендован на работу в Приморье в качестве первого секретаря Приморского крайкома КПСС. На этом посту он проработал до марта 1955 г. По воспоминаниям его товарища по работе и друга Дмитрия Николаевича Крюкова (работавшего в 1945—1947 гг. начальником Южно-Сахалинского гражданского управления, а затем до 1949 г. — первым председателем Сахалинского облисполкома) Д. Н. Мельник довольно успешно работал в Приморском крае. Однако был снят с работы по прямому указанию Н. С. Хрущева, находившегося с визитом в Приморье. Причиной смещения Д. Н. Мельника послужила его независимая позиция и острая критика в адрес Первого секретаря ЦК КПСС.

После этого Д. Н. Мельник учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, а затем, с октября 1957 г. и до конца своей жизни, работал в Липецкой области. Здесь он работал сначала в качестве секретаря обкома КПСС, в 1963 г. — заместителем председателя облисполкома, а с декабря 1963 г. — снова секретарем Липецкого областного комитета партии. До последнего дня своей жизни он работал с большим напряжением. Однажды, находясь в командировке в одном из районов области, Д. Н. Мельник почувствовал себя плохо, выехал в Липецк и в тот же день, 5 февраля 1969 г., скоропостижно скончался.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В 1952—1991 — обком КПСС.
2. В фондах Сахалинского краеведческого музея (далее СОКМ) хра-

нится коллекция материалов о жизни и деятельности Д. Н. Мельника. (СОКМ. № 3474).

3. Сахалинский центр документации новейшей истории (далее СЦДНИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 66. (В ряде изданий о Сахалинской области, включая книгу «Область на островах» (3-е изд. М., 1979. С. 242), допущена неточность — указано, что Д. Н. Мельник возглавил Сахалинский обком партии в октябре 1945 г.).

4. Наиболее обстоятельно этот период исследован видным сахалинским краеведом Алексеем Николаевичем Рыжковым. см.: Рыжков А. Н. «Бои за родные острова». Южно-Сахалинск, 1980; и многие другие его работы.

5. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 258. Л. 2.

6. Там же. Л. 3.

7. СОКМ. № 3474-5. Предвыборная листовка кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Сахалинскому избирательному округу № 176 Д. Н. Мельника.

8. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 288. Л. 7; Д. 292. Л. 2; Ф. 4677. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.

9 СЦДНИ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 125. Л. 2.

10. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 570. Л. 11.

11. СЦДНИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 57. Л. 80.

12. Николай Андреевич Козлов окончил учительский институт и Высшую партийную школу, работал учителем, участвовал в Великой Отечественной войне. Войну закончил на Сахалине в августе 1945 г. После демобилизации остался в Сахалинской области и работал на комсомольской, партийной и советской работе. В настоящее время — сотрудник Государственного архива Сахалинской области.

13. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1, Д. 617, Л. 115.

14. Там же. Л. 120.

15. Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (далее НАСОКМ). Оп. 3. Д. 79. Л. 273.

16. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 376. Л. 128.

17. Государственный архив Сахалинской области (далее ГАСО). Ф. 53. Оп. 25 Д. 189 Л. 188.

18. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 190. Л. 5.

19. СЦДНИ. Ф 4. Оп. 1. Д. 570. Л. 12.

20. Советский Сахалин. 1951. 26 декабря.

21. Советский Сахалин. 1948. 19 ноября.

22. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 190. Л. 6; Д. 379. Л. 110.

23. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 82. Л. 183.

24. Там же. Л. 199.

25. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 294. Л. 40.

26. Там же. Л. 21.

27. Там же.

28. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 189. Л. 188.

29. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 190. Л. 5.

30. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 404. Л. 37, 38.

31. Там же. Л. 39.

32. Советский Сахалин. 1950. 3 декабря; СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 570. Л. 11.

33. СОКМ. № 3474-6. Предвыборная листовка кандидата в депутаты Верховного Совета СССР по Александровскому избирательному округу № 279 Д. Н. Мельника.

ЮБИЛЕЙ

К 70-ЛЕТИЮ Л. М. ДЕМИНА

Многим сахалинцам хорошо знакомо имя Льва Михайловича Демина — участника боев за освобождение Южного Сахалина от японских милитаристов в августе 1945 года, историка, писателя и журналиста. После войны Л. М. Демин неоднократно посещал наш остров. В результате глубокого изучения истории и людей Сахалина появились книги «За Татарским проливом» (М., 1965) и «Сахалинские записки» (М., 1985), многочисленные газетные и журнальные статьи. Кстати, самая первая публикация Л. М. Демина (это были стихи) появилась на страницах газеты «Советский Сахалин» в 1946 г.

Лев Михайлович Демин родился в Костромской области 1 марта 1923 г. Как и многие его ровесники, участвовал в Великой Отечественной войне. Конец войны встретил на Сахалине. Как пытливый исследователь, Л. М. Демин сформировался в стенах исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института и восточного факультета Высшей дипломатической школы МИД СССР. Более шести лет он провел на практической журналистской работе в странах Юго-Восточной Азии. Ему удалось посетить многие интереснейшие уголки этого региона: Западный Ириан, Калимантан, Северную Суматру, Сингапур, Малакку, Бруней. Богатые личные впечатления позволили Л. М. Демину написать целую серию книг, посвященных Индонезии и другим странам Юго-Восточной Азии. Опыт журналиста-международника позволил Льву Михайловичу работать со студентами университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы и Московского государственного университета. С начала 60-х годов он работает в системе Академии наук СССР (преимущественно в институте востоковедения).

Перу Л. М. Демина принадлежит около 20 книг и большое количество публикаций в газетах, журналах, сборниках, альманахах. Ряд книг он посвятил истории русского Дальнего Востока. В последние годы Л. М. Демин особенно тяготеет к биографическому жанру. Героями его книг стали Семен Дежнев, русские путешественники Щербатовы, замечательный мореплаватель В. А. Римский-Корсаков (старший брат великого композитора Н. А. Римского-Корсакова), художник, писатель, общественный деятель и путешественник В. В. Верещагин, яванский художник и просветитель Раден Салех Бустаман.

Мы искренне желаем Льву Михайловичу Демину в день его юбилея крепкого здоровья, новых работ, счастья и благополучия в личной жизни.

А. М. ЛОПАЧЕВ.

Археологические исследования в Сахалинской области в 1992 г.

В. О. Шубин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ САХАЛИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1992 ГОДУ

В соответствии с планом научно-исследовательских работ летом 1992 г. Сахалинский областной краеведческий музей организовал и провел две международные экспедиции, которые охватили почти все районы Северного Сахалина.

3 мая по приглашению музея в Сахалинскую область прибыл доктор биологических наук, профессор ветеринарии университета Азабу (Япония) Ю. Танабе и его ассистент Е. Кавано. Профессор Ю. Танабе — автор нескольких монографий и примерно сорока научных статей — является крупнейшим специалистом в области молекулярной биологии. Он специализируется на изучении серологии и генетики собак. Полученные в результате исследования выводы широко используются им не только в биологии, но и в смежных дисциплинах, в частности: в антропологии, при решении проблемы происхождения древнего и современного населения Японии. Поэтому в состав экспедиции от Сахалинского музея вошли археологи В. О. Шубин и С. В. Ткаченко.

Базируясь на известных фактах о взаимовлиянии древних культур Сахалина и Японских островов, профессор Ю. Танабе поставил перед собой задачу—провести выборочный сбор образцов крови собак, причем изначально предполагалось сосредоточить основное внимание на обследовании собак, принадлежащих представителям коренной народности Северного Сахалина — нивхам. По возможности, анализы крови

отбирались только у тех особей, которые, по данным владельцев, являлись потомками ездовых и охотничьих собак. Всего было обследовано 55 животных, у 54 из них было отобрано по 3 кубических сантиметра крови для последующего лабораторного анализа. Все собаки принадлежали к местной породе лаек, которая образовалась в результате бесконтрольного (вольного) смешивания аборигенных собак и завезенных отродий, живущих в поселках Чир-Унвд Тымовского района, в Ногликах, Венское, Вал; Пильтун, Новые Лангры, Романовка, Некрасовка — в Охинском районе.

За девять дней работы экспедиция преодолела свыше 2 тыс. километров на автомобиле, причем работа была в значительной степени осложнена погодными условиями: глубокий циклон 1—2 мая обрушил на о. Сахалин полуторамесячную норму осадков в виде мокрого снега, усугубившего весеннюю распутицу и сделавшего и без того трудные дороги Северного Сахалина совершенно не проезжими.

Экспедиция благополучно закончилась 11 мая. Результаты будут опубликованы.

В период с 14 по 31 августа 1992 г. Сахалинский областной краеведческий музей совместно с Национальным этнографическим музеем Японии (г. Осака) продолжил этнографические исследования в области изучения материальной и духовной культуры аборигенов Северного Сахалина — ороков, эвенков и нивхов.

По приглашению Сахалинского музея в состав экспедиции вошли: доктор наук, профессор К. Оцука, его ассистент и жена Т. Оцука (г. Осака) и представители частной телевизионной компании «Саппоро эзо продакшен К°ЛТД» во главе с продюсером С. Ивазуми.

От Сахалинского музея в состав экспедиции вошли: В. О. Шубин, Т. Г. Мироманов (Александровск-Сахалинский филиал), Г. Д. Лок (Ногликский филиал). Неоценимую помощь экспедиции оказали: Л. Д. Кимова (пос. Ноглики), Х. Огава (г. Поронайск), З. Агнюн и М. Погнюн (пос. Романовка) и многие другие.

Основной целью экспедиции являлось: изучение традиционного и современного способов приготовления национальной пищи у ороков, эвенков и нивхов и съемка документального этнографического телевизионного фильма.

Первым объектом изучения и документирования был процесс приготовления традиционной летней пищи ороков из рыбы, лесных дикоросов и морепродуктов, организован-

ный информатором Хацуко Огава на живописном берегу р. Поронай, недалеко от одноименного районного центра. Всего было приготовлено 9 национальных блюд.

Вторым объектом изучения был процесс приготовления национальной пищи из оленины, организованный в полевом лагере пастухов-эвенков на реке Внахту, примерно в 12 км к северу от одноименного поселка Александровск-Сахалинского района. Специально для экспедиции был забит, разделан и приготовлен дикий олень.

Далее экспедиция по заброшенным лесовозным дорогам пересекла Западно-Сахалинские горы и продолжила изучение нивхской традиционной кулинарной традиции в пос. Чир-Унвд Тымовского района. Эта работа была продолжена в пос. Ноглики, Вал и, наконец, в пос. Романовка (Луполово); местными жителями в течение трех дней было приготовлено тринадцать национальных блюд, причем документировался весь процесс: от сбора сырья (ягоды, дикоросы, рыба) до приготовления и употребления пищи.

На обратном пути, в районе пос. Ноглики, изучались способы приготовления национальных блюд нивхской кухни из нерпы.

В целом, экспедиция прошла очень успешно, и был собран совершенно уникальный этнографический материал. Результаты полевых наблюдений будут опубликованы. Кроме этого, в научный оборот будет введен фильм на русском и японском языках.

Печ. л. 9. Уч.-изд. 8,52. Заказ № 216. Тираж 1000. Цена договорная.